ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

На правах рукописи

Грошовкина Наталья Александровна

ГЕНДЕРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЧЕЛОВЕКА В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

Специальность 09.00.11 – социальная философия

Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук

Научный руководитель
доктор философских наук,
профессор В.М. Чугуенко

Тирасполь, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Глава 1. **Гендерные проблемы в контексте фундаментальных социально-философских парадигм** 12

1.1. Гендерный потенциал как объект исследования социальной философии 12

1.2. Феминистская философия о сущности и содержании гендерных проблем 34

Глава 2. **Общее и особенное в развитии гендерного потенциала личности и общества** 65

2.1. Актуализация гендерного потенциала в современном обществе 65

2.2. Перспективы изменений в гендерном потенциале 104

2.3. Региональные особенности гендерного потенциала в Приднестровье 130

Заключение 145

Библиография 153

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Важнейшей детерминантой развития общества является перманентное воспроизводство производительных сил, основной составляющей которых выступает человеческий потенциал: численность работников, продолжительность жизни, качество образования и нравственного воспитания, ориентация каждого индивида на самосовершенствование, самоутверждение и самореализацию в обществе. Неуклонное повышение человеческого потенциала невозможно представить без кардинального решения гендерных проблем, касающихся специфики развития и эффективного применения индивидуальных способностей женщин и мужчин. В научном аспекте это связано с необходимостью глубокого социально-философского проникновения в сущность указанных проблем, социологического мониторинга и концептуально обоснованной социальной политики, направленной на устранение причин, которые сдерживают данный процесс.

Особенного внимания заслуживают «женские проблемы» участия в социальном воспроизводстве человеческого потенциала. Женщины составляют более половины трудоспособного населения, средняя продолжительность их активной жизни больше, уровень образования выше, чем у мужчин. Женщины заняты как в публичном, так и в приватном секторах производства материальных и духовных благ. Их репродуктивная функция (рождение и семейное воспитание детей) незаменима. Сочетание одновременной занятости в общественной и в домашней сферах жизнедеятельности представляет социальную необходимость, однако оно связано с определенными проблемами объективного и субъективного характера, игнорирование которых имеет нежелательные последствия и для самой женщины, и для социума в целом.

Уход женщины из публичного либо из домашнего сектора экономики и культуры влечет за собой значительные индивидуальные и общественные

потери. Игнорирование гендерного подхода к социально-философским исследованиям и практическому решению проблем социокультурного человеческого потенциала становится существенным фактором социальных патологий: депривации, депрессий, девиантного поведения среди значительной части населения в трудоспособном возрасте.

Предоставление женщинам возможности выбора сферы жизнедеятельности (или сочетания сфер приложения своих трудовых усилий и творческих способностей) в соответствии с собственными темпоральными жизненными стратегиями, личными склонностями и способностями является важнейшим условием оптимального применения их социокультурного потенциала в интересах развития всего общества, но требует специального изучения и осмысления влияния разнообразных объективных и субъективных факторов на социальное поведение, жизненные траектории женщин и мужчин.

Серьезными социальными и гендерными проблемами становятся в настоящее время снижение доли мужчин среди учителей школ и преподавателей вузов; уменьшение роли мужчин в процессах, способствующих укреплению семьи, воспитанию детей; утрата многими представителями сильного пола традиционных мужских качеств личности (волевого и нежного супруга, заботливого и требовательного к детям и молодым людям отца и воспитателя).

Степень изученности проблемы. К проблеме выявления, развития и применения способностей, характерных для женского и мужского полов, обращались мыслители античности (Платон, Аристотель), средневековья (Августин Блаженный, Фома Аквинский), французские просветители (Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро, Ш. Монтескье), классики философии Нового времени (Ф. Бэкон, И. Кант, Г. Гегель, И.Г. Фихте).

Значительный вклад в понимание гендерных проблем в XX веке внесли такие представители традиции постмодернизма, как Ж. Бодрийяр, Ж. Делез,

Ж. Деррида, Ж.Ф. Лиотар, М. Фуко, сторонники этнометодолгической и феноменологической ориентации Г. Гарфинкель, И. Гоффман.

В России анализ гендерных теорий и их социокультурных детерминант проводили Г.А. Брандт, А.А. Демиденко, С.В. Жеребкин, И.А. Жеребкина, О.М. Здравомыслова, Е.А. Здравомыслова, А.Н. Яныкина, А.А. Темкина, Ю.В. Шаповалова, С.А. Ушакин.

Исследования Л.М. Богатовой посвящены выявлению функциональной роли мужского и женского полов в зарождении, становлении и развитии культуры. В работах О.В. Поспеловой показано, что модели гендерной идентичности, предлагаемые современными субкультурами женщинам, препятствуют им выступать в роли полноправного субъекта социальных, политических и культурных процессов. В диссертации М.В. Юсуповой содержится комплексный анализ социально-философского дискурса по проблемам и источникам конструирования гендерной идентичности. Исследование философских аспектов гендерного неравенства, особенностей его воспроизводства в познании и преобразовании общества представлены в работах О.А. Ворониной, З.Р. Биккуловой, Е.Е. Агафоновой, А.Ю. Браерской, Г.И. Зверевой, О.В. Рябова, Ч.О. Акматалиевой, Е.А. Ануфриевой, Г.Н. Певченко, Н.П. Полежаевой, И.А. Остапенко, Г.Г. Силласте, О.И. Ключко.

Гендерные отношения исследовались Л.Н. Надолинской, Н.Г. Митиной, О.Е. Морозовой, А.А. Потапенковой, В.Е. Семеновой, В.В. Соловьевой.

Социологические аспекты гендерного самоопределения изучали А.И. Скутнева, С.А. Автономова, Г.Н. Карелова, Л.С. Егорова, А.А. Воронов, Л.А. Крайнева, М.А. Лактионова, С.В. Сокольская.

Гендерные аспекты экономических и социальных преобразований в управлении обществом, в семье, образовании и культуре нашли свое отражение в исследованиях И.В. Крыковой, Е.В. Ясеновской, Л.А. Вовк, Е.Н. Фетисовой, Ю.А. Черноситовой-Усиченко.

Проблемой исследования отдельных гендерных аспектов воспроизводства человеческого капитала занимались Н.В. Белохвостова, Е.В. Басистая-Прокопова, Т.Ж. Журженко, О.Л. Краева, И.В. Савенкова.

Основное внимание в отечественной социально-философской литературе, как и в западной феминистской философии, оказалось сконцентрировано на проблеме женского неравенства и гендерных различий. А проблема реализации гендерного социокультурного потенциала продолжает занимать маргинальное место в социальной философии, хотя именно осмысление и преодоление барьеров на пути человечества к оптимальному развитию и использованию общих способностей и гендерных различий мужчин и женщин составляют главный ресурс совершенствования материальных и духовных основ общества.

С учетом сложившейся объективной социальной ситуации в современном обществе основная проблема исследования представляется диссертанту как противоречие между общественной и приватной сферами жизнедеятельности женщин, от разрешения которой зависит не только решение проблем социального равенства и справедливости в обществе постмодерна, но и наращивание, оптимальное использование гендерного социокультурного потенциала женщин и мужчин.

Объектом исследования является гендерная идентичность.

Предметом исследования выступает гендерный социокультурный потенциал.

Цель исследования. Социально-философское осмысление сущности, структуры и закономерностей развития социокультурного гендерного потенциала человека в современном обществе.

В соответствии с обозначенной целью исследования в работе решается ряд социально-философских **задач**:

1) исследовать эволюцию философского дискурса о гендере и выявить основные конкурирующие между собой концептуальные подходы к данной проблеме;

2) осуществить анализ социальной значимости и перспектив возрастания роли гендерного потенциала в публичной и приватной сферах общественной жизни;

3) рассмотреть влияние современных социокультурных детерминант на реализацию гендерного потенциала человека в обществе;

4) определить соотношение общего и особенного в накоплении и применении гендерного потенциала современного социума.

Теоретико-методологической основой исследования являются фундаментальные положения классической и современной философии о раздвоении единого человечества на женское и мужское начала, о единстве общего, особенного и единичного, что позволяет преодолевать абсолютизацию гендерных различий и феминистские тенденции противопоставления женщин мужчинам.

В работе использованы следующие методы: системный подход к анализу рассматриваемого явления; метод логико-исторической реконструкции изучаемого феномена; диалектический метод; метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Анализ гендерного потенциала опирается на диалектические принципы взаимодополнительности его духовной, социокультурной и нравственной сторон. Компаративистский подход в работе применялся для освещения существующих региональных и национальных особенностей социокультурных детерминант, лежащих в основе развития различных обществ (России и Приднестровья).

В исследовании были использованы результаты опросов, проведенных социологическими центрами России, Молдовы и Приднестровья. Цель данных опросов заключалась в изучении доминирующих стереотипов повседневных практик гендерных отношений, а также представлений о должном распределении статусов и социальных ролей как в приватно-семейной, так и в общественной сферах жизнедеятельности женщин и

мужчин, о тенденциях и перспективах изменений в их менталитете и социальном поведении.

Научная новизна исследования заключается в следующих положениях:

1. Обосновано положение о том, что гендерный потенциал представляет собой важный источник расширения творческих возможностей человека в повышении эффективности социального взаимодействия и оптимального применения в социальных практиках специфических способностей мужчин и женщин.

2. Разработана комплексная концепция гендерного потенциала как совокупности тождественных и различающихся возможностей мужчин и женщин, способных вносить вклад в развитие общества.

3. Предпринята попытка преодолеть парадигму антагонизма женского и мужского; аргументирована идея диалектического единства их социокультурных потенциалов как общего и особенного в едином социуме.

4. Показано, что недостаточная реализация гендерного потенциала обусловлена существующей непрестижностью приватной сферы человеческих отношений (занятия домашним хозяйством, воспитания детей) в сравнении с общественной.

5. Выявлены региональные особенности соотношения гендерных потенциалов мужчин и женщин в условиях «замороженного» военно-политического конфликта и социально-экономического кризиса.

Основные положения диссертационного исследования, выносимые на защиту:

1. Гендерный потенциал представляет собой систему специфических способностей, возможностей, творческих сил каждого пола, а также личностных интеллектуальных и духовных потенциалов самореализации женщин и мужчин в обществе. Это способность мужчины и женщины быть полноценным субъектом социального действия в соответствии со своими личностными и в то же время имманентными полу качествами. В основе

гендерного потенциала находятся реальные, но еще недостаточно используемые возможности для развития и применения мужчинами и женщинами своих способностей в физическом и умственном труде (продолжительность и мотивация активной социально полезной деятельности, духовное богатство и нравственные качества личности, креативность).

2. Социокультурный человеческий потенциал, представляющий собой уровень развития человека вообще, и гендерный потенциал как совокупность специфических творческих сил каждого пола и личностных интеллектуальных и духовных потенциалов женщины и мужчины, отражают связь понятий «человек» (общее), «женщина»/«мужчина» (особенное), «индивид» (отдельное). Сочетание, андрогиния личностных черт инструментализма и экспрессивности женственности и мужественности у отдельных индивидов, в различных жизненных ситуациях в той или иной степени проявляются в качестве релевантного жизненным потребностям ресурса гендерного потенциала. Еще более значительным ресурсом выступает органическое сочетание гендерных различий по принципам дополнительности и взаимного обогащения находящихся за ними способностей к универсальной кооперации, социальному взаимодействию.

3. В современном обществе актуализируется не сама по себе проблема гендерного неравенства, заключающегося в асимметрии социальных статусов мужчины и женщины, а проблема относительно низкой престижности деятельности людей в сфере воспроизводства общечеловеческого социо-культурного капитала (в семье, системах образования и здравоохранения).

4. Гендерные потенциалы мужчин и женщин наиболее эффективно и полно реализуются лишь взаимодополняя друг друга в социальной действительности, представляя собой диалектическое единство.

5. Женственность и мужественность, сохраняя в себе некоторое инвариантное ядро гендерной идентичности, в то же время являются подвижными, «плавающими» в социальном времени и пространстве, т. е. они

ситуативны, как свидетельствует, в частности, пример Приднестровья. В неординарных ситуациях женщины адаптируются быстрее мужчин и принимают на себя их функции – заботятся о материальном обеспечении семьи, встают на защиту независимости своего края, принимают меры для предотвращения дальнейшей эскалации военно-политического конфликта, активно участвуют в государственном управлении в условиях массовой миграции мужчин на заработки за пределы республики. Наиболее приспособленными к успешной жизнедеятельности оказываются личности андрогинного типа, гармонически сочетающие черты мужской инструментальности и женской экспрессивности.

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Результаты диссертационной работы имеют теоретическое и практическое значение для дальнейшего развития социально-философских исследований гендерных отношений. Теоретическая значимость состоит в определении сущности, содержания и закономерностей развития гендерного потенциала общества. Использование результатов исследования может быть полезным при разработке региональных программ социальной политики, социологических мониторингов гендерных траекторий самореализации личности в экономической, политической, социокультурной и приватной сферах жизнедеятельности, а также при подготовке спецкурсов по гендерной проблематике.

Апробация результатов исследования. Основные положения, выносимые на защиту, и теоретические выводы диссертанта были обсуждены и одобрены на заседаниях кафедр философии и теории и методологии социологии ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Отдельные положения, теоретические и практические выводы исследования неоднократно излагались автором в докладах, на научных семинарах, «круглых столах»: «Социальная реальность в отражении социологии» (Тирасполь, 2009), «Трансформация института семьи в новых социально-экономических условиях» (Тирасполь, 2009), «Состояние и перспективы развития института прав человека в

Приднестровской Молдавской Республике» (Тирасполь, 2009), на ежегодных научных конференциях профессорско-преподавательского состава ПГУ им. Т.Г. Шевченко. Основные положения диссертации были изложены в тезисах и выступлениях на Международных научно-практических конференциях: «Современные направления теоретических и прикладных исследований» (Одесса, 2011), «Социальное взаимодействие в изменяющемся обществе: поиски стабильности и равновесия» (Тирасполь, 2011), «Научные исследования и их практическое применение. Современное состояние и пути развития» (Одесса, 2012), «Личность в межкультурном пространстве» (Москва, 2012) – и опубликованы в сборниках статей конференций.

В рамках изучения современных социальных трансформаций гендерных отношений на примере Приднестровья под руководством и при участии автора было проведено 13 эмпирических замеров, позволяющих выявить специфические региональные отличительные черты гендерных практик: «Женщины в социально-политическом пространстве ПМР» (2001), «Региональная политика в сфере занятости женщин» (2006), «Насилие над женщиной в семье: социальный аспект» (2007), «Образ современной женщины в СМИ» (2007), «Гендерная социализация в современной приднестровской семье» (2010), «Репродуктивное здоровье молодых семей в ПМР» (2010), «Гендерные стереотипы на рынке труда Приднестровья» (2011), «Гендерная идентификация личности в условиях трансформирующегося общества» (2011), «Гендерные аспекты самореализации личности» (2012), «Современные формы семейно-брачных отношений» (2012), «Поведенческие и карьерные стратегии женщин в сфере социального управления» (2013), «Гендерный потенциал занятости населения г. Тирасполя» (2013), «Трансформация образа мужчины в современном обществе» (2013). Исследования репрезентативны. Они были проведены по авторской методике с соблюдением общеметодологических подходов, что обеспечило их достоверность.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, содержащих пять параграфов, заключения и библиографического списка. Общий объем диссертации представлен на 160 страницах основного текста и 20 страницах библиографического списка, включающего 213 наименований источников.

Глава 1. **ГЕНДЕРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В КОНТЕКСТЕ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ ПАРАДИГМ**

1.1. Гендерный потенциал как объект исследования социальной философии

Сложная и противоречивая конфигурация техногенных и социальных факторов реализации гендерного потенциала человечества обусловила устойчивое повышение исследовательского интереса в философии и социологии к изучению особенностей формирования личности и типологии социального поведения женщин и мужчин в современном обществе. При этом отчетливо проявляются и развиваются две основные тенденции в методологических подходах к проблеме – позитивистская и феноменологическая. Если в первом случае внимание акцентируется на внешних, объективных (биологических, технологических, экономических) факторах разделения труда и социальных ролей между полами, то во втором – оно сосредоточивается на внутренних, субъективных предпосылках гендерного неравенства – патриархальном менталитете мужчин, особенностях женского характера, традиционных стереотипах в понимании социальных ролей и статусов, интерсубъективном характере их закрепления в сознании.

Парадигма рационального осмысления естественных, объективных основ бытия человека, имманентной ему гендерной дихотомии была заложена в трудах древнегреческих мыслителей, которые отводили разуму ведущую роль в качестве средства анализа сущности и существования человеческого рода. Рассматривая данный вопрос, Платон одним из первых обратил внимание на двуединство женского и мужского начал бытия человека. Первые люди – андрогины, по его представлениям, гармонично совмещали в себе человеческую двойственность и поэтому были счастливы и

успешны во всех своих начинаниях. «Страшные своей силой и мощью, андрогины питали великие замыслы и посягали даже на власть богов». После разъединения Зевсом они сохранили любовное влечение друг к другу. Но, к сожалению, отмечал Платон, люди «совершенно не сознают истинной мощи любви, ибо, если бы они осознавали ее, они бы воздвигали ей величайшие храмы и алтари». По своей природе мужское и женское начала в человеческом роде составляют нечто целостное, а стремление к целостности «приносит величайшую пользу…, ибо сделает нас тогда счастливыми и блаженными, исцелив и вернув нас к нашей изначальной природе»[1]. Примечательно, что к этой идее андрогинности, теперь как бы возвращаются современные гендерные исследования после «войны», объявленной мужскому доминированию мировым феминистским движением более 200 лет назад. И какие резервы совершенствования человека и развития общества таит в себе формирование андрогинной личности по-настоящему, еще не осмыслено ни философами, ни общественным мнением, хотя интерес к данному аспекту идентификации и социализации индивида начинает проявляться как в теоретических, так и в эмпирических исследованиях, например, Л.М. Богатовой. Но этому возрождению платоновской идеи о человеческом потенциале андрогинности предшествовал многовековой период принижения роли женского начала в развитии общества.

Так, у Аристотеля подчеркивается противоположность между женственностью и мужественностью в человеке как дистинкция пассивной материи, носительницей которой выступает женщина, и активной творческой энергии, заложенной в мужчине. «Как мы сказали, – утверждал философ, – началами возникновения можно признать в первую очередь женское и мужское: мужское – как заключающее в себе начало движения и возникновения, женское – как материальное начало»[2]. Оставляя в стороне категорическое противопоставление Аристотелем мужского как активного

[1] Платон. Пир. Собр. соч.: В 4-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – С. 98.
[2] Аристотель. О возникновении животных. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – С. 91.

начала – движения и женского как пассивного – материального, следует отметить его продуктивную в дальнейшем философствовании идею о взаимной необходимости для существования человеческого рода этих двух субстанций. Поэтому мужское и женское невозможно сравнивать по значению ни в естественно-биологическом, ни в социокультурном смысле, поскольку они в равной степени необходимы и не могут оцениваться в континууме от низшего к высшему. «Возникновение потомства происходит в самке, но не в самце…, – подчеркивал Аристотель, – оба приносят образуемое в самку, так как в самке находится материя, из которой состоит производимое»[1]. Исходя только из принципа природосообразности во взаимодействии полов даже без учета фактора культуросообразности ученый сделал очень важный вывод для дальнейшего понимания гендерных отношений: о тождественности женщины и мужчины как представителей двух полов человеческого рода.

Фома Аквинский с позиций христианской веры продолжает развивать идею Аристотеля о тождественности мужчины и женщины, которые представляют разумную природу человека, сотворенного по образу Божию. В то же время Фома Аквинский указывает не просто на различие между полами, а на вторичность значения женского пола: «Ибо не муж от жены, но жена от мужа; и не муж создан для жены, но жена для мужа»[2].

Можно предположить, что если и мужчина, и женщина сотворены по образу Божию, то, очевидно, они тождественны и в умственных способностях к разумному творению: «Поэтому остается только, что в самом разумном творении образ Божий обнаруживается только сообразно уму»[3]. Круг способностей женщин (выражаясь более современно, их гендерный потенциал), как следует из концепции Аквинского, определяется их ролью разумной и одухотворенной помощницы мужчины в деле продолжения рода

---

[1] Аристотель. О возникновении животных. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – С. 86.

[2] Аквинский Фома. Святой Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 65–119 / Пер. А.В. Апполонова. – М., 2007. – С. 372.

[3] Там же. – С. 375.

и в хозяйственной жизни, подчиненной его воле. Таким образом, можно заключить, что женщине не свойственна субъектность, способность к управлению. Но этого от нее и не требуется, «поскольку мужчина более склонен принимать решения, основанные на разуме»[1].

У Ф. Бэкона более четко проявилась идея доминирования мужского начала, олицетворяющего человеческий разум, над женской сущностью природы, содержащей в себе неисчерпаемые ресурсы, которыми надо овладеть силой познания. Ученый предлагал утвердить законный брак между познанием и природой, в котором познающему субъекту отводится роль и работа мужчины, утверждающего свою власть и доминирование над природой и женщиной. Так, античное представление о знании как о благе заменяется в философии Ф. Бэкона высказыванием, что «знание – это сила»[2].

На общее в женской и мужской идентичности отчетливо указывал и Ж.-Ж. Руссо: «Мы достоверно знаем только то, что все общее в них относится к роду, а все, что в них есть различного, относится к полу. С этой двойной точки зрения мы находим между ними столько соотношений и столько противоположностей, что, быть может, это одно из чудес природы, что она могла создать два существа, столь похожих, наделив их столь различною организацией. В том, что у них есть общего, они равны; в том, что у них есть различного, они не поддаются сравнению»[3]. По его мнению, женщина обладает рядом позитивных качеств и поэтому может оказывать нравственное влияние на мужчину. Следовательно, нужно не подавлять женственность, а управлять ею с помощью разума, контроля над женской чувственностью и целенаправленного воспитания тех качеств личности, которые необходимы для исполнения семейных ролей супруги и матери. Но, признавая равенство полов, Ж.-Ж. Руссо подчеркивает повышенную по сравнению с мужчиной моральную ответственность женщины за сохранение

---

[1] Аквинский Фома. Святой Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 65–119 / Пер. А.В. Апполонова. – М., 2007. – С. 359.

[2] Цит. по: Merchant C. Death of Nature: Women, Ecology and the Scientific Revolution. San Francisco, Harper and Row, 1980, p. 87.

[3] Ж.-Ж. Руссо. Книга V. Софи, или Женщина. Избр. соч. В 3-х т. Т. 1. – М.: Гослитиздат,1968. – С. 546.

супружеской верности, из-за нарушения которой распадается семья. При этом он игнорирует тот факт, что мужская неверность имеет в конечном счете те же последствия.

В немецкой классической философии продолжается обоснование взаимоотношения мужчины и женщины, природосообразности сохранения человеческого рода. По мнению И.Г. Фихте, в их взаимном влечении заложена трансцендентальная цель природы, обычно не осознаваемая человекам «до опыта и в естественном состоянии». Данная цель заключается в продолжении рода. «Это было бы возможно только за счет того, что сила, создающая род, стала бы разделяться на две абсолютно взаимозависимые половины и была бы разорвана на две части, создающие продолжающееся целое только в их объединении»[1]. И.Г. Фихте ссылается на «закон взаимообособления двух создающих полов» для обоснования их жесткого различия, состоящего в том, что «один пол ведет себя как деятельный, а другой – только как страдательный»[2].

Признавая моральное равенство обеих сущностей, Фихте считал, что женский пол «согласно устройству природы» стоит на одну ступень ниже мужского. Однако он не отрицал, что женщина способна «благодаря свободе» возвыситься над своей природой, но «такое возвышение не многим лучше падения», очевидно, потому что ее развитие может пойти и по пути уподобления мужчине, а это приведет к утрате женственности[3].

Согласно философским взглядам И.Г. Фихте нравственное содержание женщины выражается в любви к своему Единственному избраннику, в которой она приобретает личность и достоинство, а нравственное содержание мужчины – в великодушном господстве над женщиной, что побуждает его быть благородным и достойным ее уважения. Следовательно, идеальные отношения между супругами, по представлению И.Г. Фихте, – это

---

[1] Фихте И.Г. Основоположения естественного права согласно принципам наукоучения. Первое приложение естественного права. Очерк семейного права// Философские науки. – 1972. – № 5. – С. 120.

[2] Там же. – С. 121.

[3] Там же. – С. 123.

не господство хозяина над рабыней, а отношения, преисполненные чувствами любви и уважения друг к другу. Только в таком брачном «союзе мужчины и женщины, т. е. в осуществлении целостного человека как законченного продукта природы, и только в этом союзе находится внешнее побуждение к добродетели»[1].

И. Кант очень скептически отзывался о способностях женщин к абстрактному мышлению, об «ученых женщинах» вообще, ограничивая их социальные функции деторождением, «сохранением рода» и нравственно-культурным влиянием на поведение мужчин «с помощью благонравия, красноречия и выразительности лица с притязанием на мягкое и вежливое обращение со стороны мужчин» и, как следствие, облагораживанием общества своей женственностью[2]. Нужно особенно подчеркнуть, что в женственности он усматривал естественные «более тонкие чувства, необходимые для культуры, а именно чувства общительности и благопристойности», способные сделать женщину властительницей мужчины, чтобы привести его «если не к самой моральности, то к тому, что представляет ее облачение, т. е. к благопристойности как подготовке к моральности»[3].

Идея Канта об огромном социально-культурном и нравственном потенциале женственности практически еще не нашла достойного выражения ни в теории, ни в практике мирового феминистического движения, «утонула» в рассуждениях о равноправии и равном доступе женщин ко всем сферам общественной жизнедеятельности.

По мнению И. Канта, мужчина и женщина по своим природным качествам взаимно дополняют друг друга. Мужчине присуще благородство, глубокомыслие, трудолюбие, целеустремленность, абстрактное мышление. В женщине он находит, прежде всего, красоту, скромность,

---

[1] Фихте И.Г. Основоположения естественного права согласно принципам наукоучения. Первое приложение естественного права. Очерк семейного права // Философские науки. – 1972. – № 5. – С. 125.

[2] Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. – СПб.: Наука, 1999. – С. 406.

[3] Там же. – С. 406–407.

благожелательность, благосклонность, участливость[1]. Но женские качества не имеют такой моральной ценности, как мужские, поскольку они даны ей от природы и не требуют тех усилий, которые совершает мужчина из чувства долга, следуя в своих поступках универсальному принципу всех моральных действий – категорическому нравственному императиву.

Г.В. Гегель в «Феноменологии духа» и «Философии права» отрицает способность женщин к полноценному публичному участию в гражданском обществе, поскольку их поступками руководят чувства и семейное приватное сознание, а не понимание общего блага универсальности социума. Гегель рассматривает дихотомию женской и мужской нравственной субстанции через единство и противоположность единичного, заложенного в личности, в семье, с одной стороны, и общего – в гражданском обществе, с другой. «Поэтому один пол есть духовное как развивающее для себя сущую личную самостоятельность, знание и воление свободной всеобщности, на самосознание постигающей мысли и воление объективной конечной цели; другой пол представляет собой сохраняющееся в единении духовное как знание и воление субстанциального в форме конкретной единичности и чувства; первый пол являет собой в своем отношении вовне сильное и деятельное начало, второй – пассивное и субъективное»[2]. В «Философии права» ученый отмечает, что приватная сфера семейных отношений в меньшей степени, чем публичная, нуждается в правовом регулировании, которое находит свое применение лишь в тех случаях, когда ослабевают родственно-супружеские связи, основанные на любви. А поскольку семья является сферой преимущественно женской власти, то и формальное равноправие, распространяющееся в основном на гражданское общество, не оказывает существенного влияния на социальный статус женщины.

Хотя по отношению к социальному универсуму нравственность семьи и олицетворяющей ее женской сущности носит, по мнению Гегеля,

---

[1] Кант И. О различии возвышенного и прекрасного у мужчин и женщин // Соч. Т. 2. – М., 1964. – С. 152–155.

[2] Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 215.

«негативную» направленность, «различие полов и их нравственное содержание все же остается в единстве субстанции, и именно его движение и есть перманентное становление их»[1]. Поэтому женская нравственность характеризуется им в ее «определении для единичности», в то время как мужчина в качестве гражданина обладает сознающей себя силой всеобщности[2]. Вместе с тем Гегель раскрыл диалектическую взаимообусловленность личности, семьи как субстрата социального универсума и общества как феномена всеобщности. В связи с этим он не противопоставлял мужскую и женскую сущности в качестве высшего и низшего проявления социального. Они просто разные, но взаимно необходимые, что, однако, не мешало ему четко разграничивать сферы приложения способностей женщин и мужчин.

Несколько иную позицию в философском осмыслении гендерных отношений занимали представители иррационализма и антропоцентризма А. Шопенгауэр и Ф. Ницше. Их рассуждения о соотношении способностей мужчин и женщин к социальному взаимодействию не укладываются в формулу взаимодополнительности, а скорее являют собой признание полного интеллектуального, морального превосходства и господства мужского пола над женским.

По А. Шопенгауэру, женщина «не предназначена для слишком большого труда», «не создана для высших страданий, радостей и могущественного проявления сил». Ее призвание состоит в воспитании детей, утешении мужа в затруднительных обстоятельствах жизни. Женщины из-за слабости своих умственных способностей более оказывают сострадание к несчастным людям, но уступают сильному полу в деле справедливости. А. Шопенгауэр находит в женщине массу недостатков: слабый разум, притворство, хитрость, неискренность, отсутствие склонностей к музыке, поэзии, изобразительному искусству. Он отказывает женщинам даже в

[1] Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – М.: Наука, 2000. – С. 232.
[2] Там же. – С. 232.

способности по-настоящему любить детей, утверждая, что «любовь отца к детям совершенно другого рода и гораздо прочнее. Она основывается на признании в них своего собственного внутреннего Я, следовательно, метафизического произведения»[1]. Исходя из личного понимания социальной сущности женщины А. Шопенгауэр высказывает убежденность в том, что она не только по своей натуре обречена на повиновение, но и по собственной воле позволяет мужчине руководить собой в случае, когда получает полную независимость.

Ф. Ницше усматривал в женской природе больше негативного, чем положительного. Он считал, что феминизм – это ничто иное, как «неловкие попытки женской учености и самообнажения»[2]. По его мнению, если женщина, попав под влияние феминизма, начнет забывать свое благоразумие и искусство быть грациозной и игривой, прогонять заботы, легко относиться ко всему, если она разучится применяться к приятным «вожделениям», то проявятся присущие подлинной женственности педантичность, поверхностность, мелочная претенциозность, распущенность и нескромность, скрываемые и обуздываемые страхом перед мужчиной[3]. Таким образом, Ф. Ницше пришел к выводу: «Эмансипация женщины – это инстинктивная ненависть неудачной, т. е. неприспособленной к деторождению, женщины к женщине удачной – борьба с мужчиной есть только средство, предлог, тактика»[4].

Рационалистическая философия от Платона до Гегеля подготовила методический фундамент для логического и конкретно-социологического анализа гендерных проблем в марксистской и позитивистской парадигмах.

Основы позитивистской методологии гендерных исследований заложены в трудах О. Конта, Г. Спенсера, Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, А. Бебеля, Т. Парсонса. Сильной стороной позити-

---

[1] Шопенгауэр А. О женщинах. Сборник произведений / Пер. с нем., вступ. ст. и прим. И.С. Нарского. – М.: Попурри, 1998. – С. 68.

[2] Ницше Ф. Соч.: В 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – С. 232.

[3] Там же. – С. 353.

[4] Там же. – С. 727.

визма и его ответвлений (эмпирической социологии, бихевиоризма, квантификации, структурно-функционального анализа) является применение общенаучных методов познания на основе достоверных фактов.

Близкие к позитивизму сайентизм и логика марксистской философии при всех вариантах подводят исследователей к утверждению, что гендерные отношения, т. е. социально-культурные отношения между полами, являются одним из аспектов производственных отношений. При этом разделение труда между мужчиной и женщиной рассматривается как первичное, необходимое для существования человеческого рода. «Вместе с ростом потребностей развивается и разделение труда, которое вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом разделением труда, совершавшимся само собой или "естественно возникшим" благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям»[1].

Ф. Энгельс увязывал гендерные отношения непосредственно с историческими типами разделения труда и формами собственности на орудия труда. Он утверждал: «Разделение труда в семье обусловило распределение собственности между мужчиной и женщиной», – и пришел к выводу о том, что уравнение их прав, «освобождение женщины станет возможным только тогда, когда она сможет в крупном, общественном масштабе участвовать в производстве, а работа по дому будет занимать ее лишь в незначительной мере»[2]. Для марксистской методологии гендерных исследований было характерно отрицание каких-либо существенных различий в биологической основе умственных качеств мужчины и женщины. Главным фактором, негативно сказывающимся на развитии духовных способностей женщины, считался социальный статус, обусловленный экономическим неравенством, иерархией господства, сосредоточенного в руках мужчины.

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Госполитиздат, 1956. – С. 33.

[2] Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М.: Политиздат, 1989. – С. 167.

Особенно ярко эта точка зрения проявляется в исследовании А. Бебеля «Женщина и социализм». Исходя из научных данных об отсутствии каких-либо существенных различий в структуре мозга мужчины и женщины и опираясь на эволюционную теорию Ч. Дарвина, А. Бебель аргументирует положение о том, что законы естественных наук вполне применимы и к человеку, что «наследственность и приспособление имеют такое же значение по отношению к человеку, как и ко всякому другому созданию природы… Виной значительных различий в духовном и физическом развитии обоих полов является господствующее положение мужчины, длившееся целые тысячелетия» [1].

Таким образом, в марксистском подходе к исследованию гендерного неравенства мы находим немало принципов, перекликающихся с позитивизмом: использование результатов исследований естественных наук, стремление к научной интерпретации фактов, подтверждающих биологическое равенство полов с разными социальными функциями. А.А. Костикова справедливо отметила: «Теоретический марксистский феминизм оказывается, согласно теории марксизма, составной частью борьбы за освобождение человека от социального угнетения. Пожалуй, именно в этих работах, например „К еврейскому вопросу" К. Маркса (1843), „Происхождение семьи, частной собственности и государства" Ф. Энгельса (1883) или специально посвященной женскому вопросу и ставшей классической работе А. Бебеля „Женщина и социализм" (1879), понимание женского оказывается наиболее близким к тому, что востребовано теоретически сегодня: женщина – не особый человеческий подвид, а полноправный член общества, проблемы которого связаны, прежде всего, с социальным угнетением, возникшим на основе частной собственности. Однако получалось, что и политического равноправия в рамках буржуазного общества быть не может»[2]. Но для марксистской социологии гендера

[1] Бебель А. Женщина и социализм. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 167.

[2] Костикова А.А. Гендерная философия и феминизм: история и теория // Общество и гендер: Материалы Летней школы в Рязани, 1–12 июля 2003 г. – Рязань: Поверенный, 2003. – С. 32.

характерно, в первую очередь, подчеркивание роли социальных обстоятельств, которые обусловили возникновение гендерного неравенства при переходе от примитивной первобытной собственности к частной, капиталистической собственности на средства производства. Главную же предпосылку восстановления социальной справедливости в отношениях между полами исследователи этого направления усматривали в выравнивании экономической значимости производительного труда мужчин и женщин.

Определенное влияние марксистской и позитивистской парадигм исследования гендерных проблем сохраняется и в современной феминистской философии и социологии, когда их многие представители обращают внимание на внешние, объективные условия преодоления социального неравенства женщин и мужчин.

Так, например, Е. Стрельник в своем обзоре результатов гендерных исследований в настоящее время подчеркивает: «В современном обществе налицо противоречие между декларируемым равенством в доступе к ресурсам и реальными социальными процессами, а именно: фактическим ограничением доступа женщин к экономическим, политическим и образовательным ресурсам»[1]. И это не случайно, так как реальные обстоятельства жизни не могут не влиять на формирование взглядов людей в поисках решения актуальных социальных проблем, к которым относится и гендерная идентификация. Следовательно, дальнейшее повышение научного уровня исследований в данной области связано с разработкой их методологических оснований, что предполагает синтез позитивистской и феноменологической парадигм.

Э. Дюркгейм связывает исторический процесс углубления разделения труда, которое сопровождалось общественным усилением различий между социальными функциями мужчины и женщины, с изменением их

[1] Стрельник Е. Понятие социального потенциала в интерпретации проблемы гендерного неравенства // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 159.

антропологических характеристик (отличия в физической силе, в объеме мозга). А это, в свою очередь, по его мнению, не только способствовало увеличению производительности разделенных функций, но и делало их все более солидарными и устойчивыми, составляя основу всей системы общественных отношений. «Если бы полы совсем не разделились, то не возникло бы целой формы общественной жизни»[1]. Ученый пришел к обоснованному выводу о том, что общество в целом обязано своим существованием межгендерному разделению труда, поскольку в нем закладывается главный источник общественной солидарности.

Цивилизация создает новые объективные возможности для преодоления ранее существовавших барьеров на пути проникновения женщин в те сферы жизнедеятельности, которые ранее считались мужскими. Но при этом в тех областях труда, которые прежде закреплялись за женщинами, и в тех областях, которые закреплялись за мужчинами, гендерные различия как основа разделения труда и упрочения общественной солидарности не исчезают, а приобретают новые черты. Выявляя тенденцию возрастания различий, Э. Дюркгейм подчеркивает, что «в случае разделения труда они находятся один вне другого и связаны только потому, что различны, и эти различия сохраняются даже тогда, когда мужчины и женщины выполняют сходные функции, ибо в них женщина привносит свою собственную сущность, и роль ее остается совершенно особой, очень отличной от мужской»[2].

Утверждающаяся в процессе совершенствования гендерного разделения труда общественная солидарность имеет своим результатом установление «социального и морального порядка sui generis»[3]. Межгендерные отношения, основанные на объективной необходимости и эффективности применения специфических способностей к труду как мужчин, так и женщин, носят более устойчивый характер, чем межличностные, сексуальные и супружеские

---

[1] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – С. 62.
[2] Там же. – С. 61.
[3] Там же. – С. 62.

связи. Если последние строятся на субъективных, часто неустойчивых чувствах симпатии и любви и поэтому как основа брака нуждаются в подкреплении правовыми и экономическими средствами с государственными санкциями, то источником межгендерных отношений выступают объективные потребности общественного разделения труда. Обмен в этом процессе способностями к труду «предполагает, что два существа взаимно зависят друг от друга, потому что оба они несовершенны; он же только выражает внешним образом эту взаимную зависимость»[1].

С этой точки зрения на первый план в современных гендерных исследованиях выходит не просто проблема неравенства полов, возникшего по злой воле патриархально настроенного мужского рода, а социально эффективное применение их специфических потенциалов в процессе дальнейшего совершенствования общественного разделения труда и справедливой оценки вклада мужчин и женщин в развитие социума.

Данная идея получила свое развитие в исследовании Г. Зиммеля. В отличие от других представителей мировой рационалистической и позитивистской философии он считал, что женщина может внести значительный вклад в развитие культуры не только косвенно, вдохновляя мужчин на творчество, но и используя еще не раскрытый в полной мере потенциал своей специфичности познания и интуитивного восприятия мира[2].

Т. Парсонс, как и Э. Дюркгейм, подчеркивал универсальность и большую значимость гендерных различий. Разделение гендерных функций лежит в основе полоролевого подхода, сформулированного Т. Парсонсом в 40-50-х годах XX столетия в трактовке структурного функционализма, где роль женщины преимущественно в качестве домохозяйки объясняется объективными параметрами ее социального положения: отсутствием экономической независимости и самостоятельного источника

[1] Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – С. 62.
[2] Зиммель Г. Женская культура // Избранное: В 2-х т. – М., 1996. – С. 263–264.

существования, выполнением супружеских и материнских функций[1]. Логическое ядро теории половых ролей составляет разработанная М. Вебером и Т. Парсонсом методология социального действия, предполагающая: 1) анализ личности и ее социального статуса; 2) изучение действий и типов ролевого поведения, закрепленных за данным статусом; 3) ролевые ожидания, нормы, определяющие действия как адекватные статусу; 4) наличие системы социального контроля за исполнением ролей, включая субъекта контроля с помощью санкций – наказания, порицания, поощрения.

В парадигме полоролевого подхода женщине принадлежат экспрессивные функции поддержания морально-культурного климата в семье, ведения домашнего хозяйства, заботы о всех членах семьи, а мужчина играет важную инструментальную роль. «При этом исходным основанием поло-ролевого подхода, – подчеркивают Е.М. Здравомыслова и А.А. Темкина, – является имплицитное признание биологического детерминизма ролей, отсылающее к фрейдистскому представлению о врожденных мужском и женском началах»[2]. Типы ролевого поведения определяются социальным положением, ролевые стереотипы усваиваются в процессе интериоризации норм или ролевых ожиданий. Правильное исполнение роли обеспечивается системой поощрений и наказаний (санкций), положительных и отрицательных нравственно-психологических и властно-принудительных подкреплений.

Начиная со второй половины XIX века проблема неравенства женщины в обществе стала активно обсуждаться и в русской философии. Так, А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Д.И. Писарев подчеркивали необходимость социальных преобразований в России и поддерживали идею равенства и эмансипации женщины. В своих работах они подробно обсуждали различные аспекты равенства женщины, важнейшими из которых

---

[1] Parsons T.The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure // Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe, Ill.: FreePress, 1955. – P. 23.

[2] Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 15–23.

являлись экономическая независимость и избавление от семейного угнетения. Освобождение женщины должно было произойти, по их мнению, в процессе социалистического преобразования общества[1].

Эстетическое отношение к женщине, понятие женской красоты Н.Г. Чернышевский рассматривал как социально-историческую категорию, единство образа и сущности, женственности и жизненного идеала. «Прекрасно то существо, в котором видим мы жизнь такою, какова должна быть она, по нашим понятиям»[2]. Поскольку понятие жизненного идеала зависит от конкретных социальных обстоятельств формирования личности, то и представления о женском совершенстве и красоте в различных социальных слоях и эпохах существенно отличаются. Например, рассуждает Н.Г. Чернышевский, необходимыми условиями признания своим окружением сельской красавицы являются свежий цвет лица, румянец во всю щеку как внешние атрибуты здоровья и плотное, крепкое телосложение, сильные руки и ноги как признаки высокой трудоспособности. И другое дело светская красавица, у которой, по мнению ее социального окружения, «должны быть маленькие ручки и ножки», «маленькие ушки». «Они признак такой жизни, которая одна и кажется жизнью для высших классов общества, жизни без физической работы»[3]. «Бледность, томность, болезненность» воспринимаются как свидетельство сильных ощущений, волнений, «пылких страстей», связанных со светской жизнью.

Удивительно точное подтверждение правоты эстетических суждений Н.Г. Чернышевского нашло в советском искусстве, отобразившем характерное для того времени понимание социальной сущности и красоты женщины-труженицы в скульптуре рабочего и колхозницы с серпом и молотом, украшавшей вход на ВДНХ, или в скульптуре «Девушка с веслом»

---

[1] Герцен А.И. Капризы и раздумье // Соч.: В 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – С. 169–172; Писарев Д.И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Соч. – М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 1. – С. 231–232.

[2] Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. – М.: Гос. изд. худ. лит., 1955. – С. 10.

[3] Там же.

неизвестного автора. Эти работы являются воплощением идеала эмансипированной сильной и активной советской женщины, ее равенства с мужчиной.

Н.Г. Чернышевский в романе «Что делать?» (в снах Веры Павловны) выразил свое видение социально-исторического процесса освобождения женщины. Этот процесс обусловлен, по мнению мыслителя, общим гуманистическим развитием социума и состоит из четырех этапов совершенствования общества в целом и личности в частности.

Первый этап – становление взаимоотношений между всеми членами общества на основополагающем принципе гуманизма, любви к людям, зовущей к свету, радостям жизни, активной деятельности, выводящей женщину из «темного подвала» невежества и социального «паралича» неуверенности в своих силах. Второй – собирание сил из здоровых элементов реального, далеко не идеального общества, упорный, целеустремленный труд, борьба, в которой объединяются добрые люди и используется с благодарностью все, что может сделать для будущего обычный человек, преследуя собственные эгоистические интересы, для создания предпосылок возникновения нового общества. Третий – вызревание в каждой женщине потребности в настоящей любви, соединяющей сексуальность с ощущением духовной и телесной целостности с любимым. Вера Павловна во сне переживает свою неудовлетворенность отношениями с мужем: «У него натура, быть может, более пылкая, чем у меня. Когда кипит кровь, ласки его жгут. Но есть другая потребность, потребность тихой, долгой ласки, потребность сладко дремать в нежном чувстве»[1]. Здесь представлен базовый уровень межгендерных отношений – межличностный, интимный, о котором не принято рассуждать в серьезных философских трактатах. Именно от формирования личности женщины и мужчины, способных к сопереживанию, стремящихся к познанию внутреннего мира другого, находящих свое счастье

[1] Чернышевский Н.Г. Что делать?: Из рассказов о новых людях / Коммент. С.А. Рейсера. – М., 1980. – С. 220.

в нежной заботе о самом близком, зависит становление гуманных гендерных отношений на всех уровнях социальной структуры.

Но, как аллегорически живописует Н.Г. Чернышевский в четвертом сне, человечество прошло длительный путь совсем других типов отношений между женщиной и мужчиной. Первый из них олицетворяет богиня любви и земного плодородия в древней Сирии Астарта. Женщина этого типа отличалась сладострастием, раболепием перед своим господином, благодаря которому могла жить в роскоши. Но она оставалась рабыней, лишенной духовности, вещью в собственности господина, обязанной любить его, услаждать лень мужчины, который о ее чувствах был еще не способен заботиться.

Второй тип представлен красивой Афродитой и мудрой Аспазией. Женщины этого типа могли получить признание со стороны общественного мнения благодаря своим выдающимся умственным способностям (Аспазия) и физической красоте (Афродита). Однако они не были равны с мужчинами по социальному положению, оказывали влияние на социум опосредованно, через мужчин, а не лично и не обладали личной свободой.

Не могла быть идеалом женщины и Прекрасная Дама средневековья, которой мужчина-рыцарь поклонялся, «пока не касался к ней». Когда женщина становилась его женой, она превращалась в его подданную, в жену, которая была брошена, заперта, презрена.

Н.Г. Чернышевский верил, что на четвертом этапе наступит светлое, прекрасное будущее для женщины, когда она станет социально активной, деятельной, свободной, самостоятельной. На пути к этому положению женщины в обществе «мужчина становился разумнее, женщина тверже и тверже сознавала себя равным ему человеком»[1]. Но это светлое будущее не станет чудом, подарком свыше, а будет создано повседневными усилиями людей, осознавших свое жизненное призвание. «Стремитесь к нему,

[1] Чернышевский Н.Г. Что делать?: Из рассказов о новых людях / Коммент. С.А. Рейсера. – М., 1980. – С. 355.

работайте для него, приближайте его, переносите из него в настоящее все, что можете перенести»[1].

Представители русской религиозной философии В.В. Розанов и В.С. Соловьев критиковали идею женской эмансипации, считая ее поверхностным политическим лозунгом, не имеющим ничего общего с реальными интересами женщин. Вместе с тем именно В.В. Розанов обратил внимание на негативные для общества последствия самоустранения, мужчины от своей роли отца в семейном воспитании детей, создании человеческого гуманистического потенциала цивилизации: «Культура наша, цивилизация, подчиняясь мужским инстинктам, пошла по уклону специфически мужских путей – высокого развития „гражданства”, воспитания „ума”, с забвением и пренебрежением как незначащего или низкого „удовольствия” всего полового, т. е. самых родников, источников семьи, нового и нового рождения… Все европейские народы или вырождаются, или начинают вырождаться, и в то время как внутри их совершается этот процесс под односторонностью „мужских” интересов, они захватывают или усиливаются захватить кусок земли у соседа»[2].

Вл. Соловьев, отмечая «определенную односторонность и ограниченность мужской и женской индивидуальности», раскрыл неисчерпаемый внутренний источник человеческого развития «через муже-женственное воссоединение», «истинный андрогинизм»: «Человек и его женское alterego восполнят взаимно друг друга не только в реальном, но и в идеальном смысле, достигая совершенства только через взаимодействие»[3].

С иных позиций рассуждал Н.А. Бердяев. Полагая, что причина неравенства женщины заключается в ее экономической зависимости от мужчины, он выступал за предоставление женщине широкого доступа ко

---

[1] Чернышевский Н.Г. Что делать?: Из рассказов о новых людях / Коммент. С.А. Рейсера. – М., 1980. – С. 368.

[2] Лухманова Н.А., Розанов В.В. Женщина перед великою задачею. – СПб., 1898 [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_jenchina_pered_velikoy_zadachey.html (дата обращения: 23.11.13).

[3] Соловьев Вл. Смысл любви // Философия искусства и литературная критика. – М., 1991. – С. 141.

всем сферам жизни[1]. Не отрицая важности «раскрепощения женщины от власти мужа, уничтожения гнетущей зависимости от семьи, высвобождения личности», Н.А. Бердяев выступил с резкой критикой современного ему феминизма, который, борясь за равноправие, ставит своей целью формировать личность женщины по образу и подобию мужчины, «фактически уничтожает женщину, женственность как особую в мире силу»[2]. Можно сказать, что он впервые в мировой философии так отчетливо и романтично сформулировал идею общечеловеческой ценности социально-культурного потенциала женской идентичности, женской индивидуальности и женского назначения в мире. «Без начала женственности жизнь превратилась бы в сухую отвлеченность, в скелет, в бездушный механизм. Женщина, осуществляющая свое женственное назначение, может сделать великие открытия, которые не способен сделать мужчина. Только женщине могут открыться некоторые тайны жизни, только через женщину может приобщиться к ним мужчина. Пусть женщины плохие математики и логики, плохие политики и посредственные художники, в них таится мудрость высшая, чем всякая математика и политика»[3].

Исследователь высказал твердую убежденность в том, что женщина благодаря специфическим, присущим только ей качествам может и должна внести свое животворящее начало во все сферы жизни, во все сферы творчества и повести мир к любовной гармонии, красоте и свободе. И выполнить эту миссию женщина способна не простым подражанием мужчине, а лишь в процессе оригинального и творческого развития женственного начала.

Все философы вплоть до XX века по разным соображениям утверждали, что женщина не способна к научно-абстрактному и творческому мышлению, но признавали ее роль вдохновительницы творчества мужчины. По мнению

---

[1] Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. – Т. 1. – М.: Искусство, 1994. – С. 180.

[2] Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. – М.: Прогресс, 1991 – С. 250.

[3] Там же. – С. 254.

З. Фрейда, все достижения культуры – плод сублимации сексуального влечения мужчины к женщине. «В этой идентификации она приобретает привлекательность для мужчин, которая превращает его Эдипову привязанность к матери во влюбленность»[1].

Если З. Фрейд объяснял таинственную роль женственности в истории культуры подсознательной сублимацией сексуального влечения, мужской культуротворческой деятельностью, то Н.А. Бердяев видел огромную силу в любви как в проявлении высшей духовности. «Без влюбленности в Вечную женственность мужчина ничего не сотворил бы в истории мира, не было бы мировой культуры. Мужчина всегда творил во имя Прекрасной Дамы, она вдохновляет его на подвиг, соединяет с душой мира»[2].

Принцип женственности как «метафизический и космический принцип» рассматривается в русской философии с разных сторон: во-первых, это учение о Вечной женственности в космологии В. Соловьева, во-вторых – идея подлинного андрогинизма и метафизика любви. Для формирования подлинной личности необходимо не уравнивать женщину с мужчиной и не уподоблять ее ему, а, напротив, «утверждать начала женственности и мужественности». Подлинное призвание женщины – в утверждении женственности – «вести мир к любовной гармонии, к красоте и свободе»[3].

Находясь в поле притяжения общей культуры, в которой доминировало мужское мировоззрение, женщины и сами непроизвольно разделяли такие взгляды на свою роль в развитии духовной среды общества. «При этом важно подчеркнуть, – отмечает современная исследовательница Г.А. Брандт, – что сама женщина, тысячелетиями впитывая в себя традиционную культуру, также смотрела на себя глазами мужчины… все жизненные силы отдавая подчас формированию тех качеств (физическая привлекательность,

---

[1] Фрейд. З. Введение в психоанализ. Лекции 1–15. – СПб.: Алетейя, 1999. – С. 297.

[2] Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. – М.: Прогресс, 1991. – С. 254.

[3] Там же. – С. 252.

кокетство, нежность, иногда преданность, иногда, напротив, легкомыслие и ветреность и т. п.), которые ждал встретить в ней он»[1].

Выводы. Философия рационализма и позитивизма, пройдя путь от проблемы женского равенства – торжества принципа справедливости – к проблеме все более полной самореализации женщины и мужчины в гуманистическом обществе, заложила методологический фундамент для современных феминистических, гендерных исследований, позволяющих глубже понять сущность, структуру и новые возможности развития гендерного социокультурного потенциала для совершенствования и социально-практического применения способностей каждого человека к удовлетворению личностных и общественных потребностей.

Феминистское направление, получившее широкое распространение в мировой философии в середине XX века, попыталось от имени самих женщин ответить на волнующие их вопросы: кто есть мы – женщины, каковы наши интересы?

Однако представители иррационалистической антропоцентристской философии в конце XIX века увидели в зарождающемся феминистском движении угрозу доминированию патриархальной культуры и яростно ополчились против социальной и идеологической самостоятельности женщин, бесспорно вскрывая их действительные и мнимые недостатки, при этом упуская из виду то, что многие из них были следствием бесправного положения женщин не только в обществе, но и в семье.

[1] Брандт Г.А. Природа женщины. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. – С. 68.

1.2. Феминистская философия о сущности и содержании гендерных проблем

Современный феминизм – это, прежде всего, альтернативная философская концепция социокультурного развития, возникшая в ответ на потребности мирового либерального движения за равноправие женщин против андроцентризма и маскулинизма.

Теоретическими источниками феминизма были социально-философские взгляды Д. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Д. Миля, теории утопического социализма Ш. Фурье, А. Сен-Симона, Р. Оуэна, идеи освобождения человека от всех форм угнетения К. Маркса и Ф. Энгельса, различные по своей направленности концепции З. Фрейда, Г. Маркузе, М. Фуко, Ж. Дерриды, Ж.Ф. Лиотара. Развитие философской мысли XIX века от сайентизма к антропоцентризму и постмодернистской философии индивидуации сопровождалось стремлением преодолеть одновременно бинарное мировоззрение и дихотомичное построение самой философии.

Традиционная альтернатива общего и единичного, индивида и общества, возможности и действительности, проекта и его реализации, нового и старого, интуиции и рациональности, веры и разума, инструментальности мужского и экспрессивности женского становится в философии XIX века, прежде всего, гендерной темой историко-философской критики, по отношению к которой формируется новый стиль философского мышления. Это поиск третьего, безальтернативного пути. В основании такого подхода лежит принципиальное отличие всей, в том числе философской, культуры постмодерна, рассматривающей человека, его восприятие мира и мир в тесной взаимосвязи.

Именно в этот период феминизм как общекультурное и социально-политическое движение получает фундаментально-философское обоснование в работах американских и западноевропейских исследовательниц. Включение женского жизненного опыта в осмысление социальной

реальности имело своим результатом открытие нового гендерного измерения жизни человека и общества[1].

Социально-философский анализ существующих методологических подходов в исследованиях гендера обнаруживает настолько большое разнообразие исторически сложившихся теорий, что некоторые ученые приходят к выводу о логической несопоставимости общепризнанных в настоящее время концепций, объясняющих неравенство по признаку пола: 1) внешними факторами, сводящимися к разделению труда и классовой борьбе (марксистский, социалистический феминизм); 2) внутренними факторами – половыми ролями, закрепленными в обычаях, стереотипах, ожиданиях или в отношениях власти (структуралистский феминизм); 3) интерсубъективным дискурсом, потребностями повседневного социального взаимодействия, ставящего перед мужчинами и женщинами повседневные проблемы выбора характера и средств гендерного поведения, достижения целей межличностных отношений, удовлетворения индивидуальных интересов, сочетания их с общественными интересами[2].

Если первая концепция опирается в основном на марксистскую теорию общества, то вторая – на парадигму структурного функционализма, а третья – на феноменологическую методологию. Однако каждое из этих направлений в философии и методологии гендерных исследований имеет свои возможности и ограничения в их анализе, поскольку ни один из упомянутых выше факторов не детерминирует однозначно тип гендерных отношений и только их комплексное изучение открывает возможности для понимания условий и способов решения гендерных проблем.

Марксистский (социалистический) феминизм представляет проблему социального порабощения женщин как следствие капиталистической эксплуатации, а их освобождение как результат классовой борьбы. Такой позиции придерживались, например, К. Майлз и Т. Клифф в 70-е годы

---

[1] Брандт Г.А. Природа женщины. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2000. – С. 73.

[2] Коннел Р. Современные подходы. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб., 2000. – С. 252.

прошлого века. Эти идеи получили широкое распространение в марксистских исследованиях в Великобритании.

Представители социалистического феминизма в теориях гендерных категорий, «половой стратификации» разрабатывают также проблему власти и конфликта социальных интересов. К таким категориям относятся общности людей, занимающие противоположные позиции в решении вопросов гендерной политики, в том числе и мужчины, которые называются в отдельных феминистских исследованиях естественными врагами женщин.

Отношения между указанными категориями рассматриваются в понятиях неравенства, прямого господства и подчинения. Сущностью таких отношений считается насилие мужчин над женщинами (Р. Данбар, С. Файерстоун). Теоретическая разработка категориального аппарата представительницами данного направления стимулировала проведение эмпирических исследований внешних факторов неравенства «обобщенных статусов мужчин и женщин» (Дж. Чафетс). Нередко этот категориальный подход используется для упрощенной интерпретации гендерных отношений. Так, в феминистском анализе социальный институт семьи представлен как форма эксплуатации, где муж присваивает «прибавочную стоимость», создаваемую «неоплаченным трудом» жены.

Все теоретики этого направления отмечают, что сфера воспроизводства социальных отношений является определяющим фактором подчиненного положения женщин в обществе. Несмотря на произошедшие за последние сто лет изменения во взаимоотношениях государства и семьи, массовое вовлечение женщин в рыночную экономику и утрату мужчинами контроля над семейной сферой, основные издержки на воспроизводство рабочей силы возлагаются на семью, а внутри семьи – на женщину[1].

Хотя решение проблемы участия женщин в социальном воспроизводстве в начале XX века представлялось марксистским теоретикам по-другому,

[1] Журженко Т.Ю. Социальное воспроизводство как проблема феминистской теории // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 30.

семья до сих пор остается основным институтом социального воспроизводства. Однако еще А. Коллонтай в своих лекциях, прочитанных в Университете им. Я.М. Свердлова в 1922 году, предсказывала полную замену репродуктивной функции семьи трудовым коллективом, превращение брака в частное и второстепенное дело, а материнство – в почетную социальную обязанность женщины, находящейся на государственной службе даже во время беременности. Все это должно было привести к полному совпадению интересов коллектива и женщины как личности: «Надо сберечь силы женщины от непроизводительной затраты на семью, чтобы разумнее использовать их для коллектива, надо охранять ее здоровье, чтобы этим самым обеспечить республике приток здоровых работников в будущем»[1].

Основная идея современных западных теоретиков социалистического феминизма (в том числе М. Левелин, Д. Вессона, Э. Толсона) заключается в том, что семья, сексуальность или гендерные отношения в целом должны рассматриваться как воспроизводство социальных отношений. Категория «воспроизводство» в этой концепции означает гендерные функции деторождения, воспитания подрастающего поколения для заполнения рабочих мест на производстве, а также обслуживания других членов семьи. Общественное воспроизводство включает в себя репродуктивный, социально-экономический и идеологический уровни.

Социалистические феминистки в своем анализе указывают на существование пяти основных проблем женщин в современном мире. Первая проблема – изучение роли женщины как домохозяйки в капиталистической системе. Видная представительница этого течения М. Бекстон в «Политической экономии освобождения женщин» (1969) дала оценку домашнему труду женщин как неоплачиваемому, неоцениваемому, невидимому. Ее книга послужила толчком для расширения исследований, посвящённых домашнему труду.

---

[1] Журженко Т.Ю. Социальное воспроизводство как проблема феминистской теории // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 35.

Вторая проблема – сохранение за женщинами домашнего неоплачиваемого труда, несмотря на их вовлеченность в общественное производство, что обрекает работающих женщин на «двойной рабочий день».

Третья проблема – определение женщин как специфического социального класса. Женщины обладают и статусом жены, и статусом работницы.

Четвертая проблема – навязанное капиталистическим обществом поведение мужчин и женщин, которое выгодно для существования самого капиталистического строя. Мужчины агрессивны, рациональны, независимы, такое поведение необходимо для достижения успехов в капиталистическом обществе. Нормативное поведение женщин рассчитано на выполнение ими основной домашней работы (уход за детьми, ведение хозяйства).

Пятая проблема носит практический и целевой характер и ориентирована на повышение уровня сознания женщин и развитие альтернативных структур и условий, направленных на изменение сознания. Примерами новых структур, способных изменить поведение и мышление женщин, являются кризисные центры для жертв сексуального и криминального насилия, сфера малого бизнеса и пр.

Таким образом, концепция социалистического феминизма в значительной мере продолжает марксистскую традицию. Тем не менее современные феминистки-социалистки в качестве основной причины эксплуатации женщины видят половое разделение труда. С точки зрения современного социалистического феминизма патриархат и капитализм взаимно укрепляют и поддерживают друг друга и создают исторически специфические формы женского угнетения. Основой подавления женщин при капитализме является их экономическая эксплуатация как оплачиваемых работников и угнетение как матерей и домохозяек[1].

---

[1] Ахмедшина Ф., Шнырова О., Школьников И. Основные направления феминистской теории // Введение в теорию и практику гендерных отношений. – Ташкент, 2007 – С. 52.

Исследователи, которые сосредоточили свое внимание на внутренних факторах, определяющих стереотипы ожиданий в распределении половых ролей и формировании гендерных отношений, придерживаются в основном структурно-функционалистской парадигмы в их изучении. Существует тем не менее специфический социально-теоретический подход, организованный вокруг понятия гендерной роли. Хотя формулировки концепций различаются в деталях, большинство из них содержит пять общих моментов, которые образуют логическое ядро теории ролей. Первые два опираются на категории Актора и сценария. Категория Актора позволяет различать в анализе личность и ее социальное положение, которое она занимает. Сценарий означает набор действий или типов ролевого поведения, закрепленных за определенным социальным статусом.

Действия соответствующие определенному статусу, в свою очередь, определяются ролевыми ожиданиями, которые задаются людьми, находящимися в «противоположном положении». Эти люди обеспечивают исполнение ролей с помощью санкций – наград, наказаний, положительных и отрицательных подкреплений. Данные приемы являются инструментами, посредством которых в теории ролей осуществляется попытка общего анализа социального взаимодействия. В широком смысле ролевая теория – это такой подход к социальной структуре, который рассматривает ее основные ограничения в сфере стереотипных межличностных ожиданий.

В основном приложения ролевых понятий к гендеру имеют иной характер. Их главная идея состоит в том, что быть мужчиной или женщиной означает выполнять роль, характерную для данного пола. Соответственно всегда есть две половые роли в данном контексте – мужская роль и женская роль, иногда называемые ролью мужчины и ролью женщины, или маскулинной ролью и феминной ролью[1].

---

[1] Коннел Р. Современные подходы. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб., 2000. – С. 260–261.

Такой путь в рассуждениях о гендере привлекателен в нескольких отношениях. Во-первых, он дает возможность отойти от биологических интерпретаций различий между полами и сделать акцент на том, что поведение мужчин и женщин различно, так как оно соответствует разным социальным ожиданиям.

Во-вторых, теория половых ролей связывает социальную структуру сформированием личности, что является важной и трудной теоретической задачей. Основная мысль здесь заключается в том, что это включение происходит путем «усвоения роли», «социализации» или «интериоризации». Таким образом, женский характер формируется путем социализации в женскую роль, мужской – в мужскую роль, а девиации возникают из-за какой-либо неудачи в социализации[1].

В ходе такого рассуждения возникает интерес к индивидам и институтам, ответственным за обучение, – так называемым агентам социализации. К ним относятся родители, семья, учителя, сверстники, СМИ. Другой большой блок исследований, выросших из теории половых ролей, посвящен разному отношению к мальчикам и девочкам со стороны агентов социализации, к способам, которыми модели феминности и маскулинности передаются детям.

В-третьих, теория половых ролей содержит в себе принципы политики реформ. Если подчиненное положение женщины является главным образом следствием ролевых ожиданий, согласно которым она определяется как помощник и лицо подчиненное, а ее характер – как пассивный или экспрессивный (а не инструментальный), тогда путь к прогрессу заключается в том, чтобы изменить такие ожидания. Современный феминизм потратил много энергии именно на это: на разработку антисексистских школьных программ, на разработку и принятие антидискриминационных законов, на

[1] Коннел Р. Современные подходы. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб., 2000. – С. 260.

развитие политики равных возможностей на рынке труда и на кампании «позитивного действия».

Несмотря на описанные выше положительные аспекты теории половых ролей, Э. Эдвардс заметила, что теория половых ролей серьезно упрощает сложности гендера, сводя все проявления маскулинности и феминности к дуализму. Все женщины при этом объединяются единой женской ролью. Последняя, в свою очередь, приравнивается к роли домохозяйки, которая должна исполняться в семье[1].

Основная идея применения структурно-функционалистской методологии к гендерным отношениям заключается в социальной идентификации маскулинных и феминных ролей, понимаемых в качестве социальных ролей, которые характерны для мужчины или для женщины. Во-первых, полоролевой подход позволяет преодолеть природно-биологический детерминизм в определении положения женщины в обществе и объяснить гендерные отношения преимущественно социокультурными факторами, формирующими те или иные ожидания и стереотипы во взглядах на гендер. Во-вторых, эта методология расширяет возможности для исследования путей и средств формирования гендерных идентичностей женственности и мужественности.

Отметив определенный вклад функционалистской методологии в развитие общей теории гендера и практик политической борьбы за равноправие женщин с мужчинами, Р. Коннел подверг ее критике за игнорирование в гендерных отношениях компонента власти и подмену его понятием общепринятой моральной нормы. Социологические исследования выявили большой разрыв между тем, что является нормой в гендерном поведении, и тем, что происходит в действительности: значительное распространение гомосексуализма, добрачных половых связей,

[1] Коннел Р. Современные подходы. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб., 2000. – С. 263.

внутрисемейного насилия, самоустранение женщин от домашнего хозяйства и их растущая занятость в сфере экономики, культуры и образования.

Резюмируя приведенные выше рассуждения, Р. Коннел отмечает, что «теория половых ролей как способ социального анализа гендера, не устраивает нас в силу следующих четырех ее свойств: волюнтаризм и принципиальная неспособность дать теоретическое объяснение власти и социального интереса; зависимость теории от биологической дихотомии, приводящей ее к асоциальной концепции структуры; построение теории на основе стандартного нормативного случая и непонимание системной природы сопротивления; отсутствие способа теоретизирования по поводу историчности гендера» [1].

Специально проблеме определения социального статуса и социальных ролей посвящены теоретические разработки феминизма, выступающего за равные права и реальные возможности самореализации личности женщины. Феминистские исследования касаются определения гендерно обусловленной сущности всех социальных явлений, места и роли гендерных отношений в системе противоречий, отражающих социальное неравенство.

В феминистических исследованиях нашла широкое применение идея социокультурного детерминининизма гендерной идентификации как результата воздействия сложившейся структуры политического и экономического доминирования мужчин, системы образования и социализации, в которой «мужчина с большей вероятностью ассоциирован с рациональной, инструментальной, секулярной и публичной сферами деятельности, в то время как женщина ассоциирована с иррациональным, сакральным, эмоциональным и приватным миром»[2].

На основе социокультурного детерминизма в понимании половых различий сформировался гендерный подход. «В его рамках статус пола

---

[1] Коннел Р. Современные подходы. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб., 2000. – С. 266.

[2] Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / Под. ред. Н. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 1998. – С. 49.

перестает быть аскриптивным. Гендерные отношения рассматриваются как социально организованные отношения власти и неравенства»[1].

Основы философского осмысления в феноменологической парадигме заложены в исследованиях П. Бергера, Т. Лукмана, Ж. Бодрийяра, Г. Гарфинкеля, И. Гоффмана, Э. Гуссерля, В. Дильтея, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера и др. Именно в их трудах отражены первые разработки в области общей теории и методологии исследования повседневности, достаточно полно изучены и интерпретированы качественные характеристики отдельных проявлений повседневности, ее социальный характер.

Раскрывая реконструкцию гендерных отношений в феминистском движении и стремясь к прояснению теоретико-методологических оснований гендерных отношений, Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина выявляют три источника социального конструирования гендера как идеального объекта и абстрактного понятия.

Одним из источников феноменологического представления о гендере является концепция социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана. Повседневность, с их точки зрения, составляет жизнедеятельность людей в сферах труда, быта и досуга. Повседневность гендерных отношений формируется в динамике традиций и новаций, механизм взаимодействия которых существенно влияет на конструирование повседневности в границах частного и публичного пространства и времени. «Социальные феноменологи выступили с критикой традиционных макро-подходов в социологии, считая, что их авторы неправомерно переносят на социальный мир тотальные смысловые конструкции (типа экономика и политика, социальная структура и социальная функция и др.), тогда как, по их мнению, социальные теоретики должны обратиться к микро-походу, т. е.

[1] Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. – 2000. – № 11 . – С. 17.

опираться на достоверно сущее – на социальные действия индивидов в конкретном обществе»[1].

Согласно этой концепции люди постоянно руководствуются в своей деятельности не теоретическими размышлениями, а обыденным знанием, «содержащим много до- и квазинаучных интерпретаций повседневной жизни, которые считаются само собой разумеющимися»[2]. На основе взаимной когнитивной и нормативной интерпретации поведения участников формируются определенные схемы типизации образцов социальных отношений в соответствии с идентификацией и самореализацией людей по полу, возрасту и статусно-ролевым признакам, как женщины, мужчины, бизнесмена или ученого. Эти схемы хабитуализации, институционализации, легитимации составляют основу механизма социального контроля[3].

В результате социальная реальность приобретает для индивида объективный, предзаданный характер, и он не может изменить ее здесь и сейчас по своему произволу. Однако это интерсубъективная реальность – продукт совместной деятельности людей, в процессе которой они не только создают социум в пространственном и темпоральном измерениях, но и подвергаются постоянному вмешательству со стороны общества, точнее, со стороны своего ближайшего окружения. «Но специфическая форма проявления человеческой природы определяется именно этим социокультурным образованием и соответствует их многочисленным разновидностям»[4]. Поэтому В.В. Феррони подчеркивает: «Необходимо мыслить не только единство бытия, но и множественность реальности. Реальность всегда дискурсивна, так как присутствует в многообразии связанных описаний, „рассказов”»[5].

---

[1] Кравец А.С. Субъективная форма бытия ценностей // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. – 2012. – № 2. – С. 78–79.

[2] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С. 18.

[3] Там же. – С. 41.

[4] Там же. – С. 36.

[5] Феррони В.В. Социальная реальность и реальность другого // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. – 2012. – № 2. – С. 103.

Человеческое поведение, в том числе сексуальное, характеризуется особенным разнообразием по сравнению с животным. Человеческая сексуальность чрезвычайно «пластична в отношении как объектов, на которые может быть направлена, так и форм проявления»[1]. А нормативность/девиантность имеет относительный характер, определяется лишь с позиций социокультурного символического универсума в границах пространственно-темпорального функционирования. «Будучи историческими продуктами человеческой деятельности, все социально-сконструированные универсумы изменчивы, а изменения привносятся конкретными действиями человеческих существ»[2].

Концептуальными механизмами сохранения и видоизменения символического универсума выступает мифология, религия и философия – идеологические системы, которые легитимизируют существующий порядок, практические меры по социализации индивидов, предупреждению и отрицанию девиаций с целью удержания людей в рамках данного универсума. Важнейшим условием функционирования общества является идентификация, которая осуществляется в процессе социализации поскольку «иметь данную идентичность – значит занимать особое место в мире, предписываемое определенным правилом»[3].

Таким образом, в свете концепции социального конструирования реальности открываются новые возможности для адекватного потребностям общества понимания гендерной идентификации и ее роли в функционировании социума, для формирования адекватного общественного мнения по отношению к гендерным девиациям. Согласно феноменологической философской парадигме в основе социального конструирования реальности находятся не специализированные формы знания, как в естественных науках, а «повседневное знание жизненного

---

[1] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – С. 37.

[2] Там же. – С. 84.

[3] Там же. – С. 96.

мира», в котором уникальные, индивидуальные формы бытия типизируются в донаучном и научном мышлении на различных уровнях в зависимости от практических и теоретических интересов субъекта познания.

Последователи концепции социального конструирования гендерных отношений концентрируют исследовательское внимание на различении понятий «пол» как биологической категории, которая используется для объяснения того, что естественно, что не может измениться, и «гендер» как результат осуществления комплекса социально контролируемых действий, выражающих мужскую и женскую природу на институциональном уровне[1].

Гендер представляет собой достигаемый статус через социальное взаимодействие и структурирует взаимоотношения между людьми разного пола в соответствии с понятиями мужественности и женственности в зависимости от потребностей ситуации. Гендерная идентичность личности в повседневном общении отражается в интерпретации другими и закрепляется механизмом социального контроля. Таким образом, приходят к выводу К. Уэст и Д. Зиммерман, создание гендера придает статус нормальности и естественности социальным отношениям между мужчинами и женщинами, делает их иерархические отношения легитимными способами организации социальной жизни. «Гендер является мощным идеологическим устройством, который производит, воспроизводит и легитимизирует выборы и границы, предписанные категорией принадлежности по полу»[2].

Вторым источником феноменологической интерпретации гендерной идентификации выступает символический, драматургический интеракционизм И. Гоффмана[3]. В этой парадигме раскрывается интерсубъективный характер социального конструирования гендера. Индивиды строят межличностные отношения в процессе социального взаимодействия, стихийного дискурса, оказывая повседневное влияние друг

---

[1] Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под. ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 194.

[2] Там же. – С. 217.

[3] Goffman E. The arrangement between sexes //Theory and society. 1977. – № 4. – P. 301–331.

на друга, формируя представления о своей сексуальной идентичности, о должном и допустимом в нормах взаимоотношений и гендерного поведения. Поэтому в пределах одного биологического пола наблюдаются различные варианты сексуальной самоидентификации (гетеросексуалы, гомосексуалы, бисексуалы, трансвеститы), причем среда социального взаимодействия оказывает существенное влияние на формирование и распространение идентификационных разновидностей. Особенно это заметно в закрытых обществах при относительном дефиците мужчин или женщин, экономическом ограничении возможностей создания моногамной семьи и т. п.

Гендерная теория, обусловленная рамками символического интеракционизма, исходит из свойственного ему общего положения: «Гендерная идентичность, подобно иным ее социальным видам, возникает в процессе социального взаимодействия и связана с самостью индивида, превосходящей границы одной ситуации, и должна постоянно подтверждаться в различных ситуациях взаимодействия... поскольку самость – это предмет постоянной эмпирической проверки»[1].

В современном социуме выбор сексуальной идентичности все чаще рассматривается как предпосылка либерализации и гуманизации общества, соблюдения прав личности. И в то же время гражданское общество не может оставаться безразличным, если такая свобода начинает угрожать реализации воспроизводственной способности человеческого рода. Для сохранения социального порядка важны механизмы не только сексуальной самоидентификации, но и приписывания принадлежности индивида к определенному полу на основе соответствующих внешних признаков, отличительных черт социального поведения мужчин и женщин. Теоретиков, придерживающихся феноменологической интерпретации гендерной идентификации, интересует, как проявляются в процессе взаимодействия гендерные характеристики и каким образом этот процесс их вызывает.

---

[1] Цит. по: Ритцеру Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 365.

Две главные микросоциальные теории гендера – социальное конструирование гендерных отношений и символическийинтеракционизм дополняются третьим источником – этнометодологической парадигмой Г. Гарфинкеля. Для индивида очень важно признание его окружающими в качестве мужчины или женщины. Приписывание пола выступает в качестве необходимой предпосылки социальной коммуникации. К. Уэст и Д. Зиммерман утверждают: «Аналитическое различение пола, категорииприпадлежности по полу и гендеру является существенным для понимания отношений между этими элементами и для понимания того,как осуществляется работа взаимодействия, способствующая „бытию" гендерной личности в обществе»[1].

Представители феноменологии рассматривают повседневность в качестве основы социального бытия, мира здравого смысла, в котором человек выстраивает все свои действия, воспринимая собственный социальный мир как само собой разумеющуюся реальность, реальность «здесь и сейчас».

«Гендер – это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, воплощенный в „практиках", представлениях, нравах; это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно отказаться, – она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия»[2]. Представляя собой одновременно и субъективный, и объективный элементы социальной системы, гендерная идентификация индивидов обусловлена, с одной стороны, их биологическим организмом – полом, а с другой – общественным и индивидуальным сознанием и, следовательно, носит исторический характер. Представления о мужской и женской сущности, маскулинности и феминности, господствующие в общественном мнении, подвержены изменениям в пространстве и времени,

---

[1] Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера // Гендерные тетради. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под. ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 195.

[2] Здравомыслова Е., Тёмкина А. Социальное конструирование гендера // Социологический журнал. – 1998. – № 3–4. – С. 171–182.

поскольку в повседневной жизни индивид не только усваивает и воспроизводит характерные черты гендерной идентичности, но и активно строит свои гендерные отношения, а вместе с ними и представления о женственности и мужественности.

Альтернативность структурно-функционалистской и феноменологической парадигм, заключающаяся в сосредоточении исследовательского внимания на объективных или субъективных факторах формирования гендерных представлений, еще не означает полной противоположности и несовместимости этих парадигм хотя бы уже потому, как подчеркивал основатель феноменологической социальной философии А. Шюц, что «правила построения теорий в равной степени имеют силу для всех эмпирических наук, имеют ли они дело с объектами природы или с человеческими деяниями. И там, и тут господствуют принципы обоснованного вывода и верификации, теоретические идеалы единства, простоты, универсальности и точности»[1].

Современный российский философ Е.Л. Петренко отмечает: «Сегодня гендер воспринимается не просто как новая научная парадигма в исследовании пола, а как прообраз нового видения, новая модель общественных связей и взаимоотношений. Гендер присутствует, воспроизводится, влияет на все общественные отношения, связи и внутренний мир человека. В гендерном анализе все аспекты человеческого общества, культуры и взаимоотношений рассматриваются как функции от „социального пола”» [2].

Однако сферы наблюдения в естественных и общественных науках (мир природы и социальная реальность) существенно различаются. «Идеальные объекты, сконструированные обществоведом для познания этой социальной

---

[1] Шюц А. Формирование понятия и термин в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под. ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во Международ. университета бизнеса и управления, 1996. – С. 527.

[2] Петренко Е.Л. Гендер и образ современности // Общество. Гендер. Культура: Материалы Международ. научно-практич. конф. Омск, 20–21 сентября 2001 г.: В 2-х ч. – Омск: Омск. госуниверситет, 2001. – Ч. 1. – С. 3.

реальности, должны извлекаться из идеальных объектов, сконструированных обыденным сознанием людей, живущих своей повседневной жизнью в своем социальном мире»[1].

«Дефиниция феминизма как движения за социальное равенство с мужчинами, – отмечает черная американка Б. Хукс, – привела к акценту на проблемах отношений с противоположным полом, дискриминации правовых реформ. Феминизм как движение за прекращение угнетения на сексизме направляет наше внимание на системы господства и их взаимосвязи с половым, расовым и классовым угнетением»[2].

Феминистские теории далеки от практической политики. Вместо того чтобы искать реальные пути совершенствования власти, они призывают «всех женщин» объединяться, укреплять солидарность в борьбе против «всех мужчин». Р. Коннел приходит к выводу: «Для обоснования практической политики нужна такая социальная теория, которая дает понимание переплетения жизни отдельного человека и социальной структуры и при этом не сводится к волюнтаризму и плюрализму, с одной стороны, или категориализму и биологическому детерминизму, с другой»[3].

Современный феминизм развивает деятельность в трех направлениях. Во-первых, привлечение внимания к проблеме незаметности, недостаточного морального и материального поощрения социального потенциала женщины даже там, где ее вклад в функционирование и развитие общества весьма значителен (материнство, сферы образования, здравоохранения). Во-вторых, объяснение причин, почему роль женщины в обществе все равно носит неприоритетный, подчиненный характер. В-третьих, каким образом мы

---

[1] Шюц А. Формирование понятия и термин в общественных науках // Американская социологическая мысль: Тексты / Под. ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во Межд. университета бизнеса и управления, 1996. – С. 535.

[2] Хукс Б. Феминистская теория: от края к центру // Антология гендерной теории. – Минск, 2000. – С. 253.

[3] Коннелл Р. Современные подходы. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 275.

можем изменить и улучшить социальный мир, чтобы сделать его более справедливым для женщин и для всех людей[1].

Исходя из этого, а также под влиянием постмодернистской концепции индивидуации и либерализации общественных отношений и повышения роли личности в дискурсивном процессе их гуманизации представительницы феминистской философии в начале нынешнего века все больше сосредоточивают внимание на «анонимной этике» – интериоризированной и мужчинами, и женщинами системе ценностей и норм, регулирующих их социальное поведение, в том числе взаимоотношения между ними. В этом свете гендерные отношения определяются, в первую очередь, не юридическими правами и даже не внешним социальным контролем, общественным мнением, а внутренними мотивами, имманентными духовному миру каждого человека.

В связи с этим возрастает интерес к философскому осмыслению понятия «автономия личности», ее сущности, социальной роли и границ допустимого с нравственной точки зрения. Признавая, что автономия личности и социальные отношения могут разрушать друг друга, М. Фридман настаивает: при определенных условиях «идеал личной автономии может быть основан на признании той жизненной ценности, в согласии с которой индивид проживает свою жизнь»[2]. Ученый защищает идею относительной автономии личности, не противоречащей коренным интересам окружающих, но представляющей собой важнейшее условие свободной самореализации индивидом своих способностей, в том числе специфических, гендерных. Автономия не должна переходить в навязывание собственного превосходства над другими, в высокомерие. По мнению Р. Диллон, если бы женщины пытались утверждать чувство личного достоинства путем подчеркивания своего высокомерия по отношению к мужчинам, то это вряд ли

[1] Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 357.

[2] Friedman Marilyn Autonomy, Gender, and Politics. – Oxford, 2003. – P. 272 [Электронный ресурс]. – URL: http://ndpr.nd.edu/news/23474-autonomy-gender-and-politics/ (дата обращения: 02.02.2013).

способствовало бы элитарности общества и превратило бы женщин также в угнетателей[1].

Как убедительно продемонстрировала на примере работы с населением С. Дж. Хадер, формирование новых гендерных отношений не должно нарушать принципа автономии личности. Необходимо считаться с теми стереотипами, которые уже сложились в данном сообществе, а еще лучше устаревшие традиции и обычаи наполнять новым содержанием, используя их для продвижения в сознание людей современных преставлений о социальных ролях женщины, родителей, взрослых людей, о личном здоровье, гигиене, репродуктивных функциях, коммуникативных навыках, осамоуважении (самооценке) и развитии самостоятельности во взаимодействии с окружением, которое может оказать как положительное, так и социально-негативное влияние[2].

Одной из важнейших проблем в рамках современной феминистской теории и философии постмодерна является проблема субъективности и идентичности субъекта. Она включает в себя проблему различных идентичностей индивида, в том числе гендерной[3]. Действительно, если мы признаем противоречивую природу субъективности, то вместе с этим признаем и возможность выбора для нее множественности проявлений в различных ситуациях в рамках современного социума. Идентичность, таким образом, есть нечто несводимое ни к структуре, ни к функции. Она становится более гибкой, фрагментарной, определяемой через различные контрасты, например между мужской и женской, национальной и расовой идентичностями[4].

Наиболее радикальный вызов модернистскому пониманию идентичности содержится в концепции американского социального

---

[1] Setting the Moral Compass: Essays by Women Philosophers, Oxford University Press, 2004. – P. 384.

[2] Serene J. Khader. Adaptive Preferences and Women's Empowerment. Add to Cart.(Studies in Feminist Philosophy). 2011. – P. 72.

[3] Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 46.

[4] Brooks A. Postfeminism. Feminism, cultural theory and cultural forms. – L. and N. Y.: «Routledge», 1997. – P. 210–211.

философа Дж. Батлер. Она, как и ее коллеги, деконструирует и плюрализирует субъективность. Прежде всего, Дж. Батлер отрицает существование предискурсивного «я» в структуре идентичности. Традиционно в феминистской теории понятие гендера интерпретируется как социальный конструкт, а пол – как предискурсивная данность[1].

Французский философ Ж. Делёз предложил перейти от полярного (двоичного) принципа деления к молярному; постструктуралист Р. Барт ввел в оборот тезис о «числе языков, равным числу желаний»[2]. Критика традиционной культуры и допускающего сексизм языка должна вызвать к жизни новый язык и вместе с ним принципиально новое мышление. Оно само по себе уже будет «децентрированным» и «деконструктивистским». Таким образом, речь идет о новом взгляде на мир, не приемлющем не только иерархии, но и статики, однозначных определений.

Постмодернистский феминизм концентрируется в большей степени на том, что означает «женщина» (и все ассоциируемое с ней), а не на том, что она такое есть: эссенциалистский подход чужд постмодернистским методологическим принципам феминизма. Отсюда неизбежен переход от дискуссий о сущности женщины, своеобразии ее опыта к радикальному ее переописанию в рамках нового «женского» языка как лишенного иерархичности и сексизма дискурса.

«Вопрос о том, можно ли построить единую феминистскую теорию, которая бы наилучшим образом способствовала освобождению всех женщин, является трудно решаемым на данном этапе для феминистских социальных философов. Главная причина в том, что невозможно четко и однозначно определить интересы и нужды всех женщин»[3]. Постмодернистские феминистки выдвинули следующие встречные аргументы: модернистские

---

[1]Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 50.

[2] Цит. по: Костикова А.А. Постмодернистский исход феминизма // Женщина. Гендер. Культура. – М.: МЦГИ, 1999. – С. 113.

[3] Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 60.

концепции идентичности, разума, истины в той же мере могли играть угнетающую роль в отношении к женщинам, в какой были полезны мужчинам; интенсивность занятий гендером со стороны постмодернистов-мужчин оправдывает полезность вхождения в проект постмодерна; многие феминистки считают потсмодернисткую теорию весьма продуктивной в отношении механизмов угнетения; современная феминистская политическая практика уже является скрыто постмодерной[1].

Гендерная идентичность – один из основных компонентов человеческой сексуальности, который определяется как самоидентификация индивида с тем или иным гендером, как внутреннее самоощущение в качестве мужчины, женщины либо какого-то промежуточного существа (бигендерное или кроссгендерное самоощущение)[2].

Биполярная гендерная идентификация предполагает существование идеалов «настоящий мужчина» и «настоящая женщина» и ориентирует личность на максимальную реализацию в семье и обществе своего гендерного потенциала как совокупности специфических мужских или женских социально значимых свойств. «Поскольку доминантная модель маскулинности/феминности определяется, по меньшей мере, следующими основными признаками: 1) она разделяется подавляющей частью общества; 2) задает границы социально приемлемого поведения, то стремление соответствовать данной модели социально поощряется»[3]. Однако в современном обществе в поведении индивидов все чаще находит свое выражение мультиполярная модель гендерной идентичности. Классические экспрессивные черты «феминной» личности (скромность, конформность, способность к состраданию) становятся менее востребованными и

---

[1] Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 63.

[2] Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Материалы Первой российской летней школы по женским и гендерным исследованиям «ВАЛДАЙ-96». – М.: МЦГИ, 1997. – С. 84–89.

[3] Риккер Ю.О. Гендерная идентичность: философско-антропологические аспекты анализа // Гендерные аспекты гуманитарных наук: Материалы II Международ. заочной научно-практич. конф. 21 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/5045-2012-11-27-07-29-53 (дата обращения: 01.12.2013).

воспринимаются как маргинальные не только мужчинами, но и женщинами. Актуальной нормой все больше признается маскулинность – культ физической силы и подавление эмоций даже в женской среде.

Гендерная идентичность (как и любая другая идентичность) мультиполярна и динамична в социокультурном пространстве и времени. Понятия «настоящий мужчина» и «настоящая женщина» по-разному толкуются в различных социальных общностях (от элитарных до уголовных), однако способствуют не только адаптации личности к социальной реальности, но и удовлетворению потребности в признании и уважении со стороны референтной группы, в формировании чувства достоинства и уверенности в своих способностях выполнять определенную социальную роль.

Вопреки социальной реальности феминистские авторы (Дж. Батлер, Р. Уолкер и др.) рассматривают идентификацию как феномен, ограничивающий свободу личности. Анализируя их взгляды, противопоставляющие ненормативную гибридную женскую субъективность гендерной идентификации как любой социокультурной норме, О.А. Воронина делает обоснованный вывод о том, что «не стоит обольщаться такой свободой – власть никуда не ушла, она только сменила маску и точки эманации»[1]. Без признания хотя бы ближайшим окружением способностей личности невозможна никакая самореализация в обществе ни женщины, ни мужчины.

Объектом феминизма являются ситуации и трудности, с которыми сталкиваются женщины в процессе самореализации в обществе. Субъектом выступают женщины как социально-демографическая половина человечества и их роль в социуме. Цель этой теории заключается в формировании критического отношения к обществу, чтобы сделать его более справедливым и гуманным.

---

[1] Воронина О.А. Проблема идентичности в феминизме постмодернити // Философия и культура. – 2011. – № 9. – С. 74.

Общепризнано, что матери – основные воспитательницы детей. Почему же их сыновья, несмотря на свой эдипов комплекс (по Фрейду), повзрослев, становятся адептами патриархальности, не занимают нигде в мире активной позиции в борьбе за справедливое и гуманное отношение к своим матерям, женщинам в целом?! Почему сами женщины пассивны в отстаивании своих возможностей самореализации, более эффективного применения гендерного потенциала для развития общества?

П.М. Ленгерман, Дж. Нибрюгге-Брантли (США), основываясь на марксистской теории, утверждают, что «незаметность, неравенство и отличие от ролей, выполняемых мужчинами, обусловлены социальным положением женщины, то есть расой и классом, религиозными верованиями, этнической принадлежностью и местом жительства»[1]. Но это малоубедительно, потому что даже при анализе социального статуса женщин в пределах вышеназванных общностей их положение характеризуется теми же самыми признаками второстепенности занимаемых позиций по отношению к мужчинам.

Феминистические теории находятся под сильным эпистемологическим влиянием постмодернистской литературы, претендующей на деконструкцию утвердившегося социального знания, выявление в нем скрытых властных намерений сохранить доминирующую систему патриархального господства. Культура постмодернизма способствовала формированию представлений о гендере, основанных на самоидентичности индивида как устойчивом ядре личности, стремящейся к самореализации своей субъектности.

В теориях феминизма можно выделить макросоциальные и микросоциальные мировоззренческие основания. Важнейшие макросоциальные подходы представлены теориями структурного функционализма, теориями конфликта и неомарксистской теорией мировых систем.

---

[1] Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 359.

Критикуя структурный функционализм за игнорирование проблем социального неравенства, господства и подчинения, феминистские теоретики признают необходимость использования структурно-функционального подхода для анализа следующих гендерных вопросов: соотношение экспрессивных (женских) и инструментальных (мужских) полоролевых функций; связь семьи как института с другими социальными институтами; структурно-функциональные свойства социальных систем, обеспечивающих их развитие и стабильность (достижение цели, адаптация и интеграция) и др.

Так, М. Джонсон, используя структурно-функционалистский подход, много внимания уделяет анализу важности и социальной необходимости экспрессивной роли женщины как в семье, так и в экономической жизни. Но при этом подчеркивает, что причиной подчиненной позиции женщины в обществе является не сама ее экспрессивная природа, а особенности сложившейся в патриархальном обществе культуры, в которой утверждается превосходство ценностей экономической безопасности, обеспечиваемой мужем, над ценностями «общего гуманизма», носительницей которых в семье выступает мать, воспитывающая в таком духе одинаково и мальчиков, и девочек. «Поскольку для детей, – делает вывод М. Джонсон, – женщина предстает в роли „слабой жены”, они усваивают почтительное отношение к патриархату и недооценивают такую родительскую установку, как эмоциональность, по сравнению с которой инструментальность мужчин кажется более мощной и значимой»[1]. Эта оценка мужских способов как более эффективных, чем женская экспрессивность, проникает в культуру.

П. Ленгерман и Дж. Нибрюгге-Брантли считают, что такая точка зрения не подтверждается на практике, однако не приводят никаких доказательств. Тогда чем же можно объяснить, что, составляя более половины населения планеты и обладая в развитых странах равными правами с мужчинами, женщины в основной своей массе нигде не добились равных возможностей для самореализации личности и продвижения гуманистических

[1] Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 362.

экспрессивных ценностей? Очевидно, и мальчики, и девочки, становясь взрослыми, под давлением непреложных обстоятельств экономической и политической власти начинают предпочитать прагматические, эгоистические ценности в ущерб гуманистическим ценностям сопереживания ближнему.

Не соглашаются П. Ленгерман и Дж. Нибрюгге-Брантли и с надеждой М. Джонсон на то, что женское движение способно вызвать перемены общественного и культурного плана, которые, в свою очередь, приведут к общественной переоценке экспрессивности[1].

На наш взгляд, в данной полемике указанные авторы не принимают во внимание диалектику интересов личности и общества, невозможность их полного совпадения, поскольку это интересы отдельного и общей системы, элемента и целостности. Личность как элемент общества имеет не только интересы, связывающие ее с обществом, делающие ее необходимой каждому индивиду, но и свои, частные интересы вплоть до обеспечения собственной идентичности, не говоря уже о личном счастье и самореализации личных способностей.

Поэтому, как считает К.Б. Уорд, нельзя по-прежнему игнорировать положение женщин в домашнем хозяйстве, на которое приходится почти 66 % всей работы в мире и в котором организация труда не регулируется ни правом, ни экономическим законом стоимости. В связи с этим, по утверждению исследовательницы, бесплатный труд женщин как вклад в мировую экономику и доминирование мужчин над ними надлежит понимать и объяснять не просто экономическими законами капитализма, а как «отличительные свойства, явления, обладающие своей собственной логикой»[2].

Сторонники гендерной теории, опирающиеся в своих исследованиях на парадигму символического интеракционизма, стремятся понять, как в

[1] Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 363.
[2] Там же. – С. 365.

процессе социального взаимодействия происходит формирование гендерной идентичности и определяются основные линии поведения мужчин и женщин.

Последователи этнометодологии считают, что основной причиной устойчивости гендерных отношений является разделение труда в домашнем хозяйстве, которое по традиции рассматривается и мужчинами, и женщинами, пребывающими в самой этой ситуации, как справедливое и равное. Это происходит, потому что обе стороны вполне охотно принимают нормативные требования, касающиеся распределения ролей в быту, и соответствуют им[1].

Процесс развития гендерных исследований в России проходит в другом по сравнению с Западом социокультурном контексте: это отличия онтологические, политические, гносеологические и когнитивные. Онтологически российская тендерная система, контекст «решенного женского вопроса», контракт «работающая мать», конструкция «несостоявшейся маскулинности» (failedmasculinity) определяют особенности подходов к проблематике мужского/женского[2].

Онтологические основания гендерных исследований отражают опыт отношений женственности и мужественности в современном российском контексте. Проводимые исследования показывают, что практики и депривации «работающей матери» существенно отличаются от практик и депривиаций американской «домохозяйки»[3].

Рассмотрим подробнее подходы, формирующиеся в российских исследованиях. Направление, обозначенное здесь как исследование женщин, часто фигурирует под именем феминологии, науки о положении женщины в обществе. Данное направление в исследованиях находится под влиянием полоролевого подхода и включает критику рационального маскулинного субъекта, не различающего позиции самого Актора и внешнего наблюдателя.

---

[1] Современные социологические теории / Под ред. Дж. Ритцера. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 366.

[2] Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Женщина в обществе. 1999. – № 6. – С. 181.

[3] Там же. – С. 183.

Внимание ученых сосредоточено на социальном положении и социальной защите женщин. Акцент сделан на комплементарности функций полов и необходимости социально-политического обеспечения равных прав.

Хотя в рамках этого подхода используются понятия дискриминации, гендерной асимметрии (а иногда и термин «патриархат»), однако неравенство и угнетение не являются сущностными категориями анализа. Неравенство по признаку пола рассматривается как вполне преодолимое с помощью соответствующих защитных социальных реформ. Такой подход к проблематике гендерных отношений вписан в идеологию, когнитивную практику и политику движения «Женщины России». Необходимость решения так называемых женских проблем (материнства и детства, женского труда, женской безработицы) диктует подобный типично либерально-феминистский подход в теории и политике женского движения. Неслучайно один из центров феминологии развивается в Иванове – городе с традиционными женскими отраслями производства.

Гносеологические факторы – представление об истине и субъект-объектных отношениях в процессе познания – также оказали влияние на формирование женских исследований. Ученые Г. Гавелкова, О. Салливан, И. Смейкалова-Стрикланд, анализирующие барьеры распространения феминистской философии в восточноевропейских обществах, отмечают, что в советском общественно-научном дискурсе были прерваны теоретические традиции, создавшие почву для феминистской критики[1]. Критика рационального маскулинного субъекта предполагает развитую теорию субъекта, которая имеет несколько традиций: либеральную, критической теории и психоанализа. Поскольку все эти подходы были табуированы в догматическом марксизме, то была невозможна и их критика, характерная для феминистской гносеологии и западного женского движения. Теории субъективности, развиваемые в советское время (Л. Выготский, Э. Ильенков,

[1] Havelkova, H. 1993. A Few Prefeminist Thoughts. In: Funk, N. & Mueller, M. (Eds.) Gender Politics and Post-Communism. NY, L.: Routledge, 1993. – P. 62–74.

М. Мамардашвили, Ю. Лотман, М. Бахтин), остаются неиспользованным ресурсом отечественной феминистской критики.

Другая ветвь исследований гендерных отношений чаще всего идентифицирует себя как феминистское направление. Оно является аналогом западных исследований женщин, апеллирующих к категории различия, к сущностным особенностям женского опыта как такового, в том числе связанного с угнетением, неравенством, патриархатом. Здесь гендер выступает основной категорией анализа, которая предполагает презумпцию глобального угнетения женщин. Исследования женского опыта насилия, сексуальных домогательств, например, чаще всего осуществляются в рамках такого подхода.

В России направление, известное под названием «гендерные исследования», занимает гораздо более радикальную позицию по сравнению с феминологией. Его представительницы открыто называют себя феминистками, несмотря на отрицательную коннотацию этого ярлыка в общественном мнении и в академических кругах. Такой подход к гендерным отношениям неразделим с когнитивной практикой феминистской ветви российского женского движения. Многие российские ученые ориентированы на современное западное феминистское движение и используют категории анализа, связанные с феминистской парадигмой. Российскому женскому движению, тесно контактирующему с западным, приходится осмысливать не только особенности положения женщины в России, но и отличия своих проблем и практик от западных аналогов.

Структурно-функциональная и феноменологическая парадигмы задают рамки исследования механизмов формирования и воспроизводства мужских и женских социальных ролей, гендерной культуры, «конструирования гендера» в повседневности, в публичной (экономика, политика, масс-медиа) и приватной сферах, а также способов передачи знания о них. Одновременно эти подходы оставляют пространство для концептуализации социальных

изменений гендерных отношений, являющихся результатом проблематизации российского опыта.

Классический советский феминизм (первой волны – М. Малаховская, Т. Горичева, Т. Мамонова, Ю. Воскресенская) опирался на новое понятие онтологии – онтологию женских сингулярностей как множеств вместо онтологии женского индивидуального. Тем самым исследовательницы на практике реализовали пресловутую «смерть» классического субъекта, подвергнув критике советский патриархат, активно экспериментировали с постмодернизмом, базировавшимся на дискурсе отрицания бинарных оппозиций в целом и оппозиций мы–они в частности[1].

Во время перестройки в СССР возник новый (постсоветский) феминизм, в котором различались, с одной стороны, гендерный мейнстрим, продолжавший свое развитие на основе онтологии индивидуализма, методологии социального конструирования, претензии на хоть какое-то место в системе власти, а с другой – то направление в постсоветском феминизме, которое ориентировалось на онтологию становления сингулярностей и политическое действие в пользу множеств, выступая с резкой критикой новой элиты и государства. Это направление в теории феминизма представлено исследованиями О. Ворониной, Е. Гаповой, И. Жеребкиной, Н. Пушкаревой, Н. Зборовской.

Выводы. Основной тенденцией философского дискурса по проблеме детерминации социального взаимодействия полов является эволюция гендерных представлений из мира реального в мир феноменальный, интерсубъективный. Объективный характер, природосообразность и культуросообразность тождества и различий в гендерном потенциале мужчин и женщин отражены в учениях Платона, Аристотеля, Ф. Аквинского, Ж.-Ж. Руссо, И.Г. Фихте. В классической философии постепенно усиливается тенденция признания социального влияния женской культуры на

[1] Жеребкина И. Постсоветский феминизм: чем мы ангажированы, или происхождение из советских 60-х // Гендерные исследования. – 2010. – № 20–21. – С. 268–269.

общество, пусть сначала опосредованно, через нравственно-духовное воздействие на мужчину (И. Кант). Позитивистская философия (О. Конт, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель) и марксизм сосредоточивают внимание на социальном детерминизме тождественности и различий между полами.

Достижение классической философской мысли ярко проявилось в трех направлениях феминизма: марксистском (социалистическом), структурно-функциональном, феноменологическом. Методологические различия этих парадигм не исключают их тождественности, взаимопроникновения, поскольку в них господствуют принципы обоснованного вывода и верификации, гносеологические идеалы единства и универсальности.

Феминистская философия, рассматривающая проблемы гендера, женской идентичности, сущности социальных отношений, роли женского и мужского в культуре и обществе в целом, является мощным теоретическим источником исследования современного общества и способствует приращению социально-философского знания. В феминизме, как и вообще в современной социальной философии, наблюдается переход к определению личности как нестабильной, противоречивой и социально-сконструированной (концепция гендера). Социальный мир в постмодернистских и феминистских социально-философских исследованиях предстает как дискретный и многомерный, где различия оцениваются без оппозиций и иерархии. Поскольку язык является, прежде всего, инструментом воспроизводства отношений власти, а дискурсивные практики имеют опору в интерсубъективном общении, то изменения в языке путем феминистского литературного критицизма послужили средством формирования феминистской парадигмы глубинных изменений общества. Феминистская социальная философия, будучи изначально фрагментарной, несовершенной, создается и расширяется через столкновение с целым рядом различных социально-философских концепций современности и постсовременности.

Отмечая, несомненно, положительный вклад феминизма в развитие гуманистической, общечеловеческой компоненты социальной философии, следует констатировать: сам феминизм находится под влиянием патриархального образа мышления, сосредоточив основное внимание сначала на борьбе за власть и политические права, а затем – на противодействии мужскому доминированию во всех сферах социума, в том числе в семье, с использованием и мужских средств борьбы – инструментов власти. При этом на периферии феминистской философии оказалось женское социальное призвание и главное средство самореализации в семье и обществе – моральное, духовное облагораживание общества, воспроизводство гуманистических гендерных отношений через воспитание принципов гуманизма и справедливости в сознании нынешнего и будущего поколений людей.

Как утверждает Э. Фромм, «главные недостатки в отношениях между мужчинами и женщинами большей частью обусловлены не мужскими или женскими чертами характера, а отношениями между людьми»[1]. Следовательно, экзистенциальной предпосылкой устранения всех форм ограничений в реализации социокультурного потенциала женщин и мужчин, является не отрицание гендерных различий, а расширение возможностей их более полного развития и применения не только в публичной, но и в приватно-семейной сфере.

[1] Э. Фромм. Мужчина и женщина. – М.: АСТ, 1998. – С. 3.

Глава 2. **ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ В РАЗВИТИИ ГЕНДЕРНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА**

2.1. Актуализация гендерного потенциала в современном обществе

Краткий анализ гендерных аспектов социально-философской и феминистской мысли, представленный в первой главе диссертации, достаточно убедительно свидетельствует о том, что на протяжении более трех тысячелетий не угасал, а, наоборот, усиливался исследовательский интерес к пониманию важности и совершенствованию социально-гуманистических взаимоотношений между двумя половинами рода человеческого, к осмыслению социокультурной роли женщины и мужчины в развитии общества и самореализации личности. Этот интерес сосредоточился вокруг двух основных ценностей: социального равенства, а также реальных возможностей для совершенствования и социально-практического применения способностей каждого человека к удовлетворению личных и общественных потребностей.

Сразу следует подчеркнуть, что эти ценности неравноценны. Социальное равенство – инструментальная ценность, она имеет ситуативные последствия. Так, в женской эмансипации одни исследователи видят положительный результат для общества в целом и для женщины в частности, а другие – отрицательный. «Развитие гендерного равенства является необходимым условием инновационного развития и модернизации общества. Эмпирическими исследованиями доказано наличие экономических и демографических потерь от различных проявлений гендерного неравенства»[1]. Но А.И. Антонов и Ч. Филлипс считают, что движение за равенство мужчин и женщин приводит к последствиям прямо

[1] Калабихина И.Е. Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // Научные исследования экономического факультета: Электронный журнал. – 2011. – № 1. – С. 146.

противоположным тому, к чему стремились феминистки. «Феминизм боролся за равные возможности в трудоустройстве и за государственную поддержку матерей-одиночек, а в результате мужчин выталкивали не только с рынка труда, но и из семьи, лишая их роли кормильца»[1].

В свою очередь, равенство социальных возможностей для развития и самореализации личности (и мужчины, и женщины) является однозначно терминальной положительной целерациональной ценностью. Более того, целью и средством развития общества не может быть равенство полов само по себе. Социально значимой целью является не равенство людей, а расширение человеческих возможностей, увеличение человеческого потенциала за счет совершенствования гендерных отношений, гендерных идентификаций, гендерных ролей, повышения их адекватности способностям мужчин и женщин и справедливости оценки вклада каждого.

Призыв к равенству не соответствует либеральной культуре постмодерна и рыночной экономике. Достижение равенства привело бы к стагнации личности и гендера в целом, устранило бы стимулы к конкуренции. Кроме того, призыв к гендерному равенству противоречит движению к индивидуальному равенству возможностей развития и применения способностей индивидов, каждый из которых имеет свой набор ценностей и жизненных стратегий.

В современном обществе, характеризующемся все в большей степени атрибутами постмодернизма – неопределенностью будущего, открытостью, нелинейностью развития общественных структур, возрастанием роли действующих в них индивидов с их ценностно-целевыми ориентациями, локальными изменениями и случайными факторами, формируется новый постнеклассический тип дискурсивной рациональности, в объем понятия которого включаются и мужская инструментальность, и женская экспрессивность, и прагматические детерминанты социального познания и

[1] Филлипс Т.Ч. Феминизм и семья: историко-социологический анализ / Под ред. А.И. Антонова. – М.: Грааль, 2002. – 176 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/antonov/ (дата обращения: 01.10.2012).

индивидуального поведения, такие как личные интересы, комфортабельность быта, престижность, социальные статусы, характерные для «женской» культуры. Чтобы найти ответы на многочисленные императивы XXI века, предотвратить глобальную катастрофу человечества, несомненно, понадобятся и «мужские» инструменты – логика, и «женские» – интуиция и экспрессивность.

Продолжая не замечать этого, многие социальные философы и сегодня отрицают назревшую необходимость гендерного анализа жизнедеятельности социальных структур. Чтобы убедиться, достаточно обратить внимание на отсутствие данного анализа в большинстве учебников по социальной философии и в статьях, посвященных взаимодействию личности и общества. Так, например, Л.Н. Казнин утверждает: «Гендер, понимаемый как социальная конструкция, логически не состоятелен. Моделируется не пол, а ценностно-нормативные отношения к нему в конкретных социальных условиях. Не пол, а способности, как и у мужчины, определяют социальное место женщины в структуре общества. Идентификация человека происходит по общим атрибутивным основаниям человека и выступает результатом социализации человека, развитием его духовного мира. Гендерный подход способствует возникновению социальных конфликтов в отношениях между полами, а не их выявлению и разрешению. Гендерный подход предполагает сущностную разъединенность людей по признаку пола, выступая теоретическим, смысловым ядром феминизма. Гендерная модель объяснения половых различий исчерпала себя»[1].

Большинство положений этой цитаты не выдерживают критики. Гендер, конечно, социальная конструкция, т. е. представление, сложившееся в определенных кругах философов о роли мужчины и женщины, но такое представление, которое полнее других отражает специфические проблемы развития социокультурного потенциала полов. «Человек» – важная

[1] Казнин Л.Н. Гендерное измерение пола // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социология. Психология. Философия. – 2011. – № 3(1). – С. 391.

философская абстракция, характеризующая «общие атрибутивные основания» бытия абстрактного представителя человеческого рода. Но такого представителя в реальности просто нет, он есть или «мужчина», или «женщина» с общими для каждой из этих категорий идентичностями и их социальными проблемами, специфичными по отношению к более «общей идентичности, именуемой человек».

Л.Н. Казнин утверждает, что гендерный подход в социальной философии не предполагает «сущностную разъединенность людей по признаку пола», а только ориентирует на учет особенностей жизнедеятельности каждого пола при анализе социальных проблем. Общее, как известно, не противоположно особенному, но и его можно осмыслить лишь подвергая анализу проявления особенного. В последующих разделах диссертации будет более подробно показано, что реализация женского социокультурного потенциала не может найти удовлетворительного решения без создания благоприятных условий мужчинам для применения творческих способностей как в публичной сфере, так и в воспитании детей, в ведении домашнего хозяйства, в заботах о семье.

Если в российской социально-философской литературе еще сохраняется «теоретическое умолчание по поводу правомерности и возможности гендерной универсализации» и даже «существует устойчивое сопротивление ей научной сферы», то в феминистских, особенно западных, радикальных течениях раздувается проблема автономности «женской культуры» как антипода доминирующей и порабощающей женщин «мужской культуры».

Отмечая две концепции в современном женском движении – поборниц равенства и дифференцирования различий, известный современный немецкий философ П. Козловский выделяет по социальной значимости вторую, где речь идет о более четком, ярко выраженном формировании и большей действенности специфической женской культуры в

противоположность культуре, в которой доминируют мужские ценности и представления[1].

Для развития современного общества и личности важнейшее значение приобретает осмысление расширяющихся возможностей женской культуры и ее адекватное использование во всех сферах жизнедеятельности (от интимно-семейной до производственной, политической и научно-культурной), поскольку, во-первых, это позволит более эффективно применять человеческий потенциал, инвестированный в образование и воспитание женщин (в самом активном возрасте, 30–59 лет, они составляют более половины населения России)[2], а во-вторых, в силу исторических и социокультурных причин именно здесь имеются огромные резервы для самореализации личности в более обширных масштабах, чем до сих пор.

Впервые указанную мысль в развернутом виде аргументировал Г. Зиммель, раскрывая возможности развития внутри общечеловеческой объективной культуры двух ее специфических видов – мужской и женской. Женщины способны внести свой особенный вклад в социокультурный капитал общества. При создании для них благоприятных условий общественного бытия этот вклад мог бы отражать более развитую, чем у мужчин, способность интуитивно чувствовать нервное состояние больного, использовать свой субъективный опыт переживания чего-то подобного для установления максимально точного диагноза. Женская психика, по мнению Г. Зиммеля, могла бы сыграть положительную роль в исторической науке – от интуитивного понимания духа народных движений и непризнанных мотиваций отдельных лиц до расшифровки надписей. В литературе уже есть ряд женщин, которые «имеют понятия о том оригинальном и значимом, что они могут свершить в качестве женщины». Наиболее очевидным исследователь считал влияние «женского чувства» в изобразительном искусстве, где внутренняя жизнь женщины находит непосредственное и

---

[1] Козловский П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – С. 100.

[2] Белохвостова Н.В. Отраслевая структура занятности и ее анализ //Сервис в России и за рубежом. – М.: Рос. гос. ун-т туризма и сервиса, 2012. – № 1. – С. 21–22.

вместе с тем сдержанное выражение. В актерском искусстве женщина «более непосредственно переводит внутренний процесс в его проявление вплоть до своеобразной связи, которая позволяет женщинам значительно легче, чем мужчинам, переводить душевные переживания в физические»[1].

Социокультурный человеческий потенциал, заключающийся в уровне развития человека вообще, и гендерный потенциал как совокупность творческих сил каждого из полов, личностных, интеллектуальных и духовных потенциалов женщины и мужчины, в особенности, отражают связь понятий «человек» (общее), «женщина»/«мужчина» (особенное), «индивид» (отдельное). При таком методологическом подходе их можно противопоставить, только если допустить, что женщина не человек.

Все общие признаки мужчин и женщин позволяют их идентифицировать как людей, представляющих человеческий род, способных в принципе к взаимопониманию и социальному взаимодействию. Но нельзя игнорировать и наличие особенностей, присущих гендеру (социально-культурному конструкту типа поведения), обусловленному социально-психологическим различием в восприятии и позиционировании, учет которых позволяет раскрывать дополнительные возможности увеличения и использования человеческого потенциала женщин и мужчин в развитии личности и общества путем применения специфических систем стимулирования и мотивации труда, подбора кадров, дифференциации видов занятий в общественной и домашней сферах, использования экспрессивных и инструментальных ролей в разных видах социального взаимодействия.

В этом плане О.Л. Краева рассматривает потенциал человека как систему его возможностей, возникающих в диалектике возможностей мира и свобод человека и оформляемых в систему сущностных сил человека: потребности и способности[2].

---

[1] Зиммель Г. Женская культура // Избранное: В 2-х т. Т. 2. – М.: Юрист, 1996. – С. 252.

[2] Краева О.Л. Проблема потенциала человека в аспекте постнеклассической научной парадигмы // Вестник Нижегородского гос. ун-та, 2002. – № 1. – С. 303.

Проблема гендерного потенциала является мало изученной в рамках социальной философии. Чаще всего она рассматривается социологами и экономистами с точки зрения сходства и различий в способностях мужчин и женщин к управленческой деятельности. В Конституции РФ зафиксировано, что мужчины и женщины имеют равные условия для реализации собственного потенциала и могут вносить свой вклад в национальное, политическое, экономическое, социальное, культурное развитие страны и пользоваться его результатами[1]. Но, к сожалению, закрепленный принцип равноправия и равных возможностей существует формально.

И.В. Савенкова в работах, посвященных изучению управления гендерным потенциалом вузовской организации, рассматривает гендерный потенциал как возможность реализации мужчинами и женщинами своих личных интеллектуальных, организаторских способностей, таланта в различных сферах социальной жизни, в том числе в управленческой деятельности. Каждый человек сам решает, кем ему быть и чему посвятить жизнь. Одним женщинам хочется заниматься домом, семьей, и в этом они видят свое призвание. Другие – стремятся к профессиональной самореализации. Вопрос о том, состоялся ли ты профессионально, не должен зависеть от того, кто ты – мужчина или женщина. Оценка специалиста и его дальнейший рост должны быть связаны с профессиональной компетенцией и не зависеть от половой принадлежности[2].

Фактически женщины отстранены от ответственных постов в высших эшелонах управления и в большинстве случаев сконцентрированы на низших ступенях служебной иерархии[3]. Е.И. Калабихина, отрицая априорную некачественность женской рабочей силы и необходимость выполнять одну роль на протяжении жизненного цикла (роль хозяйки дома), считает, что

---

[1] Конституция РФ. Гимн Российской Федерации. – Новосибирск: Изд-во Сиб. ун-та, 2007. – Ст. 19, п. 3. – С. 9.

[2] Савенкова И.В. Гендерные отношения в системе управления социальным потенциалом организации: Дис. … канд. социол. наук. – Орел, 2007. – С. 96.

[3] Доклад о развитии человека за 2003 год, ПРООН // Архитектура и строительство России. – 2003. – № 11. – С. 20.

затраты на образование юношей и девушек не должны различаться с точки зрения рациональности. Снижение рождаемости, развитие контрацепции, вовлечение женщин в общественное производство, рост образовательного уровня населения, увеличение доли неполных семей – все эти тенденции нарушают рациональность гендерной дифференциации вложений в человеческий капитал. Дискриминация женщин на рынке труда (в образовательных, профессиональных, карьерных структурах, в уровне оплаты труда) снижает отдачу от вложенных затрат в формирование человеческого капитала.

Человеческий капитал детей формируется через их определенное количество и качество. В рамках отдельной семьи такие факторы, как занятость женщин, доход домохозяйства, распределение дохода между женой и мужем, образование жены, образование мужа, разнонаправленно влияют на количество и качество детей в семье. Более образованные женщины рациональнее организовывают свой быт, воспитывают детей более высокого качества. Более образованные мужчины в большей степени участвуют в воспитании детей и в домашнем хозяйстве[1].

Теория воспроизводства человеческого капитала, по мнению И.В. Калабихиной, не учитывает «невидимость» домохозяйственного труда в балансе затрат, априорное признание патриархальности распределения ролей в семье и рациональность односторонней специализации в браке, рациональность дифференциации вложений в качество детей по полу.

В самом общем виде в качестве исходного определения можно принять формулировку, данную Д.Ю. Быченко: «Человеческий потенциал – это совокупность способностей человека реализовать социальное действие в процессе своей жизнедеятельности»[2].

---

[1] Калабихина И.Е. Гендерный фактор воспроизводства человеческого капитала // Вестник Моск. ун-та. Сер.: Экономика. – 1998. – № 5. – С. 55.

[2] Быченко Д.Ю. Методологические основы исследования человеческого потенциала // Известия Саратовского ун-та. – 2011. – Т. 11, сер.: Социология. Политология, вып. 2. – С. 57.

Гендерный потенциал – это динамичное явление, имманентными детерминантами которого выступает разрешение противоречий между его увеличением и расширением сферы приложения, между индивидуальными, специфически групповыми и общественными интересами. Иначе инвестиции в человеческий капитал, например в высшее образование женщин, оборачиваются дополнительными проблемами безработицы, социальной неудовлетворенности, утратой мотивации студенток к учебе и общественно значимой деятельности. Следовательно, гендерный потенциал – расширение возможностей мужчин и женщин в реализации своих способностей – детерминирует экономическое благосостояние и общее развитие общества.

Изучение человеческого потенциала основано на концепции, согласно которой каждый человек представляет собой уникальное сочетание способностей[1]. Используя категории диалектики «отдельное – особенное – общее», можно определить гендерный потенциал как совокупность общих для данного пола (мужчин или женщин), но специфических в пределах человечества способностей к осуществлению жизнедеятельности и социальных взаимодействий.

В процессе социального взаимодействия каждая половина человеческого рода вносит собственный вклад в развитие общества и в определенном отношении превосходит другую половину по каким-то параметрам гендерного потенциала. Каждый пол, дополняя другой, выполняет в культуре свои функции. «Единство мужского и женского начала в общечеловеческом бытии возможно лишь при сохранении различий и некоторого неравенства между ними. Только при этом условии „работает” принцип взаимодополнительности»[2].

Адекватное потребностям и возможностям общества развитие личности в соответствии с ее гендером, создание условий для самореализации

---

[1] Корсини Р.А. Ауэрбах. Психологическая энциклопедия. – 2-е изд. – СПб., 2006. – С. 106 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krelib.com/files/Entsiklopediya/Psiho_ents.pdf (дата обращения: 01.09.2012).

[2] Шимин Н.Д. Целостность как феномен бытия Человека: аксиоматика единства мужского и женского начала в Человеке. – Н.Новгород: Нижегор. арх.-строит. академия, 1995. – С. 69.

гендерных особенностей при свободном выборе сферы их приложения являются необходимыми предпосылками возрастания общечеловеческого социокультурного капитала в целом, в масштабах социума. Поэтому следует предполагать, подчеркивает П. Козловский, что ни полное уподобление, ни полное разделение мужских и женских ролей и культур не станет решением «женского вопроса»: в первом случае недооценивается очевидность и глубокое значение различения полов, а во втором – «в такой же степени явное, очевидное единство рода человеческого»[1].

Формирование гендерной методологии и гендерного подхода в социальной философии, которые не только описывают различие в статусах мужчины и женщины, но и анализируют систему власти и доминирования, осуществляемую через гендерные роли, по сути, является гораздо большим, чем просто возникновение новой теории. Это принципиально новая теория, принятие которой обозначает изменение ценностных ориентаций философа-исследователя, пересмотр основных представлений и устоявшихся истин и в конечном счете изменение самой социальной философии как раздела философского знания[2].

Психологи начали изучать гендерные различия еще в конце XIX века, но вплоть до 1970-х годов они по большей части занимались демонстрированием различий полов, чем обосновывали разное отношение к мужчинам и женщинам. Необходимо помнить, что обнаруженные отличия относительно невелики, обычно не более 10 %, а в большинстве случаев распределение мужской и женской выборок на 90 % совпадают.

Как показывают исследования, мужчины не хуже женщин способны определять чувства других и внутренне сопереживать им, но они заинтересованы в том, чтобы окружающие никак не заметили этого по их поведению. Мужчины не желают, чтобы люди видели их эмпатичными, так как это не соответствует их гендерной роли. Они часто оказываются в

---

[1] Козловский П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – С. 100.

[2] Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 120.

ситуациях, требующих от них проявления силы, независимости, властности, стремления к соревнованию – качеств, которые едва ли сочетаются с эмпатийной отзывчивостью. Что касается переживания и выражения собственных эмоций, то, по данным исследований, мужчины и женщины обладают равной эмоциональностью, но выражают свои эмоции с разной степенью интенсивности. Эмоциональная жесткость считается одной из важнейших описательных характеристик «настоящего мужчины»[1].

Производство и культура эпохи НТР создают огромное количество посильных для женщин рабочих мест, предоставляют возможности для профессионального самовыражения, одновременно предъявляя к работникам безотносительно к их полу требования самоотдачи, постоянного совершенствования квалификации. Американские ученые отмечают: в общественном сознании США сложилось мнение, что главный прогресс, достигнутый за последние 15 лет в решении женских проблем, – это «свобода выбора жизненного стиля», в том числе «карьерного».

Выполнение женщинами функций матерей, хранительниц домашнего очага значительно ограничивает раскрытие имеющегося у них социокультурного потенциала. Возможность осуществлять деятельность на свободном рынке труда, получая социально измеряемую заработную плату, способствует экономической самостоятельности и личностной самореализации женщин. В то же время выход в большой мир делает уязвимым приватный мир: сокращается время общения с семьей (одновременно растет чувство вины перед ней), разрушаются семейные отношения, увеличивается риск развода и одиночества. Система рыночных отношений неизбежно превращает ее субъектов в носителей этики индивидуализма – автономии, справедливости. Однако для женщин это означает сужение сферы традиционной для них в семье этики домашней работы с ее ценностями альтруизма, самопожертвования, служения близким.

---

[1] Козловский П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – С. 100.

Системообразующим и регулирующим фактором гендерного потенциала является субъектная активность, духовным источником которой выступает идентификация личности в многомерном, в том числе гендерном, пространстве, подкрепляемая социальным признанием адекватности притязаний на значимые для социума или для микросреды свойства индивида, пола. Возникающие в этом взаимодействии притязаний и достоинств мотивы, связанные с самореализацией личности, непосредственно побуждают к умножению и практическому применению человеческого потенциала. Гендерные факторы по-разному влияют на данный процесс, стимулируя повышение субъективности индивида или группы.

Практическая значимость гендерного потенциала зависит от интегрирующегося множества факторов, включая физические и ментальные качества, превалирующие в разных половозрастных группах, что обусловливает появление и функционирование «мужских» и «женских» занятий. На рынке труда сохраняется вертикальная и горизонтальная сегрегация с преобладанием женщин в низкооплачиваемых бюджетных секторах, на низкооплачиваемых неруководящих работах[1]. Усиливается разрыв между хорошо оплачиваемым квалифицированным трудом в общественном секторе занятости и неоплачиваемым домашним трудом женщин (репродуктивным трудом в широком смысле слова – рождение и воспитание детей, уход за членами домохозяйства, поддержание домохозяйства)[2], а внутри общественного сектора – между сферой производства человека и производства материального благосостояния. На гендерный потенциал женщин и мужчин оказывают влияние как объективные факторы (благосостояние, необходимое время занятости в публичном и семейном секторах), так и субъективные факторы

[1] Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Россия в 2015: цели и приоритеты развития. – М.: ПРООН, 2005. – С. 77–78.

[2] Малышева М. Глобализация, гендерное неравенство и репродуктивный труд женщин // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. Е.Б. Мезенцева. – М.: ИСЭПН РАН; Русская панорама, 2002. – С. 116–136.

(навязываемые личности менталитетом аскриптивные социальные роли, ограничения в выборе занятий по признаку пола).

Вступление России в ВТО, по оценкам специалистов[1], может усилить гендерный разрыв в человеческом развитии, так как сокращение занятости с большей вероятностью будет происходить в основном в «женских» отраслях экономики (АПК, пищевая, текстильная, обувная, мебельная, машиностроение).

Тезис о том, что экономический рост практически не влияет на гендерное неравенство в доступе к доходам и в политике, подтверждает сравнение регионов России по уровню доходов и по гендерному равенству (показатель соотношения заработной платы женщин и мужчин), а также по показателю доли женщин в региональных парламентах. Были выявлены две формы зависимости. Первая – чем выше денежные доходы в регионе, тем выше неравенство между заработной платой женщин и мужчин. Вторая – в регионах с низкими доходами неравенство минимально, а порой заработки женщин даже выше. Получается, что гендерное выравнивание доходов у нас возможно лишь в бедности[2].

Гендерная асимметрия женского и мужского человеческого потенциала особенно наглядно проявилась в процессе перехода к рыночной экономике в 90-е годы, когда доля женщин превалировала при сокращениях занятости в промышленности, женский труд вытеснялся из сферы услуг и финансов и заменялся мужским, более высокооплачиваемым. Очевидно, работодатели предпочитали мужчин как менее обремененных семейными заботами. При этом стала возрастать доля женщин-предпринимателей в розничной торговле, общественном питании. Нетрадиционный стиль управления, свойственный женщинам, способствовал переходу к женскому

---

[1] Доклады по человеческому развитию с 1995 по 2009 г. – М.: ПРООН, 2009. – С. 82–83.

[2] Зубаревич Н. Регионы России: социальная проекция экономического роста. Демоскоп Week ly, 2007. – № 273–274, 22 января – 4 февраля [Электронный ресурс]. – URL: http://demoscope.ru/weekly/2007/0273/tema05.php (дата обращения: 13.08.2012).

экспрессивному стилю управления, распространенному в американском менеджменте.

На структуру гендерного потенциала оказывают влияние также государственная политика и законодательство, предпочтения и предубеждения работодателей при приеме на работу, предпочтения потребителей, клиентов быть обслуженными мужчинами или женщинами, т. е. вопросы принятия их на работу нередко зависят от субъективного, не мотивированного в открытой форме мнения чиновника или менеджера. Необходимость предоставлять женщинам отпуск по беременности, по уходу за ребенком делает их труд менее привлекательным для работодателя, чем труд мужчин.

Активность и конкурентоспособность мужчин на рынке труда зависит в большей степени от экономических факторов оценки их деловых качеств. Выбор работы мужчиной меньше зависит от семейных обстоятельств. В то время как женщинам, принимающим решение по поводу работы, приходится учитывать семейные обстоятельства, например мнение мужа, количество и возраст детей, последствия развода и др.

Создание гендерного потенциала у женщин и мужчин происходит под влиянием разных факторов. Мотивация поисков работы вне дома у женщин может характеризоваться не столько материальной необходимостью, сколько преобладанием потребности в аффилиации, т. е. в общении, в осуществлении эмоциональных контактов, проявлениях дружбы и любви, а не в личном успехе[1]. Обострение потребности женщин в аффилиации за пределами семьи может быть обусловлено дефицитом заботы и внимания к ней со стороны мужа, наличием взрослеющих детей, отсутствием признания ценности для них домашнего труда супруги и матери. Это еще раз подчеркивает, что решение проблемы оптимального социального применения гендерного социокультурного капитала требует всестороннего социально-философского

[1] Ревина М.А. Гендерная идентификация в управленческой деятельности: Дис. … канд. социол. наук. – М., 2001. – С. 117.

научного подхода. Такие вопросы нельзя решать без учета действительных материальных, социальных и духовных потребностей людей, выделяя среди них хотя бы основные массовые типы (по возрасту, составу семьи, уровню достатка) со своими жизненными стратегиями. Во всяком случае, необходимо стремиться к созданию привлекательных условий и престижных факторов в публичном и в частном секторах социально-экономического воспроизводства.

Повышение заинтересованности и женщин, и мужчин в «частном секторе» связано с улучшением быта, применением бытовой техники, развитием инфраструктуры семейного досуга, внесемейного общения и образования, особенно в области психологии и педагогики. Труд в домашней сфере воспроизводства человеческого социокультурного капитала и экономического капитала должен быть полностью уравнен с трудом в формальной экономике. Однако в настоящее время домашний труд даже не считается в научном дискурсе трудом. Так, из нижеследующей цитаты можно заключить, что мужчины преобладают на рынке труда и получают «семейную зарплату», т. е. не только на себя, но и на всю семью, а женщины обеспечивают преемственность поколений, «нравственную экономику» и воспроизведение социального порядка без соответствующей общественной оценки их деятельности. «Преобладание мужчин на рынке труда – это цивилизованное средство для обеспечения воспроизводства населения, конструктивное поощрение семейного стиля жизни. Женщины всегда играли одну из важнейших ролей в обществе, обеспечивая преемственность поколений и „нравственную экономику”, другими словами, воспроизведение социального порядка»[1]. Здесь представлена консервативно-патриархальная точка зрения на человеческий потенциал женщин, ограничение их роли воспроизводством рабочий силы, домашним трудом без учета разнообразия их личных способностей и жизненных стратегий. При этом за пределами

[1] Филлипс Т.Ч. Феминизм и семья: историко-социологический анализ / Под ред. А.И. Антонова. – М.: Грааль, 2002. – 176 с. [Электронный ресурс]. – URL:http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/antonov/ (дата обращения: 01.10.2012).

внимания остаются вопросы индивидуального, материального и морального стимулирования данной сферы жизнедеятельности женщин, хотя она имеет первостепенное значение для развития человеческого потенциала и «воспроизведения» социального порядка.

К сожалению, еще недостаточно исследованы когнитивные, аффективные и бихевиористские аспекты женского гендерного потенциала[1]. С позиции формирования гендерного потенциала женщин в развитии общества необходимо учитывать многофакторность и разноплановость этой производительной силы. Во-первых, общественно значимой является трудовая деятельность не только в секторе народного хозяйства, но и в семье. Во-вторых, равенство не означает уподобление структуры трудовой деятельности и рабочего времени женщин мужской занятости. Трудовой потенциал женщин должен увеличиваться за счет более полного общественного признания и оптимального применения их специфических способностей к реализации репродуктивных функций развития и поддержания человеческого потенциала, экспрессивных ролей, к ведению домашнего хозяйства, выполнению работы, требующей большей точности и скрупулезной исполнительности, не только в публичной, но и в семейной сфере. В-третьих, социально-демографическая политика должна предусматривать не только материальное поощрение деторождения, но и комплекс доступных и качественных услуг по содержанию и воспитанию детей.

Самой главной предпосылкой повышения социальной эффективности гендерного потенциала является предоставление каждому человеку возможности свободного выбора сферы приложения своих способностей при условии равного вознаграждения за равный (по количеству и качеству) труд в материальном и духовном производстве, в домашнем хозяйстве, в воспитании детей и в экономике. Когда основным критерием выбора рода

[1] Белохвостова Н.В. Гендерные факторы реализации человеческого потенциала // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. – 2011. – № 4 . – С. 74.

занятий станет соответствие личных способностей и социальная значимость прилагаемых усилий, тогда можно ожидать многократного увеличения гендерного потенциала развития общества и возрастания чувства удовлетворенности мужчин и женщин своим статусом, что сделает излишним дискурс о гендерном равенстве.

При этом следует подчеркнуть, что только оптимальное сочетание материального и морального вознаграждения может обеспечить чувство удовлетворенности и самореализации личности в любом виде труда и в семейной, и в публичной сферах. «Становление постиндустриального общества связано не только с разнообразными экономическими и социальными трансформациями прежней индустриальной системы, но и с изменением типа межличностных отношений и отношений между человеком и социумом. Личностные черты становятся одной из основных доминант социального прогресса, а развитие человека как уникального творческого субъекта и его способностей оказывается источником наиболее серьезных общественных преобразований»[1].

Практически у нас женщины имеют равные возможности с мужчинами для развития способностей в системе образования и воспитания (различия в жизненных стратегиях и мотивах здесь могут быть навязаны только гендерными стереотипами ближайшего окружения и семьи). Хуже обстоят дела с применением гендерных способностей в экономической, политической и социальной сферах деятельности. Проблема заключается в наличии препятствий для работы по найму и занятия предпринимательством, порождаемых тем, что женщины – главный субъект физического и духовного воспроизводства населения. И эта функция еще не оценена по-настоящему ни гражданским обществом, ни государством: считается частным делом семьи и женщины по большей части. Основную часть издержек по созданию трудового потенциала (воспитанию детей) общество возлагает на семью.

[1] Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 21.

Материальные затраты родителей недостаточно обеспечиваются финансированием из госбюджета. Именно эти причины, а не «созданная мужчинами политическая культура и отсутствие согласия среди самих женщин» являются главными препятствиями на пути расширенного включения гендерного потенциала в развитие общества[1].

«Смещение акцентов с массового производства материальных благ на максимальное развитие и использование человеческого потенциала влечет за собой замену экономизированных ценностей и приоритетов ценностями постматериалистическими, основанными на стремлении людей к самовыражению и саморазвитию. При этом развитие духовных потребностей в рамках экономической системы с иной структурой в равной степени распространяется (и даже требуется, является необходимым) как на мужчин, так и на женщин. Высокая степень социализированности отличает человека, живущего в постсовременном обществе, и не имеет ограничений по признаку пола»[2]. В ситуации рынка главным образом через женские руки реализуется рыночно эффективная покупательная способность. Другими словами, женщины являются основными потребителями и, следовательно, именно на них возложена ответственность за воспроизводство существующей экономической системы. В постсовременном обществе они обретают статус полноправных экономических субъектов, который включает в себя и отношения потребления[3].

В постиндустриальном обществе изменяются базовые семейные ценности и идеалы. Патриархальный гендерный контракт, или договор, – ведение домашнего хозяйства и забота о муже и детях для женщины и обеспечение материального достатка семьи для мужчины – вытесняется гендерным контрактом равного статуса двух партнеров, в соответствии с которым на смену жесткой иерархии приходит выравнивание положения,

---

[1] Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 27.

[2] Там же. – С. 34.

[3] Там же. – С. 36.

прав, возможностей мужчин и женщин в публичной и приватной сферах. Активное участие женщин в экономической, социальной и политической жизни неизбежно требует создания реальных возможностей для совмещения ими семейных и профессиональных ролей: наличие детских дошкольных учреждений, в том числе на рабочих местах, гибкий график работы, привлечение мужчин к выполнению домашней работы, предоставление женщинам и мужчинам отпусков по уходу за детьми и т. п.[1]

Более или менее гармоничное существование мужчин и женщин в семье связано исключительно с равноправным стилем взаимодействия. Безусловно, под этим не подразумевается стирание социальных граней между полами, феминизм не призывает к нивелированию различий. Постсовременное общество, как и любое другое, дифференцировано, но эта дифференциация исключает дискриминацию по признаку пола и предполагает право на различие, право на удовлетворение специфических гендерных потребностей в самореализации, в проявлении своей индивидуальности.

Постмодернистская культура, растворяющая авторитеты, отказывающаяся от иерархических структур ценностей, сопровождается подобной тенденцией плюральности, многообразия стратегий поведения в социальном пространстве, в частности в рамках семьи, которая формирует личность будущего человека, его установки и идеалы[2].

Дискриминация мужчин бьет бумерангом по женщинам. Во-первых, работодатели там, где возможно, заполняют рабочие места мужчинами, которые не имеют либо юридического, либо традиционно морального права потребовать себе льготы по воспитанию детей, распространяемые только на женщин. Поэтому женщины остаются без работы. Во-вторых, женщины лишаются необходимой помощи мужа (поскольку он работает) в период беременности, ухода за маленьким или больным ребенком. Таким образом, гендерная дискриминация женщин и мужчин взаимообусловлена. Она

---

[1] Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 37–38.

[2] Там же. – С. 39–41.

представляет собой нарушение прав человека на труд и отдых, на самореализацию личности и имеет своим следствием низкую рождаемость, серьезные социальные проблемы в физическом и духовном качестве воспроизводства поколений.

Мужчины как пол, отметил Э. Гидденс, проглядели ключевую тенденцию в траектории развития модерна. Позиция мужчин в области публичного достигнута за счет их исключения из процесса трансформации интимности[1]. Поэтому О. Салливан утверждает, что «каждодневная борьба женщин против домашнего разделения труда» может быть определена как политическая и в длительной перспективе она будет оказывать трансформативный эффект[2]. Государства могут помочь в создании гендерной идентичности, устанавливая, поддерживая или оспаривая существующие нормы гендерного времени: например, постановить, что только женщины нуждаются во времени декретного отпуска для ухода за детьми, или дать возможность мужчинам тоже брать его, или, как предлагает П. Кершоу, сделать, чтобы для мужчин такой отпуск был финансово привлекательным. Приведенный выше анализ указывает, что гендер, нормы и действия, поддерживающие его, не являются постоянными во времени, а отмена угнетающих гендерных отношений требует не только индивидуальных действий, но и поддерживающей государственной политики[3].

Там, где женщины добились паритетного представительства во всех структурах власти, изменилось само содержание политики. Ее главными приоритетами стали социальные вопросы качества жизни людей – здравоохранение, образование, пенсионное обеспечение и т. д. Под воздействием женщин, пришедших к власти, в таких странах, как, например,

---

1 Giddens A. The transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies. Stanford, CA: Stanford University Press, 1992.– P.67.

2 Sullivan, O. ‘Changing gender practices within the household: a theoretical perspective’, Gender and Society. Vol. 18, № 3, 2004. – P. 208.

3 Цит. по: Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. – Киев: Центр учебной литературы, 2011. – С.141.

Канада, Швеция, Норвегия, Дания, наблюдается стабильность и обеспечение свободы выбора каждому члену общества[1].

Следовательно, такие основные институты, как государство в целом или сфера экономики, политики, образовательная система и т. д., не являются гендерно нейтральными, но отражают интересы, взгляды и приоритеты мужчин, которые ими управляют. Вместо анализа действительных причин неконкурентоспособности женщин по сравнению с мужчинами в реализации своего личностного потенциала феминисты обычно ссылаются на патриархальные традиции, на заинтересованность мужчин как социальной группы в сохранении гендерного неравенства, на то, что работодатели предпочитают мужчин, а не женщин в качестве работников, на общественные структуры, которые поддерживают интересы мужчин в ущерб интересам женщин[2].

В большинстве стран, за исключением, может быть, Скандинавских, доминирует гендерная дискриминация мужчин в сфере трудового законодательства: они не пользуются льготами, предусмотренными для женщин, им не предоставляются отпуска по беременности жены, по уходу за больными детьми, не выделяются пособия по воспитанию детей. Следовательно, отцовские функции принижаются или мужчины по умолчанию признаются неспособными к их исполнению.

Эти различные положения, в свою очередь, отражают важные разногласия по вопросу, когда молодые родители должны возвращаться к оплачиваемой работе: после относительно короткого отпуска (Швеция предоставляет 60 дней оплачиваемого отпуска одновременно для двух родителей) или после значительно более длительного (как в Дании – 480 дней). Также продолжаются дискуссии о том, должны ли родители получать государственную финансового помощь, если они сделали выбор в пользу ухода за детьми на дому (Финляндия поддерживает неработающих

---

[1] Женщины мира, 1995 год. Тенденции и статистика // Социальная статистика и показатели. Сер. № 12. – Нью-Йорк: ООН, 1995. – С. 37.
[2] Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 141.

родителей, ухаживающих за детьми до достижения ими восьмилетнего возраста; в Норвегии родители малышей в возрасте до двух лет, не использующие субсидии на детскую помощь, имеют право на денежные пособия). Тем не менее данные подходы базируются на общем утверждении, что совершеннолетние граждане должны быть и работниками, и воспитателями; что женские традиционные обязанности важны, они никуда не исчезают, даже если женщины выходят на оплачиваемую занятость, и эта забота является не частной, индивидуальной ответственностью, а коллективным, политическим делом, в котором должно участвовать все общество.

Вот почему государство должно исходить из того, что мужчины – это потенциальные опекуны и нужно способствовать тому, чтобы они более активно участвовали в жизни семьи. Образовательные программы, проводимые в Скандинавских странах с 1970-х годов, нацелены на оспаривание гендерных стереотипов, на поощрение мальчиков за стремление взять на себя больше домашних обязанностей, на доступность «дружественных к семье» условий труда как для мужчин, так и для женщин. В Швеции, Норвегии и Ирландии часть декретного отпуска доступна и для мужчин[1]. Однако принятие шведского «Папиного месяца» состоялось только при поддержке хорошо подготовленных к этому мужчин. Многие из таких инициатив были выдвинуты как женщинами-политиками, так и независимыми женскими организациями.

На практике домашнее поведение мужчин достаточно устойчиво к изменениям, результаты некоторых политических инициатив более чем посредственны. Так как женщины намного чаще, чем мужчины, берут декретный отпуск, сама его щедрость способствует неравенству на рабочем месте в большинстве Скандинавских стран[2]. Датские родители имеют немного возможностей заботиться о маленьких детях дома без серьезных

---

[1] Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. – Киев: Центр учебной литературы, 2011. – С. 114–115.

[2] Там же. – С. 115.

финансовых потерь, низкий уровень финского домашнего пособия означает, что его получателями являются в основном женщины, – все это увековечивает гендерное разделение труда и женское экономическое неравенство. Все же «папина квота» в этих странах ведет гораздо дальше, чем прежние отцовские и материнские представления о декретном отпуске, где отец понимался как «временный помощник по уходу», а мать – как главный исполнитель.

Сегодня существует такое общее мнение среди феминисток: Скандинавские социальные государства хотя еще и не достигли полного гендерного равенства, но точно половину пути уже прошли, поэтому их можно называть «дружественными к женщинам» государствами[1].

Далеко идущие последствия скандинавской политики равенства возможностей для самореализации связаны с относительно высоким уровнем политического представительства женщин: на 2006 год общий сдвиг в гендерных нормах и стереотипах в указанном регионе в среднем принес женщинам больше 40 % политического представительства, а в Швеции – 47 %. Напротив, женщины в Великобритании получили чуть больше 20 % (в палате общин этот показатель, лучший на данный момент, был достигнут в 1997 году благодаря избранию женщин – кандидатов от Лейбористской партии)[2].

Такое явно недостаточное представительство женщин в большинстве государственных избирательных советов – знак женского коллективного подчинения и нехватки ресурсов, включая время. Это значит, что важные области человеческого темпорального опыта возникают из деторождения женщинами и приписываемой женщинам социальной роли домохозяйки.

Ряд новых моментов, появившихся в западноевропейских гендерных отношениях в частной сфере, исследовал Э. Гидденс в своих работах.

---

[1] Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. – Киев: Центр учебной литературы, 2011. – С. 116.

[2] CAWP (Centre for American Women and Politics), 2006 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cawp.rutgers.edu/10/01/07 (дата обращения: 10.09.2012).

Например, в «Трансформации интимности» он специально сделал акцент на истории современных форм сексуальности, связав их с длительными процессами, происходящими в результате глобализации, а также с разграничением пола и его репродуктивной функции в комплексе с влиянием на данные процессы феминизма и каждодневной деятельности «обычных женщин»[1]. Ученый сфокусировал внимание на том, что гендер – это «идентичность, тонко конституированная во времени, институализированная во внешней среде посредством стилизованного повторения определенных действий»[2]. Очевидны практические последствия подобной ситуации, что дает возможность некоторым авторам утверждать, будто нежелание мужчин убирать в доме связано не просто с их неприязнью к этому виду работы, а с опасением, что такие действия представляют угрозу для их собственной мужской идентичности.

Как подчеркивает С. Эпштейн, противоречивые гендерные нормы ведут к тому, что «если женщины проводят большую часть своего времени на работе, им не хватает времени для выполнения обязанностей в семье. Если же они не воспользуются этим временем на работе, они не смогут полностью выполнить нормы выработки, приводящие к поощрению и свободе, которая ему сопутствует»[3]. В результате многие успешные в карьере женщины могут испытывать чувство вины и подавленности. Некоторые исследования использования времени показывают, что если женщина зарабатывает больше, чем ее спутник жизни, она «вдвойне старается не подчеркивать свою женскую сущность для нейтрализации девиантной гендерной роли»[4].

Одним из способов совмещения личных и социальных интересов женщин, составляющих более половины населения, является, как подчеркивает сторонница аналитической теории конфликта Дж. Чафетс,

---

[1] Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПб.: Питер, 2004. – С. 30.

[2] Цит. по: Брайсон В. Гендер и политика времени. Феминистская теория и современные дискуссии. – Киев: Центр учебной литературы, 2011. – С. 139.

[3] Epstein, C. ‘Border crossings: the constraints of time norms in transgressions of gender and professional roles’, in C. Epstein and A. Kalleberg (eds) Fighting for Time: Shifting Boundaries of Work and Social Life, New York, NY: Russell Sage Foundation, 2004. P. 329.

[4] Bittman, M. (2004) ‘Parenting and employment: what time-use surveys show’, in N. Folbre and M. Bittman (eds) Family Time: The Social Organization of Childcare London and New York, NY: Routledge, P.165.

гармоничное сочетание домашних обязанностей с участием в рыночном производстве[1]. Исполняемая большей частью женщин функция «дом/семья» направлена объективно на воспроизводство рабочий силы – основного компонента общественного производства. Предоставление женщинам свободы выбора получать материальное вознаграждение посредством ведения домашнего хозяйства или участвуя в рыночном производстве способствует повышению их социального статуса и авторитета в семье.

Следовательно, семья и домашнее хозяйство не должны рассматриваться исключительно в качестве частного пространства, сферы порабощения женщины мужчинами, а вся остальная, внесемейная, структура – в качестве фактора их освобождения. Зависимость женщины от работодателя еще более жесткая, чем в семье. Только реальное расширение возможностей выбирать род и характер занятий обеспечивает женщинам (как и мужчинам) социально-экономическую независимость и свободу. Для этого семейные заботы по воспитанию детей, развитию их способностей, ведению домашнего хозяйства должны получить экономическую и моральную оценку со стороны общества наравне с занятостью в публичной сфере, и конкурировать между собой будут не столько потенциальные работники, сколько работодатели. Тогда, с одной стороны, на деле будет создана возможность свободного выбора занятий по способностям, а с другой – будет положен конец иерархии насильственной власти над личностью независимо от пола как в семье, так и в публичном секторе. При этом речь идет не только о свободе личного выбора, но и о выравнивании социальной оценки репродуктивной и производственной функций жизнедеятельности. Игнорирование данной проблемы приведет к реальной угрозе демографического кризиса.

Поэтому требуется ревизия всех традиционных социально-философских концепций – консервативных, либеральных, марксистских. Женщина в отличие от животного сознательно идет на материнство или отказывается от него, причем свобода выбора (так же, как и признание мужчиной отцовства)

[1] Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – С. 363.

осуществляется под влиянием сложившихся в обществе норм. Понятие «репродукция» обязательно предполагает уход за детьми, воспитание, приобщение к системе ценностей. Иначе говоря, репродукция – это созидание социальных личностей, включенных в исторический процесс[1].

В современном обществе репродукция биологически не запрограммирована для женщины. Доступность контрацепции открывает возможность отделения сексуального удовлетворения от деторождения. Материнство, как и отцовство, становится феноменом свободного выбора, корректируемым почти исключительно социальными нормами, общественным мнением, которое далеко не всегда однозначно поощряет возрастание народонаселения. Ограничение возможностей для самореализации личности, ее творческого роста в условиях современной семьи побуждает все большее количество женщин, претендующих на успех в жизни, откладывать вступление в брак, планирование детей, тем более что в общественном мнении сохраняется дискурс: «Мир женщины» = частная жизнь – второстепенное, «мир мужчины» = все остальное – престиж и главное[2].

Если частная жизнь семьи по социальному предназначению – это сфера воспроизводства самого ценного – человеческого капитала, то именно ее следует сделать главной, престижной: наполнить частную жизнь содержанием, возможностями для самореализации личности и тогда она станет привлекательной не только для матерей, но и для отцов.

Увеличение и использование гендерного потенциала станет теоретически разрешаемой задачей при условии гармонизации «спроса» и «предложения» на материально и морально привлекательные занятия, соответствующие способностям женщин и мужчин. Это действительно сложная задача. Т.А. Ладыкина отмечает: «Тем не менее вопрос о том, можно ли построить единую феминистскую теорию, которая бы наилучшим образом

---

[1] Юлина Н.С. Женщина, семья и общество. Дискуссии в феминистской мысли США // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 137.

[2] Ушакин С. Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ; М.: Вариант, 2007. – С. 108.

способствовала освобождению всех женщин, является трудно решаемым на данном этапе для феминистских социальных философов. Главная причина в том, что невозможно четко и однозначно определить интересы и нужды всех женщин»[1].

Разработка такой теории, конечно, дело не одного поколения обществоведов. Однако уже сегодня можно сформулировать основные принципы социальной политики, направленной на увеличение и реализацию гендерного капитала. Во-первых, адекватность вознаграждения и общественного признания трудовых занятий их социальной значимости. В нашем обществе явно недооценивается труд, направленный на развитие и сохранение здоровья человека (репродуктивная деятельность), воспитательная деятельность родителей, работа учителей, медиков, труд в пищевой, текстильной и легкой промышленности. По необъяснимой причине это сфера приложения именно женского труда. Во-вторых, повышение эффективности использования женского социокультурного потенциала в развитии общества связано с радикальным повышением престижности участия мужчин в семейном воспитании. Их вклад в развитие человека, в домашнее хозяйство, тоже являющееся важным средством воспитания молодежи, попросту замалчивается, что не способствует стремлению мужей брать на себя более значительную часть забот, которые несут на себе жены, сочетающие домашний и общественный труд.

Б. Фриден сравнивала положение домашней хозяйки с положением узника концентрационного лагеря. И там и здесь человек лишен самотождественности, самоуважения, проявлений индивидуальности, изолирован от большого мира идей и событий. Общий вывод Б. Фриден состоял в том, что идеал феминности, на который ориентируются домохозяйки в экономически развитых странах, есть не влечение их натуры,

[1] Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 60.

а негуманный стереотип, навязываемый женской рекламой, бизнесом, правительством, поскольку обществу это выгодно[1].

Как справедливо отмечает О. Воронина, «на использовании и присвоении неоплачиваемого женского труда в семье держится и семья как институт воспроизводства рабочей силы, и само государство-патриарх, пожирающее эту силу»[2]. Ссылки на то, что «мужчины – кормильцы» получают «семейную» зарплату, в том числе на воспроизводство рабочей силы, не оправдывают социальной несправедливости неоплачиваемого домашнего труда женщины, поскольку игнорируют личность матери, супруги и домохозяйки, выполняющей важные социальные функции. Реальными являются факты общественного бытия, когда женщины остаются без кормильца и, несмотря на двойную трудовую нагрузку, получают низкую заработную плату. И главное, неоплачиваемый и не престижный женский труд в домашнем хозяйстве снижает его привлекательность в глазах тех женщин, которые могли бы принести больше пользы, посвятив свою жизнедеятельность не формальной экономике, а социальному воспроизводству новых поколений активных граждан и работников.

Гендерные проблемы становятся глобальными. По данным ООН, до 3/5 частей бедных слоев населения составляют женщины и девочки. Либерализация мировой экономики имеет своим следствием свертывание государственных социальных программ, основными потребителями которых являются женщины с детьми. Одновременно сокращаются расходы на программы в сфере образования и здравоохранения, что снижает возможности перераспределения социальных трансфертов и времени в пользу женщин, обремененных семейными обязанностями и имеющих меньшие доходы. Трудовая нагрузка на женщин возрастает, поскольку

---

[1] Юлина Н.С.Женщина, семья и общество. Дискуссии в феминистской мысли США // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 132.

[2] Воронина О.А. Женщина и социализм: опыт феминистского анализа // Феминизм: Восток, Запад, Россия / Под ред. М.Т. Степанянц. – М.: Наука, 1993. – С. 220.

увеличивается роль домохозяйства в уходе за детьми и престарелыми членами семьи.

Необходимо также отметить положительные моменты, которые привносит глобализация в развитие гендерного равенства. Она создает возможности для участия индивидов (в том числе женщин) в разработке новых стандартов международного гражданского, трудового и семейного права, в защите прав человека, выносит на суд мировой общественности национальные женские проблемы.

Главное, чтобы каждому индивиду независимо от пола общество предоставило те способы и механизмы, которые позволят ему оптимально реализовать гендерный потенциал в соответствии со своими потребностями, целями, интересами и смыслами в ежедневной и часто непредсказуемой практике взаимодействия с окружающими и миром.

Однако гендерный потенциал определяется не только материально-объективными обстоятельствами жизнедеятельности мужчин и женщин, но и гендерной идентичностью, системой социальных взглядов, стереотипов, нравственных норм, обычаев и традиций, субъективных по источнику формирования – социально-историческому дискурсу, но объективно непреложных для индивида, самоидентифицирующегося со своим полом.

Структурными компонентами гендерной идентичности личности являются гендерные представления (когнитивный компонент), гендерная самооценка (аффективный компонент) и гендерные планы, способы и структуры поведения (коннотативный компонент), которые репрезентированы и реализуются в трех объективных пространствах гендерной бытийности личности (среда, организм, деятельность) как гендерные стереотипы и эталоны, гендерная телесность, гендерные роли.

Идентичность есть синтез всех характеристик человека в уникальную структуру, которая определяется и изменяется в результате адаптации и субъективной прагматической ориентации в постоянно меняющейся среде. В психологии установлено, что каждый человек имеет определенную

концепцию самого себя, варьирующуюся от очень узкой до весьма широкой и гибкой. П. Врица определяет идентичность как «чувство индивидуальности, которое охватывает разнообразные убеждения, ценности, способности и виды поведения на более высоких логических уровнях»[1].

Гендерная идентичность личности – многокомпонентное образование, включающее гендерные представления, гендерную самооценку, гендерные планы и линии поведения. Различное сочетание и смысловое наполнение данных компонентов определяют индивидуальный вариант гендерного потенциала личности. Кризис реализации гендерной идентичности представляет собой сложный, многоуровневый динамический процесс, характеризующийся невозможностью достижения внутренней согласованности, самоактуализации и реализации гендерного потенциала[2].

Основу гендерной роли составляют гендерные стереотипы, устойчивые представления о феминном и маскулинном, о женской и мужской идентичности. Особенностью социального стереотипа как регулятора социальных отношений является поляризация качеств человека путем абсолютизации дихотомии. Понятие «гендер» связано с возможностью и потребностью личности в самоидентификации, самопознании и самовыражении как субъекта определенного пола.

Женственность (феминность) – этическая категория, которая означает совокупность качеств, ожидаемых от женщины, таких как эмоциональность, нежность, хрупкость, искренность, верность, что вызывает в мужчине желание оберегать и защищать женщину (квинтэссенция феминного гендерного стереотипа). Понятие женственности включает в себя как чисто биологические, так и социокультурные аспекты и не связано напрямую с женским биологическим полом. Противоположностью женственности

---

[1] Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Монография. – М.: МОСУ, 2001. – С. 28.

[2] Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы её реализации: Автореф. дис. … д-ра психол. наук: 19.00.01. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006. – С. 15.

является мужественность (маскулинность) – понятие, подразумевающее такие качества, как твердость, стойкость, агрессивность и пр.[1]

Мужская идентичность (образ настоящего, сильного мужчины) – маскулинизм в повседневном сознании и рекламе преимущественно связывается с индивидуализмом, агрессией, независимостью, «экспансией», хотя мужчина может быть смешон, неловок, если пытается выполнять женские занятия. Женский образ – слабая женщина, которой свойственны мягкость, эмоциональность, самопожертвование ради семьи и детей.

На рубеже 80–90-х годов XX века кризис традиционной гендерной идентичности достиг апогея: бинарная оппозиция разрушилась окончательно, была уже размыта и женская идентичность[2]. Настойчиво пропагандируемые нарциссизм, соперничество, сексуальная одержимость формируют в общественном сознании претенциозные образы мужчин и женщин. «Современный принцип привлекательности разрушает женское самосознание, простирая свое влияние до ядра женской власти, до женской сексуальной потенции… гламурная куколка и рабочая пчелка»[3]. В то же время практически замалчиваются реальные трудности, с которыми сталкиваются женщины, прежде всего в сфере труда и занятости, скрывается и образ самостоятельной, самодостаточной женщины – политика, ученого, предпринимателя. Такое несоответствие, в свою очередь, порождает ряд серьезных проблем, решение которых до сих пор не найдено: крайне незначительный процент женщин в правящих кругах, неравные условия для мужчин и женщин на рынке труда, насилие в семье, высокий процент разводов, возрастающая безответственность родителей за будущее детей и т. д.

Современный человек, таким образом, не может четко сформулировать, в чем же смысл егожизни: новые реалии и законодательные нормы

---

[1] Женственность [Электронный ресурс]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 28.04.2013).

[2] Тулузакова М.В. Социокультурные образцы феминного и маскулинного и проблема гендерного равенства // Вестник ТГЭУ. – 2009. – № 4. – С. 110.

[3] Там же. – С. 113.

позволяют ему сделать собственный выбор независимо от биологического пола, однако общественное мнение все еще не готово принять женщину-бизнесмена или мужчину-домохозяина как норму[1]. В отличие от мужчины женщина ограничена своим полом и потому зависима. Ограничение свободы женщины ее полом можно найти, например, у Н.А. Бердяева, который утверждал: «В поле мужчина значит меньше, чем женщина. Женщина – вся пол. Ее половая жизнь – вся ее жизнь, захватывающая ее целиком, поскольку она женщина, а не человек»[2]. Но свобода выбора жизненной стратегии не означает отказ от гендерной идентичности.

Эмансипированная женщина может представлять собой пародию на мужчину. Этот феномен появился одновременно с началом феминистского движения первой волны. О. Вейнингер одним из первых стал рассуждать о психологической предрасположенности к эмансипации лишь определенной категории женщин, которые имеют мужские характерологические черты и признаки, названные им «злой женственностью». Такой тип женщин, по мнению философа, способен разрушить и уничтожить женственность как социальную ценность[3]. И сейчас есть ряд исследователей, которые придерживаются этой же точки зрения. В частности, согласно утверждению Л.М. Богатовой эмансипация выпустила на волю «джинна» такой разрушительной силы, что теперь культура не в состоянии с ним справиться. В онтологическом разрезе эмансипация представляет собой скорее деструктивный, разрушающий целостность пола процесс[4].

Конкретные мужчины и женщины бывают разными и по физическому облику, и по психическим свойствам, и по интересам и занятиям, а наши нормативные представления о мужественности (маскулинности) и женственности (феминности), хотя и отражают некие реалии, в целом

---

[1] Марговская М.Г. Роль и место гендерных стереотипов в общественном развитии (социально-философский аспект) [Электронный ресурс]. – URL: http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/578-2012-01-17-05-09-28 (дата обращения: 02.09.2012).

[2] Бердяев Н.А. Смысл творчества // Философия свободы. Смысл Творчества. – М.: Правда, 1989. – С. 432.

[3] Вейнингер О. Пол и характер. – М.: Латард, 1997. – С. 68.

[4] Богатова Л.М. Феноменология пола: социально-философский дискурс проблемы: Дис. … д-ра филос. наук. – Казань, 2009. – С. 229.

являются не чем иным, как стереотипами общественного сознания. Конкретные мужчины и женщины обладают разными степенями маскулинности и феминности. Они могут быть более или менее маскулинными, феминными и даже андрогинными, сочетающими в себе мужские и женские свойства. Мы называем какие-то черты или свойства феминными просто потому, что в доступном нам эмпирическом материале их чаще либо сильнее проявляли женщины. Но это может зависеть не от биологии, а от среды и воспитания[1].

Поскольку гендер не природная данность, а социальный конструкт, он предполагает самосознание и самоопределение. «Гендерная идентичность определяет степень, в которой каждый индивид идентифицирует себя в качестве мужчины, женщины или некоего сочетания того и другого. Это внутренняя духовная структура, создаваемая в процессе развития, которая позволяет индивиду организовать образ Я и социально функционировать в соответствии с ее/его воспринимаемым полом и гендером. Гендерная идентичность определяет то, как индивид переживает свой гендер, и способствует чувству индивидуальной тождественности, уникальности и принадлежности»[2]. Она не дается индивиду автоматически, при рождении, а вырабатывается в результате сложного взаимодействия его природных задатков и соответствующей социализации, «типизации» или «кодирования». Активным участником этого процесса является сам субъект, который принимает или отвергает предлагаемые ему роли и модели поведения вплоть до «перекодирования» или «переустановки» гендерной идентичности. Гендерная идентификация означает нормативные предписания и ожидания, которые социальное окружение, культура предъявляют к «правильному» мужскому/женскому поведению и которые служат критерием оценки маскулинности/феминности ребенка или взрослого.

---

[1] Кон И.С. Пол и гендер: Заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. – 2004. – № 1–2. – С. 31.

[2] Там же. – С. 33.

Личность, в свою очередь, самоидентифицируется – осознает собственную принадлежность к определенному полу, что не всегда совпадает с внешней идентификацией, но обязательно влияет на социальное поведение индивида. Взаимодействуя с другими людьми, человек предъявляет им определенный гендерный образ, «изображает» мужчину, женщину или существо неопределенного пола, используя одежду, жесты, манеру речи. Это обозначается такими терминами, как гендерный дисплей, гендерный перформанс. Любое поведение человека, в том числе репродуктивное и сексуальное, так или иначе связано с его гендерным самосознанием и гендерной идентичностью.

Социокультурная адаптация относится к тем процессам, которые содействуют удовлетворению потребности человека в самореализации сущностных сил, взаимообмену с другими людьми культурной деятельностью и ее продуктами. При этом обеспечивается взаимодействие социальных общностей, любых социально организованных субъектов с конкретно-историческим типом многоуровневой социокультурной среды, направленное на взаимное приспособление и взаимное привыкание к условиям и образу жизни взаимодействующих сторон, совместимость друг с другом, взаимопреобразование в соответствии с идеалами, потребностями, усвоенной системой норм и жизненных ценностей на основе обмена духовно-практической деятельностью[1].

На результат социокультурной адаптации каждого гендера оказывают влияние бытующие в культуре гендерные стереотипы, непосредственно отражающиеся на гендерной социализации и адаптации. Так, от женщин ожидают мягкости и компромиссности, которые они переносят и на рабочие отношения; и наоборот, мужчины должны быть авторитарными, бескомпромиссными, стремящимися к соревновательному поведению[2].

---

[1] Коноплева Н.А. Гендерные аспекты социокультурной адаптации творческой личности // Вестник ТОГУ. Сер.: Культурология и педагогика. – 2012. – № 1(24). – С. 305.

[2] Гаджиева Р.Г. Динамика гендерных стереотипов и их влияние на профессиональную самореализацию личности: Дис. … канд. психол. наук. – М., 2000. – С. 31.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что в общественном мнении доминируют представления об идеальном мужчине как об активном (умном, добром, целеустремленном) субъекте социального взаимодействия в публичной и семейной сферах. А образ настоящей женщины связывается с такими личными качествами, которые проявляются в большей степени в семье, чем в публичной сфере жизнедеятельности[1]. Но и от мужчины, и от женщины окружение ожидает проявления таких основных качеств человека, как интеллектуальные способности и доброта.

Излишняя женственность женщин характеризуется высокой тревожностью, низкой самооценкой и низкой социальной адаптацией. В свою очередь, мужчинам сильное маскулинное начало в подростковом возрасте позволяет лучше адаптироваться, а в зрелом возрасте оно коррелирует с высокой тревожностью, высокой степенью невротичности и проблемами в принятии самого себя[2]. «Мужчины и женщины, у которых типичные социально-половые роли выражены сильнее, обладают сниженными интеллектуальными, духовными и творческими способностями»[3]. Вместе с тем понятия «мужское» и «женское» в культуре не являются раз и навсегда достигнутыми.

Ряд авторов (Э. Бадинтер, Д. Гилмор, Р. Коннелл и др.) начинают отмечать феномен феминизации мужчин, исчезновение настоящей мужественности[4]. Привычный гендерный порядок ломают и женщины, социальное положение, деятельность, психика которых сегодня изменяются быстрее и радикальнее, чем мужские.

Полоролевая структура общества основывается, с одной стороны, на традиционных стереотипах гендерного поведения, а с другой – на тенденции к андрогинии – гибкому сочетанию инструментальных и экспрессивных

---

[1] Слезкина Ю.М. Характеристика доминантных моделей маскулинности и фемининности (на примере опроса студентов, обучающихся по специальности «социальная работа» в ТГУ // Вестник ТГУ. Сер.: Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1(17). – С. 90.

[2] Коноплева Н.А. Гендерные основания творческой деятельности и человека творческого в культуре: Автореф. дис. … д-ра культурологии. – Владивосток, 2012. – С. 26–27.

[3] Штейнберг У. Круг внимания. – М., 1998. – С. 140.

[4] Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – С. 8.

качеств в одной и той же личности. Андрогиния рассматривается как характеристика людей, успешно сочетающих в себе традиционно мужские и традиционно женские черты самоидентификации[1]. Это важная социально-психологическая характеристика человека, которая определяет его способность изменять свое поведение в зависимости от ситуации. Мужчины и женщины в равной степени способны быть и честолюбивыми, и преданными, и самостоятельными, и нежными, и напористыми, и чуткими[2].

В связи с тем что большой процент опрошенных мужчин (83 %) и женщин (90 %) совмещают в себе маскулинные и феминные черты, гендерная идентичность творческой личности характеризуется взаимодополнительностью мужских и женских поведенческих ролей. Это способствует таким проявлениям гендерного потенциала, как настойчивость, активность, воля в реализации задуманного и вместе с тем чувствительность, эмоциональность, интуитивность и пр.[3] Поскольку ни женственность (экспрессивность), ни мужественность (инструментальность) не закрепляются жестко и естественным образом за биологическим полом, а образуют континуум в социально-психологическом пространстве от идеально женственной женщины до идеально мужественного мужчины и практически каждая женщина и каждый мужчина содержат в себе некую пропорцию мужественности и женственности, то не только человечество в целом, но и отдельная личность оказывается двуединой и мультиполярной в гендерном смысле.

Развитие теории характеризуется движением философской мысли от женских исследований (о формах порабощения женщин патриархальными институтами власти) через гендерные концепции (о половых различиях как социально-идеологических конструктах) к категории андрогинии

---

[1] Шапарь В.Б., Россоха В.Е., Шапарь О.В. Новейший психологический словарь / Под общ. ред. В.Б. Шапаря. – Ростов н/Д.: Феникс, 2005. – С. 26.

[2] Порядина В.А. Основные детерминанты формирования гендерной идентичности личности [Электронный ресурс]. – URL:http://kds.eparhia.ru/www/script/2_20__2010_-_poryadina..htm (дата обращения: 01.09.2012).

[3] Коноплева Н.А. Гендерные аспекты социокультурной адаптации творческой личности // Вестник ТОГУ. Сер.: Культурология и педагогика. – 2012. – № 1(24). – С. 311.

(становлению личности, сочетающей женственность и мужественность), т. е. экспрессивные и инструментальные средства гендерного потенциала.

Более того, «абсолютная женщина» и «абсолютный мужчина» представляют собой если не опасные для общества крайности, то, по меньшей мере, индивидов, плохо приспособленных к выполнению своих функций в системе социального взаимодействия. Ибо любая социальная роль, исполняемая личностью, не может нормально исполняться без определенного сочетания властности и заботливости, агрессивности, напористости и сопереживания, соучастия. Мать в общении с детьми вынуждена сочетать экспрессивность и инструментальность, нежность и требовательность. Женщина-предприниматель по роду своей деятельности должна проявлять такие мужские качества, как активность и властность, а в домашней обстановке от нее ожидают имманентных личных качеств любящей супруги и заботливой матери.

Как отмечает Е.В. Басистая-Прокопова, «приватный уровень, а именно субъект-субъективный, несет в себе основной гендерный потенциал. Практическая деятельность индивида, обусловленная его ценностями, ориентациями, нормами и взглядами на жизнь и социальное взаимодействие и его предпринимательским статусом направлена на реструктуризацию социального устройства российского общества в целом и его гендерного порядка в частности. Гендерный потенциал малого бизнеса налицо: в предпринимательстве во многом заложены и проявляются механизмы выравнивания возможностей индивида, поскольку он является сам себе хозяином и должен соотносить свои действия с другим индивидом, также уважающим в себе хозяина, независимо от его пола. Гендерный потенциал, заложенный в слое малого предпринимательства, также велик, реализация которого в будущем во многом способна изменить гендерный порядок российского социума в сторону выравнивания гендерных возможностей индивидов. Необходимо заметить, что реализация предпринимательского

потенциала у женщин происходит в традиционно женской сфере экономики – торговле»[1].

Лишь на первый взгляд мужественность и женственность кажутся антиподами, а с философской точки зрения эти качества – проявление гендерных особенностей в общечеловеческом бытии индивида.

Общественное мнение одобряет гармоничное сочетание экспрессивных и инструментальных качеств в одной личности, но не превалирование женственности в мужчине (таких мужчин с негативным оттенком в характеристике поведения именуют женоподобными) и мужественности в женщине (женщин, не соответствующих своей самопрезентации пола, презрительно называют мужеподобными). И те и другие не вызывают симпатии у окружающих, что создает некоторые затруднения в коммуникации, требующей учета особенностей социального поведения мужчин и женщин, мужской и женской психологии. Поэтому коммуникация имеет своей предпосылкой гендерную идентификацию, хотя и «не существует жесткой корреляции и однозначной зависимости между такими компонентами психологической структуры личности, как воля, память, эмоции, чувства, темперамент, интеллект, и дифференциацией по признаку пола»[2].

Выводы. Социальная модель женщины и/или мужчины, женственности и/или мужественности создается (конструируется) обществом, определяя их положение, роль в обществе и его институтах. Женственность, как и мужественность, – это не биологические феномены, а культурно-специфические убеждения индивида, которые организуют его социальную практику тем или иным образом[3]. Можно предположить, что индивидуалистическая культура постмодерна поколеблет границы между ними.

---

[1] Басистая-Прокопова Е.В. Гендерный потенциал малого предпринимательства // Предпринимательство: Журнал-книга. – 2009. – № 7. – С. 7–11.

[2] Богатова Л.М. Феноменология пола: социально-философский дискурс: Дис. … д-ра филос. наук. – Казань, 2009. – С. 160.

[3] Кардапольцева В.Н. Женственность как социокультурный конструкт // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2005. – № 1(8). – С. 62.

Индивид независимо от пола по мере общественного развития получает возможность выбора занятий. В советский период в общественном мнении культивировался образ женщины, самоотверженная работа которой, включая сугубо мужские профессии, служит доказательством ее безграничного трудового потенциала, а творчество направлялось на эмоциональное подкрепление этой идеологии[1].

«Концепция женственности постоянно видоизменяется и пересматривается по мере того, как женщины все более активно берут на себя функцию определения собственной судьбы и ищут новые возможности для самовыражения как в традиционных, так и в нетрадиционных формах»[2].

Постсоветское время рождает новую женственность, связанную с самореализацией личности в приватной и публичной сферах общества, с активной жизненной позиций. Как подчеркивает Дж. Батлер, «если утверждение Симоны де Бовуар о том, что женщиной не рождаются, а становятся, соответствует истине, то отсюда следует, что само понятие „женщина" оказывается процессуальным становлением, о котором нельзя с точностью сказать, где оно берет начало и где заканчивается»[3].

Уже сегодня доля женщин, готовых при более благоприятных социальных условиях занять лидирующие позиции в науке, образовании, культуре, экономике, гораздо превышает уровень их фактического участия в управлении обществом. Так, опрос, проведенный Т.Н. Мартыновой, в котором 2/3 участников составляли женщины – преподаватели вуза, показал: более половины респондентов считают, что женщины не менее, чем мужчины, способны к управленческой деятельности. По целому ряду качеств женщины превосходят мужчин (по степени ответственности, дисциплинированности и коммуникабельности)[4].

---

[1] Кардапольцева В.Н. Женственность как социокультурный конструкт // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2005. – № 1(8). – С. 63.

[2] Лоусон Т., Гэррод Д. Социология. А-Я: Словарь-справочник. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – С. 37.

[3] Джудит Батлер. Антология гендерных исследований / Сост. и коммент. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 338.

[4] Мартынова Т.Н. Гендерные проблемы высшего образования // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 1. – С. 29.

2.2. Перспективы изменений в гендерном потенциале

Гендерный потенциал – это обобщенное понятие совокупности реальных, но еще недостаточно осуществляемых возможностей женщин и мужчин в развитии своих общечеловеческих и специфических способностей в самовыражении, самоутверждении в тех сферах жизнедеятельности, которые наиболее соответствуют личным интересам, умениям, наклонностям, что одновременно создает неисчерпаемый ресурс для удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей. Существенным препятствием на пути к актуализации гендерного потенциала личности является гендерная асимметрия, которая выражается в разделении и несправедливой оценке труда по половому признаку в семье и обществе.

Основное положение теории личности в социальной философии заключается в том, что индивид усваивает культурные образцы своего окружения, его нормы и ценности, представления и стереотипы в процессе социализации, которая продолжается в течение всей жизни. Содержание процесса социализации – процесс становления личности, который начинается с первых минут жизни человека, протекает в трех сферах – деятельности, общения, самосознания – и может быть понят только как единство изменений этих трех сфер. Гендерная идентичность не может сформироваться у человека без активного взаимодействия с социальной средой, без межличностного общения.

Выделяют первичную и вторичную социализацию: первичная – соответствует периоду становления ребенка, вторичная – связана с саморазвитием взрослого. В отличие от социализации ребенка, ориентированной, прежде всего, вовне – на интериоризацию опыта других, социализация взрослого – это, главным образом, самопознание и самовоспитание.

Гендерная асимметрия закладывается в сознании с раннего детства и затем закрепляется в течение всей жизни индивида системой гендерной

социализации. Гендерное неравенство коренится в представлении, что два пола естественно различны, и сохраняется благодаря процессу гендерной социализации, который означает освоение людьми социально-половых ролей. В этом процессе участвует сам человек, идентифицируя себя с мальчиками (мужчинами) или девочками (женщинами).

Важными институтами, участвующими в гендерной социализации, являются:

– семья (девочка следует примеру матери, получает представления о «женских» обязанностях по обслуживанию членов семьи, о нормах девичьего поведения, а мальчик соответственно следует примеру отца, выполняет «мужские» обязанности, получает представление о нормах дозволенного мужчинам);

– школа (педагоги, учебники, воспроизводящие гендерно традиционные установки, разные программы для девочек и мальчиков);

– различные учреждения (например, магазин, предлагающий разную одежду, принадлежности, игрушки для девочек и мальчиков);

– СМИ (воспроизведение гендерно-традиционных ролей, образов, прежде всего в трансформируемых произведениях искусства).

Очень сильными агентами гендерной социализации являются язык и искусство, местные традиции. Под влиянием институтов семьи, образования, экономики, культуры, средств коммуникации мужчина и женщина социализируются как антагонистически различные, что становится основой для гендерного разделения труда – главного фактора социальной дифференциации полов. Именно выполняя разную работу, мужчина и женщина окончательно становятся гендерно полярными – социально и экономически. В результате гендерного распределения труда, а не сексуального различия возникает противоположность и дополнительность между полами. Эти различия, в свою очередь, создают основу для брака, в котором задачи женщин и мужчин также являются противоположными и дополняющими. В большинстве обществ женщинам в связи с их

биологическими особенностями вменяются в обязанность уход и воспитание детей, мужчины же концентрируются на зарабатывании денег, на внесемейной экономической и политической деятельности.

Взрослые решают, что дети должны выучить, а также устанавливают режимы поощрения и наказания с целью привития им тех навыков, привычек и ценностей, которые должны, по предположению субъектов воспитания, соответствовать социальным статусам и ролям мужчин и женщин.

В этих условиях принципиально важной становится открытость дискурсов в сфере гендерных отношений, где одновременно продолжает действовать структурный подход в марксистском или функционалистском понимании. Представляется, что весьма перспективной является объединительная методология, которая может быть названа структурно-конструктивистским изучением гендера. Речь идет о концептах гендерной композиции и гендерного конструирования. В первом особое внимание обращается на структурный характер гендерных взаимосвязей и отношений, а во втором речь идет, прежде всего, о динамике, возникновении, изменении гендера в ходе социальных взаимодействий.

Основными способами гендерной социализации выступают:

1) имитация детьми поведения взрослых – подражание родителю (родственнику), наиболее значимому для ребенка. Действие данного механизма прослеживается в играх дошкольников: по тому, как ребенок строит отношения в ролевых играх, можно достоверно судить о том, что он видит в семье;

2) полоролевая идентификация, сущность которой заключается в отождествлении ребенком себя с представителями определенного пола, в ориентации на идеал полоролевого поведения, отвечающей системе представлений ребенка о наиболее положительных чертах конкретного представителя данного пола (чаще всего матери или отца);

3) механизм социальной оценки ближайшим окружением желаемого поведения подрастающего ребенка: он получает положительную (поощрение,

похвала, согласие с его действиями) или отрицательную (наказание, упрек, угроза) оценку, если поступает в согласии или несогласии с представлениями окружающих[1].

Общественное влияние через научение и подкрепление со стороны общества путем неодобрения им того или иного поведения иногда называют прямой социализацией, тогда как обучение детей посредством их собственных наблюдений и имитации порой относят к косвенной социализации, или самосоциализации.

К 60–70-м годам XIX века накопилось достаточно исследований, обративших внимание на то, что прямая социализация сама по себе не могла адекватно объяснить приобретение детьми характеристик того или иного полового типа. Затем исследовательский фокус все более и более смещался к косвенной социализации. Ученых занимал вопрос о том, начинали ли дети социализировать себя сами (путем подражания моделям одного с ними пола) с момента установления их гендерной идентичности и осознавали ли они природу социальных ожиданий, применяемых к лицам одного с ними пола[2].

Наиболее устойчивым фактором социализации является семья. Однако и здесь происходят существенные изменения, влияющие на характер гендерной идентификации подрастающего поколения. Именно через семью человек ощущает причастность к своему народу, полу, осознает сущность и неразрывность исторической судьбы поколений. Сегодня, как никогда, в обществе осознается социальная ценность семьи, ее определяющая роль в воспитании, формировании и развитии личности. Однако ученые все чаще констатируют, что семья как общественный институт в нынешних условиях переживает глубокие трансформации.

По оценкам ученых общество постепенно движется к так называемому второму демографическому переходу, свойственному в настоящее время

---

[1] Порядина В.А. Гендерные различия в структуре социального интеллекта студенческой молодежи: Дис. … канд. психол. наук. – Ярославль, 2007. – С. 68–69.

[2] Элеанор Э. Маккоби. Два пола. Растем порознь, живем вместе. – С. 8 [Электронный ресурс]. – URL: http://http://read.newlibrary.ru/read/makkobi_yeleanor/page1/dva_pola__rastem__porozn__zhivem_vmeste.html (дата обращения: 04.10.2012).

экономически развитым странам, для которого характерно не только снижение уровня рождаемости, но и повышение среднего возраста супругов при заключении брака и рождении первого ребенка, увеличение количества семей с одним родителем, а также все меньшая зависимость женщины от мужчины и брака. Объяснение подобных трансформаций чаще всего сводится к принципиальным изменениям социально-экономического статуса женщин в этих странах в течение второй половины XX века, в результате чего получили развитие две взаимозависимые тенденции: 1) достижение реального гендерного равенства в обществе; 2) нацеленность социальной политики государства на обеспечение непосредственного доступа женщин к рыночному доходу и социальному страхованию.

Речь идет о переходе в середине XX века от системы распределения доходов женщин через институт брака (модель семьи в составе мужчины-кормильца и иждивенцев: жены – домохозяйки, получающей доход и социальные выплаты через работающего мужа, и детей) к распределению доходов путем непосредственного участия женщин в общественно-экономическом процессе[1].

В современную эпоху патриархальная, наиболее архаичная, форма семейной «зависимости жены от мужа и детей от родителей» сменяется детоцентристской (современной) семьей с характерным повышенным вниманием к разнообразным аспектам частной жизни вообще и эмоциональной составляющей, связанной с родительством в частности. Наконец, итоговым вариантом становится супружеский (постсовременный) тип моногамии, в основе которого лежит «симметричность прав и ответственности обоих супругов». Суть развития семьи, таким образом, заключается в следующем движении форм: «На суживающемся фоне патриархальной и отчасти детоцентристской семьи набирает силу супружеский тип...»[2]. Супруги, по замечанию английского социолога Э.

---

[1] Амджадин Л. Трансформационные изменения института семьи и брачных отношений в украинском обществе: гендерный анализ // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2007. – № 3. – С.61–63.

[2] Голод С. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. – Л., 1984. – С. 96.

Гидденса, стали рассматриваться как сотрудники в совместном эмоциональном предприятии, и это приобрело даже более важное значение, чем их обязательства по отношению к детям. «Дом» стал местом, где агент может получить эмоциональную поддержку по контрасту с инструментальным характером рабочей среды[1].

Представленный тип семьи получил название супружеского. В этой семье стратегические отношения определяются не родством (как в патриархальной), а свойством. Муж и жена отказываются безоговорочно подчинять собственные интересы интересам детей; сексуальность не сводится к прокреации; супружеские отношения пронизывает эротизм, позиционируемый как важный элемент постмодернистской семьи.

В эпоху перехода к культуре постмодерна трансформируются модели брака и семьи, меняется календарь брачности и рождаемости. Процессы индивидуализации общества вынуждают личность самостоятельно формировать и использовать свой человеческий капитал. Развитие семьи с точки зрения изменения семейных ценностей и устройства внутрисемейных отношений отражает постепенный переход от традиционной (патриархальной) модели с четко выраженной половозрастной субординацией к детоцентристской (переходной) семье, для которой характерны возвышение ценностей частной жизни, эмоциональных отношений, гипертрофированная ценность детей, а затем к супружеской семье, которая описывается как «личностное взаимодействие мужа и жены, регулируемое моральными принципами и поддерживаемое имманентными ему ценностями». Исходя из перечисленных типов семей выделяют соответствующие им типы гендерных отношений: авторитарные (с регламентированным распределением ролей и главенством мужа) и эгалитарные (основанные на равноправии)[2].

---

[1] Антонов А., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможностях противодействия упадку семьи и депопуляции. – М.: Грааль, 2000. – С. 126.

[2] Голод С.И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Соц.-полит. журн. – 1995. – № 6. – С. 76.

Значимую роль в гендерной социализации индивида играют в частности тот микроклимат, та эмоциональная атмосфера, которые царят в семье. Ее состав, структура, порядок рождения детей, профессии родителей, характер супружеских, родительско-детских и детско-детских отношений, тип воспитания – все это создает предпосылки для формирования гендера ребенка.

Гендерные отношения в современной российской семье находятся в состоянии трансформации. Наряду с советской моделью контракта «работающей матери», формируется новый тип семьи – бикарьерная семья, в которой работают оба супруга, претендующие на профессиональный рост и самоутверждение в публичной сфере. В такой семье снижается уровень мужского доминирования, в меньшей степени присутствует экономическая зависимость женщины, вопросы распределения обязанностей и ответственности решаются на основе договоренностей[1].

В России сегодня около 40 % матерей оказываются перед дилеммой: ребенок или работа. Целый пласт вполне трудоспособного населения в лице молодых матерей просто выпадает из экономической жизни страны. Дефицит детских садов является причиной отказа многих женщин, родивших ребенка, от работы либо перехода на низкооплачиваемые рабочие места в сфере неквалифицированного труда, которые при значительной потере в заработке предоставляют гибкий график занятости, большее количество свободного времени. Сложившаяся ситуация загоняет молодых и потенциальных мам в развилку жестокого и искусственно сконструированного выбора: ребенок или профессиональное развитие[2]. «Многие проблемы современных развитых стран – высокий процент разводов, отсутствие родительского авторитета, отчуждение детей и т. д. – возникают именно из того факта, что отношение семьи к своим членам строится на строго либеральной почве»[3].

---

[1] Задворнова Ю.С. Тенденции трансформации гендерных отношений в семье в исследованиях отечественных социологов // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 04(61). – С. 96.

[2] Исупова О.И. Материнский капитал и российские семьи [Электронный ресурс]. – URL: http://demoscope.ru/weekly/2010/0443/gender03.php (дата обращения: 10.12.2012).

[3] Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. – М., 2000. – С. 282.

Принципиально те же тенденции, но в более конкретном виде подметил и немецкий социолог У. Бек: «Если в 50-е и 60-е годы на вопрос: „Какую цель Вы преследуете в жизни?” – люди четко и ясно отвечали в категориях „счастливой семейной жизни”: построить собственный домик, купить автомобиль, дать детям хорошее образование, ток началу 90-х годов многие заговорили на другом языке – по необходимости неопределенном – о „самоосуществлении”, „поисках идентичности”, „развитии личных способностей”»[1].

Так, на вопрос «Хотите ли Вы выйти замуж?» получены следующие ответы: 45,6 % – «считают, что кольцо на пальце не имеет значения»; 40 % – «предпочитают карьеру ЗАГСу»; 14 % – «ждут первого шага от партнера»; 0,4 % – «считают замужество главной целью жизни»[2]. Замужество как жизненная цель имеет значение для минимального числа российских молодых женщин начала XXI века. (В этом смысле они ни в чем не отличаются от молодых европеек.)

Наличие старших братьев (брата) может влиять на маскулинную идентификацию, как мальчика, так и девочки. В гендерной социализации личности велика роль сверстников. Самый главный этап, на котором проявляется их влияние, начинается в 8–12 лет, когда образуются мальчишеские компании. Данный процесс, получивший название мужского протеста, характеризуется ярким негативизмом по отношению к девочкам и формированием мужского, грубоватого и резкого стиля общения. К подростковому возрасту этот стиль немного смягчается. Большое значение в гендерной идентификации мальчика-подростка имеет мнение о нем девочек-подростков[3]. На формирование гендерной идентичности ребенка существенное влияние оказывает родительское отношение. По убеждению

---

[1] Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек / Пер. с англ. М.Б. Левина. – М.: Ермак, 2005. – С. 484–485.

[2] Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социс. – 2008. – № 1. – С. 44 [Электронный ресурс]. – URL: http://socioline.ru/files/golod.pdf (дата обращения: 10.12.2012).

[3] Порядина В.А. Основные детерминанты формирования гендерной идентичности личности. – 2010 [Электронный ресурс]. – URL: http://kds.eparhia.ru/www/script/2_20__2010_-_poryadina..htm (дата обращения: 10.09.2012).

А.И. Антонова, «новая демографическая ситуация превращает родительство в главную „профессию” страны»[1].

При этом гендер ребенка на момент его рождения является номинативным, далее в процессе социализации формируются как половая, так и гендерная идентичность. Л.К. Емельянова в результате многолетних исследований делает вывод о том, что девочки в процессе гендерной идентификации стараются выработать у себя те качества, которые более всего ценят в матери (заботливость, нежность, честность и пр.). Мальчики стремятся подражать отцам в профессионализме, устремленности, ответственности[2].

Таким образом, первичная идентификация у мальчика проходит с матерью, да и подчиненное положение ребенка приводит к формированию женских качеств: зависимости, пассивности и т. д. Следовательно, в дальнейшем развитии мальчик должен изменить свою первичную феминную идентификацию на маскулинную, что достаточно сложно, так как большинство людей в его окружении – женщины (мать, бабушка, воспитатели, учителя). Таким образом, о мужской роли у мальчика меньше знаний, чем о женской. Это приводит к тому, что он вынужден строить свою полоролевую идентичность исходя из негатива: быть не похожим на девочку, не делать женские дела и т. д. Взрослые не столько поощряют мужское поведение, сколько порицают немужское.

Важным аспектом гендерного воспитания в настоящее время в семье и школе становится андрогиния – умение гибко управлять своими феминнымии маскулинными паттернами поведения, которые укоренились в сознании в процессе социализации и социальной адаптации во взрослой жизни. Андрогинная гендерная идентичность формируется под воздействием специфического воспитания и благодаря особой позиции родителей, которые

---

[1] Антонов А.И. Кризис семьи и депопуляция в России («круглый стол») // Социология исследования. – 1999. – № 11. – С. 57.

[2] Емельянова Л.К. Влияние семьи на воспитание подростка // Воспитание молодежи в развитом социалистическом обществе. – М., 1973. – С. 57–63.

поощряют усвоение ребенком моделей поведения, характерных для обоих полов. Андрогинная гендерная идентичность вырабатывается у детей в том случае, если такое поведение моделируется у них на глазах и принимается другими людьми.

Важнейшими факторами гендерной социализации в семье являются личностные и гендерные характеристики родителей, в том числе их идентичность и ролевые модели, пол ребенка и представления родителей о том, каким должен быть ребенок данного пола. В период первичной социализации непосредственное влияние на формирование гендерной идентичности помимо семьи также оказывают группы сверстников, школа, «значимые другие» (ими могут выступать как реальные люди, так и некие «идеальные модели», кумиры кино и книжные герои, на которых стремится быть похожим ребенок), средства массовой информации[1].

Разрушение гендерных стереотипов, размытость резкой дихотомии «мужское/женское» ведет к разрушению традиционной межпоколенческой трансмиссии и делегитимизации традиционных стереотипов гендерного поведения. Важную роль здесь играют основные агенты и институты социализации, такие как система образования, СМИ, рынок труда и др. Отсюда гендерные стереотипы, возникающие у подростков в родительской семье, на основе которой создается образ будущей идеальной семьи с соответствующим распределением гендерных ролей, оказывается подвержен серьезным изменениям в результате воздействия и внешних обстоятельств, и динамики глубинных ценностных ориентаций[2].

Образование женщины играет противоречивую роль в гендерной идентификации: с одной стороны, оно нацеливает женщину на успех в публичной сфере и карьеру, а с другой – оказывается в тени важнейшее призвание женщины – репродуктивная функция, социально-культурное

---

[1] Малахова Н.Б. Гендерные технологии как средство формирования гендерной идентичности в современных условиях [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mami.ru/science/autotr2009/methodical/articles/m04/m04_17.pdf (дата обращения: 23.12.12).

[2] Науменко М.В. Социокультурные факторы гендерной социализации подростков в транзитивном обществе // Гуманитарные и социальные науки. Психология. – 2010. – № 6. – С. 263–264.

воспроизводство населения, которое требует от женщины не меньше таланта, образования и духовных качеств, чем деятельность в публичной сфере. Поэтому следует принять во внимание решительную позицию Л. Богатовой: «Уникальность современного фазиса культуры заключается в значительном расширении „жизненного пространства" женщины, предоставлении ей реальных возможностей для полнейшей социальной самореализации в сфере не только семейно-брачных, но и профессиональных отношений»[1].

Современная женщина не может и не должна быть ограничена в своих образовательных запросах и потребностях, находиться вне непрерывно прогрессирующих науки и просвещения. Сложность и глубина проблемы в том и состоит, что образовательные парадигмы, взятые на вооружение в настоящее время, необходимо существенно скорректировать и выстраивать таким образом, чтобы процесс образования не искажал и не деформировал природу феминности, а способствовал ее укоренению, развитию, раскрытию и реализации в подлинных формах[2].

Гендерное равенство в образовании – одно из важнейших условий реализации прав человека и прав женщин. Образование является не только личным благом каждого человека, но и непременным условием общественного развития. Если в обществе отсутствуют возможности для интеллектуального развития его граждан, то оно не может эффективно развиваться и обречено на деградацию. Поэтому государство как выразитель общественных интересов обязано обеспечить правовые, институциональные и материальные гарантии на получение достойного уровня образования всем гражданам независимо от пола, социального положения, места жительства и других различий.

Важнейшим фактором создания реальных условий для свободного выбора между публичной и приватной сферами, или сочетание разных видов жизнедеятельности становится, с одной стороны, гендерное образование и

---

[1] Богатова Л. Фактор феминизации гендерного пространства культуры // Высшее образование в России. – 2008. – № 6. – С. 142.

[2] Там же. – С. 146.

воспитание, включающее взвешенное представление о смысле, социальных и личностных ценностях самореализации человека в обеих сферах, а с другой – повышение престижности домашнего труда и воспитания детей посредством материального и морального поощрения родителей за достижение успехов в воспитании детей.

Однако на данный момент социально-демографическая политика государства даже в отношении поощрения рождаемости неэффективна. Это свидетельствует о том, что с идеей материнского капитала, вероятно, изначально не все благополучно: слишком много ограничений и соответственно прямой стимулирующий рождение эффект тоже ограниченный. Причем ограничения не, только чисто экономические, но и в некотором смысле символические: государство не дает людям свободу распоряжаться этими деньгами, потому что не доверяет своим гражданам. Вырисовывается занятная картина – родители и государство выступают как производитель товара и покупатель на рынке, более того, продавец не очень хочет производить свой товар, а покупатель не очень хочет платить. Но покупатель хочет сам товар, а продавцу нужны деньги. Получается такая вынужденная сделка, где каждый не слишком много выгадывает, поскольку доверия и «атмосферы сотрудничества» между ее участниками нет[1].

Фактически в системе образования сложились два альтернативных подхода: большинство педагогов игнорируют необходимость учета гендерных особенностей формирования социокультурного потенциала, а сторонники полоролевого подхода абсолютизируют биологический фактор и ориентируют мальчиков и девочек на разные жизненные стратегии исходя из стереотипов закрепления за женщинами приватной сферы и исполнительского труда в публичной сфере, а за мужчинами творческой и руководящей деятельности.

[1] Исупова О. Материнский капитал и российские семьи // Демоскоп Weekly. – № 443–444, 15–28 ноября 2010 [Электронный ресурс]. – URL: http://demoscope.ru/weekly/2010/0443/gender03.php (дата обращения: 4.10.2012).

При планировании профильного обучения в старших классах, как показывают исследования, юношей ориентируют на занятия информационными технологиями, менеджментом и другими видами деятельности, предполагающими в будущем карьерный рост, высокую оплату труда. Для девушек организуется обучение технологиям, связанным с социальным обслуживанием и вспомогательными функциями (секретарское дело, уход за детьми, престарелыми и больными). Через тексты и иллюстрации, размещенные в учебниках и учебных пособиях, мальчики и девочки усваивают асимметричную стереотипную информацию о вкладе женщин и мужчин в развитие цивилизации, человеческой истории и культуры, о «месте женщин и мужчин в обществе»[1].

По мнению феминистских исследовательниц, на патриархальной школе лежит ответственность за проведение идей о творческой ограниченности женщин, формирование комплексов профессиональной несостоятельности, боязни успеха и социальной депривированности у девушек-студенток. Именно в школе происходит институализация «воспроизводящего инстинкта» женщины через эксплуатацию политически ангажированных мифов о материнстве как основе общественного статуса женщины. Впоследствии это делает возможным культурную обструкцию женщин, выбравших профессиональную карьеру либо по различным причинам не имеющих детей, как якобы неполноценных или не исполнивших свой долг. В традиционной школе принципы гендерной эквиваленции, развития женской субъективности и идентичности вынесены на периферию, лишены целостного наполнения и не учитываются при составлении учебных планов, методик и программ.

Гендерная проблематика в образовании возникла как следствие утверждения гуманистической парадигмы в педагогике, осознания важности сохранения интеллектуального потенциала общества и понимания роли

[1] Штылёва Л.В. Сущность полоролевого подхода в образовании // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 2, № 2 (Психолого-педагогические науки). – С. 261.

личностных аспектов в развитии способностей. Обучение в вузе практически ориентировано на бесполое существо, на студента вообще, что формирует явно упрощенный тип сознания личности и юношей, и девушек, поскольку маскулинный характер обучения через принятые стереотипы, готовые общественные модели поведения, определенные культурные нормы блокирует выход сознания на новый уровень, открывающий неограниченные возможности в самореализации человека независимо от пола. Равенство стартовых позиций мужчин и женщин после окончания вуза не обеспечивает одинаковой профессиональной карьеры, которую мужчины делают быстрее, поскольку традиционно менее зависимы от семейных забот, особенно в городах. Поэтому во многих вузах России стали практиковать спецкурс «Основы гендерной педагогики», чтобы познакомить студентов с проблематикой гендерных исследований, способствовать осознанию обучающимися существа гендерных проблем, развитию гендерного сознания, свободного от полоролевых стереотипов, которые затрудняют личностную и профессиональную самореализацию.

Освоение и принятие преподавателями вуза гендерной идеологии способствует освобождению профессионального видения от полоролевых стереотипов, помогает концентрировать внимание на реальных задатках и способностях студентов независимо от пола, позволяет приблизить профессиональное обучение к разнообразным жизненным ситуациям[1].

Личностно ориентированное образование – это принципиально новое направление. Оно основано на методологии гуманитарной педагогики, которая оперирует понятиями «ценность», «смысл», «субъектность», «авторство», «уникальность», «диалог», «игра», «контекст», «понимание»[2]. Личностно ориентированное образование характеризуется более широким взглядом на образование, которое определяется «как становление человека,

---

[1] Мартынова Т.Н. Гендерные проблемы высшего образования // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 1. – С. 30.

[2] Якиманская И.С. Личностно ориентированное обучение в современной школе. – М.: Сентябрь, 1996. – С. 9.

обретение им себя, своего человеческого образа, неповторимой индивидуальности, духовности, творческого потенциала»[1]. В личностно ориентированном образовании предполагается целостное рассмотрение личности в деятельности, обеспечивается развитие и саморазвитие учащегося на основе выявления его индивидуальных особенностей как субъекта познания и предметной деятельности; главным признается становление гуманистически направленной структуры ценностных ориентаций, определяющих духовный мир личности; процесс овладения знаниями должен осуществляться в атмосфере интеллектуальных, нравственных и эстетических переживаний[2].

В гендерно ориентированном образовании речь уже должна идти не столько о равенстве, сколько о сохранении и развитии женственности и мужественности, о ценности женских и мужских качеств для совершенствования общества, о нежности, любви, способности соучаствовать, сопереживать, об экспрессивной функции женского и инструментальной функции мужского рода в гуманизации межличностных и социальных отношений в эпоху разгула индивидуализма и технократизма.

Гендерная ситуация в обществе, определяемая системой устоявшихся практик, общепризнанных ценностей, существующих санкций за их нарушение, в действительности является изменчивой и напрямую связанной с кризисом идентичности современного человека. Так называемые гендерные контракты тоже претерпевают изменения, встречающие неоднозначную реакцию в обыденной жизни. Хаотизация и аномийность повседневной жизни индивида в кризисном обществе провоцируют его на нестандартное, неодобряемое сторонниками традиционных отношений поведение. У окружающих данный маргинал вызывает недоумение, сочувствие и в лучшем случае понимание того, что его нестандартное поведение является

---

[1] Цит. по: Головнева Е.В., Половцев Р.А., Сергиенко И.В.Ценностные аспекты формирования нового потенциала системы образования в современном обществе // Вестник ВЭГУ. – Уфа, 2012. – № 4(60). – С. 29.

[2] Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. – Ростов н/Д.: Изд-во Рост. пед. ун-та, 2000. – С. 3.

вынужденным в силу определенных обстоятельств. Наглядным примером может служить положение отца-одиночки или отца, который ради карьеры матери превращается в своеобразную домохозяйку. Возникновение подобных ситуаций приводит к размыванию традиционных жестких представлений о гендерных ролях родителей, их взаимосвязи, характере семейных отношений, что тесно связано с гендерной социализацией подрастающего поколения.

Как утверждают психологи, отцы играют более заметную роль в маскулинизации сыновей и феминизации дочерей, чем матери. «В любом случае отцы явно чувствуют сильные узы к обоим – и сыну и дочери, узы любви и узы родства основаны на необходимости обучать, защищать и заботиться. Такие вещи мало зависят от пола ребенка, оба родителя во многом одинаково обращаются с ними». Домашняя социализация, возможно, играет лишь незначительную роль в гендерной сегрегации[1].

Одним из основных для современного подростка факторов социализации является влияние Интернета. Изучение гендерных особенностей подростков в виртуальном мире носит весьма перспективный характер. О.В. Гавриченко и Т.В. Смолякова исследовали гендерную самопрезентацию подростков в виртуальном мире и способы ее отражения в блогах и интернет-дневниках. Для подростков обоих полов характерно наиболее широкое использование для самопрезентации аудиофайлов. Девочки значительно чаще размещают анкеты для знакомств в своих блогах и дневниках, оставляют номера телефонов для дальнейшего общения. Мальчики создают более разнообразные рубрикации своих дневников. Их отличает интерес к содержательной стороне различных феноменов социальной жизни.

На гендерную идентификацию косвенным образом влияют средства массовой информации, предлагающие модели идеальных мужчин и

---

[1] Элеанор Э. Маккоби. Два пола. Растем порознь, живем вместе [Электронный ресурс]. – URL: http://http://read.newlibrary.ru/read/makkobi_yeleanor/page1/dva_pola__rastem__porozn__zhivem_vmeste.html (дата обращения: 04.10.2012).

идеальных женщин. Ребенок может выстраивать свой гендер, полагаясь на поведение, демонстрируемое с экрана телевизора, или на образы, описываемые в глянцевых журналах. И у мальчиков, и у девочек существуют свои кумиры, на которых они стремятся быть похожими не только поведением, но и костюмом, прической, манерами.

Подростковая беллетристика оказывает влияние на формирование и закрепление гендерной идеологии, способов сексуального самовыражения и сексуальной власти. Для девочек подобная идеология связана с конструированием подростковой женственности, привлекательности, желательности женского пассивного поведения и важности этих качеств для привлечения мужчин. Интересы мальчиков-подростков несколько другие: приключения, хобби, «мягкое» порно типа «Плейбоя», «Максима». Мальчики могут стремиться к поддержанию более широкого круга тем, которые не обязательно будут замыкаться на их сексуальной привлекательности, поскольку мужественность в понимании мальчиков – это активность, проявляющаяся не только в сексуальной сфере.

Значимыми ролевыми моделями для подростков обоих полов являются поп-звезды. Если провести анализ статей, написанных в упомянутых журналах мужчинами и женщинами, то мы обнаружим соответствующие гендерные различия. В мужских статьях текст излагается, как правило, более прямо, четко, постулируется единственное мнение, которое, кажется, и не требует особых доказательств. Мысль выражается стилистически сложными грамматическими конструкциями, опирается на представленные как несомненные знания вроде «общего мнения» или «фундаментального социологического опроса». Женщина представлена в этих материалах с легкой иронией.

Статьи, написанные женщинами, более индивидуальны и эмоциональны, поэтому общие черты выявить сложнее. Они содержат множество эмоциональных художественных образов, языковых парадоксов и недосказанностей, характеризующих «загадочность женской души».

Женские статьи в глянцевых журналах, как правило, включают семь-восемь восклицательных предложений и около десяти вопросительных. У мужчин всего одна-две такие фразы. Мужчины представлены в женском восприятии как недогадливые, «недогоняющие», эмоционально более простые существа, к которым тем не менее женщины испытывают сердечную привязанность[1].

Важной целью образования является воспитание личного достоинства посредством упражнений по самопрезентации, включаемых в структуру занятия. Вместе с тем формирование самоуважения может начинаться с мелочей, которые кажутся незначительными, но к которым чувствительно подсознание. Например, в англоязычной культуре местоимение «я» всегда пишется с большой буквы. Поэтому важным практическим аспектом деконструкции гендерных стереотипов является научение девушек-студенток выражать себя не через другого мужчину, мужа, отца, возлюбленного, дружескую компанию, авторитет преподавателя или начальника, а через конструирование собственной индивидуальности. Эта ситуация может оказаться важной и для юношей: утверждение и отстаивание позиции, не канонизированной авторитетом большинства. Если идеалом патриархального общества является социальный Успех, покоящийся на «трех китах» – Деньги, Сила, Власть, синонимами которых могут выступать Сексуальность, Агрессия, Научное признание, Духовный сан и т. д., то феминизм вводит в публичный обиход ценности иного порядка – Здоровье, Любовь, Семья, Наслаждение, Ответственность, развивающие идеи мультикультурализма, мирного сосуществования разнокачественных этносов и идеалов: традиционных маскулинных и альтернативных эгалитарных.

В конечном итоге это должно способствовать выработке у студентов более толерантного и гуманного отношения к позиции Другого, реализуемого ими в жизненном и семейном сценарии. Для того чтобы понять карты реальности других людей, надо научиться смотреть на мир их глазами,

---

[1] Науменко М.В. Социокультурные факторы гендерной социализации подростков в транзитивном обществе // Гуманитарные и социальные науки. Психология. – 2010. – № 6. – С. 269–270.

а умение понимать людей другого пола, класса или расы делает шире выбор социальных ролей. Рефрейминг означает расширение рамок контекстуальности и включение в свою внутреннюю реальность иноязычных моделей восприятия мира[1].

Таким образом, в образовании гендер позиционируется не как борьба с дискриминацией, а как стратегия гражданского общества по созданию гендерного потенциала. Гендерно ориентированное образование включает совокупность приемов личностно ориентированного, деятельностного и компетентностного подходов.

Основными принципами концепции гендерно ориентированного образования являются: использование социокультурных норм общества для обоснования равнозначности положения мужчины и женщины; подчеркивание социальной значимости гендерных ролей с целью достижения сотрудничества, кооперации; учет половых различий только в целях индивидуальной коррекции социальной идентичности; позиционирование гендера как социальной компетентности личности в плане межличностного взаимодействия. Учитывая собственную гендерную принадлежность, подразумевающую определенную траекторию развития, анализируя и сопоставляя свои возможности и способности, вероятно, человек выберет правильную профессиональную ориентацию, определит верные перспективы своего роста.

Гендерное направление в педагогике нацелено на формирование эгалитарного сознания на основе деконструкции патриархальных стереотипов. Целью гендерного подхода в образовании является деконструкция традиционных культурных ограничений развития потенциала личности в зависимости от пола, осмысление и создание условий для максимальной самореализации и раскрытия способностей девушек и юношей в процессе педагогического взаимодействия. Как отмечает М.В. Юсупова,

---

[1] Суковатая В.А. Новая гендерная идентичность и феминистские политики в образовании: перспективы для высшей школы в XXI веке // GossVita: история, теория, методология гендера. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: http ://giacgender.narod.ru/n6t2 .htm (дата обращения: 12.03.13).

«гендерное образование – одна из важных задач общей программы построения гражданского общества в России, развития и укрепления демократических идей и взглядов в нашей стране»[1]. В.В. Сериков утверждает, что «смена парадигмы, при которой знания считались единственным продуктом образования, неизбежна»[2].

Однако сейчас система образования не выполняет в необходимой мере функции социальной адаптации личности. Налицо кризис человеческого потенциала: безработица, преступность. Так, например, Л.А. Юргина к числу социальных функций образования относит социально-экономические и культуротворческие. Первые связаны с формированием и развитием интеллектуального, научно-технического и кадрового потенциала общества, вторые – с развитием духовной жизни[3].

Не принимается во внимание еще одна, не менее важная функция – социальной адаптации человека в жизни, за что отвечает социальный компонент образования. Гендер становится социальной категорией фактически любой науки. Везде имеет место гендерное соотношение мужчин и женщин, сравнение их достижений. Дух конкуренции между ними сейчас носит соревновательный характер, и здесь на первый план выходит личностный потенциал человека, его талант и способности независимо от половой принадлежности. Важно исключить эту конкуренцию из системы образования, дать личности, невзирая на предубеждения, развивать свою гендерную индивидуальность. Выйдя в социум, такая личность сможет конкурировать на справедливых условиях в плане карьерных достижений.

Анализируя гендерную теорию в образовании, необходимо обозначить проблему социального развития личности как проблему гендерной

---

[1] Юсупова М.В. Образование в гендерном измерении // Изв. Самар. науч. центра РАН. – 2010. – Т. 12. – № 5. – С. 91.

[2] Сериков В.В. Парадигма современного образования: ориентация на личность // Научно-педагогические школы юга России: теория и история развития [Электронный ресурс]. – URL: http://rspu.edu.ru/university/publish/schools/2/index.html (дата обращения: 14.12.2010).

[3] Юргина Л.А. Социальные функции высшего образования // Сб. науч. тр. СевКавГТУ. Сер.: Гуманитарные науки, 2010. – № 8. – С. 151–155.

социализации и социальной адаптации в процессе учебной коммуникации и выделить следующие противоречия:

1. Воспитательный аспект: коммуникативное взаимодействие в образовании не воспроизводит принципы гендерной социализации, которая предполагает формирование гендерной идентичности с эгалитарными ценностными ориентациями.

2. Образовательный аспект: социальная адаптация личности в образовании, влияющая на ее профессиональную ориентацию, не учитывает гендерный фактор самоактуализации.

3. Методологический аспект: гендерное просвещение предполагает необходимость повышения социального качества образования, бросая вызов устоявшейся идеологии и методологии системы образования[1].

Гендерная идентичность (половое самосознание) является одной из базовых характеристик личности. Это мнение индивида о самом себе как представителе определенного пола в сравнении с половым эталоном[2]. Гендерная социализация, как, впрочем, и другие виды включения в общество, вовсе не заканчивается в отведенном учеными и политиками отрезке молодости.

Очевидно, что роль родителей и учителей – ключевых фигур в гендерном воспитании – не столь важна, как прежде. Сегодняшними кумирами молодежи являются поп-звезды, лидеры своих компаний, культовые фигуры. Именно они выступают образцами «правильных» женщин и мужчин, достойных подражания. Контакт с этими «учителями» чаще всего виртуальный, что нисколько не снижает эффекта, так как виртуальная коммуникация (интерактив) уже стала одним из ведущих каналов социализации. Девушкам и юношам не столь важно, чтобы их видели и даже слышали, – главное, найти понимание в среде тех, кого они считают «своими». Молодежь обучается правилам «нормальной» гендерной игры: от

---

[1] Тукачева Ю.С. Гендерный подход к развитию личности в сфере образования // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 04(61). – С. 64.

[2] Столин В.В. Самосознание личности. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 32.

гопнических и полукриминальных правил «жизни по понятиям» к актуальной, продвинутой альтернативной толерантности.

Однако следует отметить, что гендерная идентичность не является устойчивой личностной чертой и зависит от множества переменных в разные возрастные периоды. Современные исследования показывают сложный характер этого личностного преобразования. Как отмечает В.В. Козлов в работе, посвященной изучению гендерного самосознания мужчин, «не существует единого образца маскулинности, который обнаруживался бы повсюду», поэтому необходимо говорить о «маскулинностях (идентичностях), которые допускают существенные социально-групповые и индивидуальные вариации»[1].

Социализация – это не только приспособление индивидов к социальной среде, в которой они родились, но и активное включение их в качестве действующих субъектов в различные социальные системы. Вопрос о принудительном характере гендерной социализации был поднят в феминистских теориях. Родители не всемогущи и не столь однозначно влиятельны, как им хотелось бы. В одной семье вырастают как «правильные», так и «неправильные» мальчики и девочки. Дети могут демонстрировать более традиционное или более радикальное поведение по отношению к родительским ценностям. В отказе детей, и особенно подростков, воспроизводить родительские образцы гендера и проявляется личность самого ребенка как активно мыслящего существа, самостоятельно придающего смысл миру и своему месту в нем[2].

Таким образом, родители, как бы они этого ни хотели, вовсе не являются единственными ролевыми моделями для подростков. Молодежь строит свои представления в многомерном пространстве противоречивых советов

---

[1] Козлов В.В. Образ мужчины – социально-психологический взгляд на проблему // Гендерные ценности и самоактуализация личности и малых групп в XXI веке: Материалы международного симпозиума, Кострома, 2004 г.: В 2-х т. Т. 2 / Отв. ред.: А.А. Журавлев, Н.П. Фетискин. – М. – Кострома: КГУ, 2004. – С. 90–94.

[2] Омельченко Е. Становление гендера: Кто и что помогает нам стать собой, а также женщинами и мужчинами // Гендер для «чайников». – М.: Звенья, 2006. – С. 91.

различных субъектов о достойном и правильном стиле взрослой сексуальности. В зависимости от культурного контекста среди этих моделей могут одновременно присутствовать и стабильное моногамное замужество (женитьба), и развод, и выбор новых партнеров, одинокое родительство, частая и свободная смена партнеров, гомосексуальные пары, официальное или неофициальное многоженство.

Сегодня взрослые часто выглядят абсолютно беспомощными в попытке передать подросткам какой-то опыт[1]. Именно в гендерной игре, как ни в чем другом, выражается разнообразие индивидуальностей и демонстраций жизненной стилистики современных молодых людей. Так называемая нормальная молодежь – это девушки и юноши, которые придерживаются традиционно патриархальных нормативов и правил, стремятся демонстрировать (правда, не обязательно следовать) «правильный» гендер. Палитра традиционного публичного «женского маскарада» современных девушек более разнообразна, чем прежде. Она вовсе не предполагает обязательств «скрывать или удерживать проблемную сексуальность» или отказываться от карьерных притязаний. Традиционные черты «хранительниц очага», «домашних хозяек», «слабых и надеющихся на защиту существ» сочетаются, что удивительно и даже парадоксально, с образом гламурной красавицы, супермодели или женщины-вамп.

Согласно традиционным представлениям о мужчинах им не свойственны сомнения, слабость или поражения. Для мужчин характерна демонстрация уверенности в природой данном мужском превосходстве, в противоестественности мужской гомосексуальности, а также немотивированная неприязнь к «другим» – к девушкам, чужакам, иным национальностям. По идее некоторых разработчиков нового мужского образа супермен призван соединить в себе черты гегемонной маскулинности (верный муж, заботливый отец, добытчик и кормилец) с привлекательностью

[1] Омельченко Е. Становление гендера: Кто и что помогает нам стать собой, а также женщинами и мужчинами // Гендер для «чайников». – М.: Звенья, 2006. – С. 102.

образа ухоженного, нежного и гладко выбритого искателя сексуальных приключений.

Основными достоинствами гендерных стратегий продвинутой (альтернативной, субкультурной, неформальной) молодежи признается эксклюзивность, непохожесть, отказ от следования принимаемым большинством правилам мужского и женского поведения. Для этой молодежи характерны культурные практики, которые переворачивают привычное восприятие одежды, а также использование традиционных потребительских знаков в эпатажном контексте. Это может быть юбка у мужчины или бритая голова у женщины, множественный пирсинг, унисексуальный наряд или, наоборот, доведенный до абсурда гламур у обоих полов.

Обучение гендеру происходит в контексте и под влиянием детских и юношеских сообществ, привязанностей, включенности в теле- и радиопроекты, интернет-коммуникацию, усвоения (быстрого или медленного) правил гендерных режимов школьной, студенческой, рабочей жизни. Все мы рано или поздно вырастаем в мужчин или женщин в том смысле, в каком мы сами это понимаем и чувствуем. Наша идентичность может меняться, корректироваться в течение всей жизни вслед за меняющейся реальностью[1].

В современном обществе все более явственной становится тенденция усиления влияния на социальное поведение человека гиперреальности, замещающей традиционный символический универсум культуры. И.Ю. Манакова объясняет: «С помощью разнообразных технических средств создается виртуальная реальность, глубоко проникающая в социальную и индивидуальную жизнь человека и обусловливающая его поведение, адекватное не реальности, а гиперреальности, созданной другими людьми. Таким образом, если раньше образ мира формировался в ходе взаимодействия человека с этим миром, то в постиндустриальном обществе

[1] Омельченко Е. Становление гендера: Кто и что помогает нам стать собой, а также женщинами и мужчинами // Гендер для «чайников». – М.: Звенья, 2006. – С. 106.

образ мира начинает формироваться на основе взаимодействия человека с информационным пространством»[1].

Гендерный потенциал базируется на принципах гендерного равенства и справедливости, что означает равенство не только прав, но и возможностей для развития способностей человека независимо от пола. Применительно к обществу будущего также можно говорить о том, что каждый индивид сможет получить вне зависимости от пола возможность свободного выбора, всесторонней творческой реализации себя, личностного роста[2]. Поэтому теории феминизма бросают вызов как традиционному устройству семьи, так и господствующей в общественной сфере модели отношений на основе соподчинения одного пола другому[3].

В целом большинство теоретиков феминизма согласны с тем, что идеальным обществом будет общество, в котором гендерному неравенству придет конец и женщины смогут полностью реализовать свой личностный потенциал во всех сферах социальной жизни.

Мы можем предположить, что для реализации такого типа общества необходимо деятельность, традиционно приписываемую женщинам, оценивать более высоко, чем в прошлом. Важно обеспечить систему разумного сочетания вынашивания и воспитания детей с другими видами деятельности, чтобы женщины-матери могли стать полноценными гражданками и работницами. Для этого потребуется разработка более гибкой системы организации труда, коллективное обеспечение ухода за детьми, активное участие мужчин в процессе воспитания или сочетание всех указанных факторов. Такой подход ведет к пересмотру традиционной онтологии труда, ориентированной на мужские ценности[4].

---

[1] Манакова И.Ю. О фиктивности, подлинности и симуляции // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия. – Воронеж, 2012. – № 2(8). – С. 148.

[2] Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 171–172.

[3] Эллиот П., Менделл Н. Теории феминизма // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / Под ред. О.А. Ворониной. – М.: МЦГИ; МВШСЭН, 2000. – С. 47.

[4] Ладыкина Т.А.Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – С. 140.

Одна из важнейших тенденций современной цивилизации – тенденция к индивидуализации и личностной самореализации человека. Основным стержнем формирования личности становится индивидуализация, что значительно переворачивает всю ценностную систему. Индивидуализация – это своего рода внутренний ресурс, собственный внутренний капитал индивида, способ более самостоятельно управлять своей жизнью, когда ни один из социальных институтов не является образцом «правильной» социализации[1].

Выводы. Гендерный потенциал формируется в процессе социокультурного развития гендерно компетентной личности, что обеспечивается, с одной стороны, межпоколенческой трансляцией информации о гендерной культуре, гендерной системе, гендерной идентичности, доминирующих в социальной реальности, а с другой – самоутверждением, индивидуальной интериоризацией нормативных и ненормативных моделей социального действия в зависимости от ситуации и особенностей личности в восприятии «жизненного мира», собственного места и роли в нем. Эти процессы, как и сама социальная реальность, внутренне противоречивы в своем воздействии на личность: от строгой половой сегрегации и дискриминационного закрепления социально-половых ролей до андрогинного сочетания женственности и мужественности в личности, от тиражирования в молодом поколении консервативных (уже не соответствующих современным потребностям индивида) стереотипов до их асоциальной деконструкции в беспредельном либерализме.

[1] Омельченко Е. Становление гендера: Кто и что помогает нам стать собой, а также женщинами и мужчинами // Гендер для «чайников». – М.: Звенья, 2006. – С. 103.

2.3. Региональные особенности гендерного потенциала в Приднестровье

Общие черты и закономерности социальных явлений и процессов обнаруживаются не иначе как через особенное и отдельное, через разнообразие конкретных форм бытия, из которого в общественной жизни отбирается самое устойчивое и необходимое для существования и развития социума. Поэтому дальнейшее исследование сущности и социальной организации функционирования и совершенствования системы гендерных отношений нуждается в изучении региональных особенностей исторического, аксиологического и когнитивного источника формирования нравственных и гражданских качеств личности.

Значительный потенциал в философском осмыслении реалий человеческой жизнедеятельности, в том числе гендерных аспектов самореализации личности, развертывании гендерного потенциала в социальном пространстве и времени, представляет компаративистский методологический подход, позволяющий удерживать в центре исследовательского анализа тождественность и различие сравниваемых социальных и культурных явлений, обычаев и традиций, стереотипов и новаций в восприятии людей разных исторических эпох, поколений и регионов. «Новизной методологии компаративного подхода к культурным явлениям… является как раз возможность удержания тождественного и различного в явлениях»[1].

Специфика социокультурной интеграции в Приднестровье в тесной связи с Россией и становление идентичности народа в республике предоставляют широкий простор для философского анализа в контексте компаративистского методологического подхода.

---

[1] История современной зарубежной философии: компаративистский подход: В 2-х т. Т.1. – СПб.: Лань, 1998. – С. 40.

Региональные особенности половых ролей в гендерном потенциале формировались под влиянием российской ментальности и культуры, а также единых для всех этносов Приднестровья исторических условий социального бытия, общей и национальной культуры. «Своеобразная историческая судьба Приднестровья и населявших его людей на протяжении многих веков и тысячелетий определялась тем обстоятельством, что эти земли представляли собой контактную зону, т. е. территорию, где проживают и смешиваются, ассимилируются многие народы и цивилизации»[1].

Постоянная борьба с нашествием разных племен отвлекала основную часть мужского населения. Все тяготы по поддержанию хозяйства и воспитанию детей ложились на плечи женщин. В таких нелегких жизненных условиях формировался независимый, сильный, решительный характер приднестровской женщины, способной не только самостоятельно выполнять любую необходимую для жизнедеятельности семьи работу, но и проявлять готовность постоять за себя, за свое личное достоинство перед кем угодно, в том числе перед мужем, если он допускает в отношениях с женой произвол, насилие и несправедливость.

Прежде всего, следует подчеркнуть, что специфика гендерных отношений в любом регионе является духовным синтезом тождественности и различий в развитии культуры, общей и специфической системы ценностей, определяющих характер социального поведения мужчин и женщин, взаимоотношений между ними.

В Приднестровье нет доминирующей по численности населения национальной культуры. Три основных этноса представлены здесь почти поровну: молдаване составляют 32 % от общей численности населения, русские – 29 %, украинцы – 27 %, остальные – 12 %, из которых болгары и евреи – по 2 %[2]. Это служит одной из предпосылок для равноправного

---

[1] Бабилунга Н.В., Берил С.И., Бомешко Б.Г. и др. Феномен Приднестровья. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003. – С.11.

[2] Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики - 2011: Статистический сборник (за 2006–2010 гг.) / Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР. – Тирасполь, 2011. – С. 30.

диалога культур, без навязывания своих духовных ценностей другим этносам. Отсутствие численного преимущества у представителей какой-либо из трех самых многочисленных национальностей, постоянное общение в среде проживания, учебы и трудовых занятий обеспечивают взаимообогащение национальных культур и их интеграцию в региональную поликультурность с сохранением обычаев и традиций, в том числе в сфере гендерных отношений.

Социокультурные стереотипы «повседневного жизненного мира», включая гендерную ментальность приднестровского народа, коренятся в самом генезисе его формирования в процессе широкого распространения русского народа на территории правобережья Днестра, особенно в период российско-турецких войн и советской индустриализации края.

Интегрирующим ядром и критерием целостности многонациональной культуры Приднестровья выступает русская культура, источником выдвижения которой на ведущую роль в культурно-образовательном пространстве республики является не навязывание ее другим этносам внутри региона при помощи административно-правовых механизмов насилия, а внешний духовный фактор – огромный интеллектуальный потенциал русской культуры с ее материальной базой книгоиздательства, телевидения, прессы. Этому способствует также геополитический курс приднестровского руководства на союз с Россией, принятие российских образовательных стандартов в учебных заведениях региона, широкое применение здесь опыта культурного развития, накопленного в России.

Процесс формирования поликультурной целостности культуры Приднестровья под эгидой русского духовного влияния начался еще в 90-е годы XVIII века с присоединением этого края к России. В течение более двух веков Приднестровье заселяли русские, украинцы, немцы, армяне и болгары. Происходили процессы взаимной ассимиляции разнообразных этнических культур. На основе их взаимовлияния возникали общие традиции, формировался специфический менталитет жителей региона.

Характерными чертами личности приднестровца независимо от национальной принадлежности становились толерантность и уважительное отношение к языку, обычаям и традициям разных этносов, населяющих край. Духовная культура Приднестровья несовместима с любыми формами нетерпимости, национализма, одномерности, замкнутости. Поликультурность в этом смысле возникла как необходимое условие нормальной жизнедеятельности многих этносов, проживающих на одной территории. Преобладание этносов славянской группы (украинцев, русских, болгар, белорусов, поляков) не сопровождалось их претензией на доминирование над романской (молдаване), тюркской (гагаузы), германской (евреи и немцы) группами. Славяне никогда не противопоставляли себя другим языковым группам в Приднестровье.

Формирование поликультурной целостности как единства в духовном разнообразии региона происходило под влиянием таких факторов, как геополитическое положение края между романо-германскими и славянскими народами; политические процессы, связанные с присоединением этой территории к России; образование Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе Украинской ССР в 1924 году, Молдавской Советской Социалистической Республики в 1940-м и Приднестровской Молдавской Республики, которая была провозглашена и легитимизирована на основании результатов референдума 1990 года, а также последующих законодательных актов, выражающих волю всего населения Приднестровья. Значительную роль в становлении приднестровской полиэтнической общности сыграли иммиграционные процессы, связанные с переселением в Советскую Молдавию русских, украинцев и представителей других национальностей, привлеченных потребностью республики в квалифицированной рабочей силе и специалистах для создания крупных объектов промышленности, науки, высших и средних учебных заведений. Миграционные и демографические процессы 50–80-х годов привели к

абсолютному преобладанию численности молдаван, русских и украинцев в населении края.

Главным принципом формирования поликультурной личности является поддержание равносубъектного диалога культур в контексте межличностного общения. Именно в обыденном диалоге культур на индивидуальном уровне проявляется сегодняшняя общность духовности многонационального населения Приднестровского региона, его гуманистические и патриотические ценности. Все это нашло яркое отражение в гендерных отношениях, социальном статусе и независимом духе женщин и мужчин Приднестровья.

Региональная социокультурная специфика, воспринимаемая людьми в социальных практиках, оказывает существенное влияние на выбор мужчинами и женщинами жизненных траекторий, гендерных стратегий, способов и средств достижения жизненно значимых целей. Компаративистский подход к анализу формирования гендерного потенциала в Приднестровье позволяет выявить доминантные типы гендерных отношений в регионе на основе учета тождества и различия в социокультурных и исторических ситуациях, в которых формировался жизненный опыт выживания и сохранения идентичности многонационального народа этого края.

В исследовании В.П. Степанова приводится типичный диалог из книги А.С. Афанасьева-Чужбинского, ярко характеризующий взаимоотношения между мужем и женой в традиционном молдавско-украинском обществе Приднестровья XIX века: «И всегда, – решительно заявляет супруга своему мужу, – буду брать рогач и все, что попадется под руку, если захочешь бить понапрасну: я уж тебе это не раз говорила. Коли я виновата, разве я защищаюсь?» Позиция в споре, занятая женой, была настолько убедительной

и справедливой, что муж, хотя и напомнил, что все хозяйство и сама она полностью принадлежат ему, вынужден был согласиться с ней[1].

Несмотря на высокое чувство личного достоинства и справедливости у людей, экономические отношения в приднестровской семье обусловливали, в общем, патриархальные отношения, ставившие жену в зависимость от супруга. По свидетельству П.А. Нестеровского, «она его помощница, но отнюдь не равноправный спутник жизни». Хозяйкой дома женщина могла стать лишь в случае утраты своего мужа при малолетних детях. Причем, отмечал П.А. Нестеровский, ее авторитет как матери стоял не так уж высоко. В XIX веке нередко бывали случаи неповиновения ей, особенно со стороны взрослых сыновей, готовых смотреть на мать как на юридически неполноправное лицо[2]. Дочь не была уравнена в правовом отношении с сыновьями, что практически исключало наследование ею земли. Лишь воля отца «может наделить ее родовым имуществом в виде земельного наследства», что, впрочем, довольно часто нарушалось сыновьями после смерти родителей[3]. Однако традиционное (или «волошское») право, согласно которому молдаване и украинцы Пруто-Днестровского междуречья жили многие века, предусматривало социальную защиту женщины в случае ее несправедливого оскорбления и незаслуженного унижения.

Вероятно, такой сильный тип женщины сформировался именно в условиях, когда мужчина часто находился в ратных походах. Длительное его отсутствие дома привело к усилению традиционного влияния женщины в семье. Можно предположить, что в силу традиции женское поведение, адекватно воспринимаемое в одних социально-культурных условиях, представляется необычным и неестественным в других. Современные этнологи выделяют два начала национальной культуры: женское –

---

[1] Цит. по: Степанов В.П. Грани идентичностей: Этногражданские процессы в среде национальных меньшинств Республики Молдова на примере украинского населения (1989–2009 гг.). – Кишинев: «Elan Inc» SRL, 2010. – С. 114–115.

[2] Нестеровский П.А. Бессарабские русины. – Варшава, 1905. – С. 147–148.

[3] Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX – нач. XX вв. – Кишинев, 2001. – С. 43–44.

земледельческое, мужское – военное, казачье, с походами, полукочевым бытом и т. п.[1]

Основываясь на результатах лексического анализа разговорной речи жителей Республики Молдова, Ю. Бежан-Волк показала, что до сих пор сохраняются гендерные стереотипы традиционного превосходства мужчин в современном типе восприятия населением социальной действительности, особенно в селе: «Беседуют два человека с женщиной», «Он плачет, как баба», «Ты голова в доме или юбка?»[2].

Но в то же время Ю. Бежан-Волк исходя из социологических опросов и тестирования сельского населения утверждает, что «женщины адаптируются к новым условиям быстрее и легче, стремятся самоутвердиться во всех сферах жизнедеятельности, в том числе и в семье»[3]. Эти качества женщин особенно ярко проявились в кризисные 90-е годы прошлого века, когда они вынуждены были взять на себя основные функции мужчин – по традиции кормильцев и защитников семей. Развернув «челночные» рейсы в зарубежные страны, мелкую торговлю и бизнес, женщины спасали от голода своих детей и мужей.

Женщины Приднестровья сыграли большую роль в противостоянии нашей республики и Молдовы в 1990–1992 годах, выступив неоднократно живым заслоном между противоборствующими сторонами, предотвратили в ряде случаев кровопролитие, проявили огромную силу воли в политической забастовке, принудив в конечном счете прорумынских националистов отказаться от военных средств для решения политических вопросов[4].

Исходя из этих фактов приднестровский политолог Н.В. Мясникова сделала вывод, что массовые акции женщин сыграли определяющую роль в сдерживании конфликта, который мог развиться по еще более трагическому

---

[1] Пономарьов А.П. Украинская етнография. – Киев, 1994. – С. 35.

[2] Бежан-Волк Юлия. Особенности сельских гендерных моделей (на материалах Республики Молдова) // Социол. исследования. – 2003. – № 8(232). – С. 128.

[3] Там же. – С. 127.

[4] Бомешко Б.Г. Создание, становление и защита приднестровской государственности. 1990–1992 гг. – Бендеры: Полиграфист, 2012. – С.169, 175, 179.

сценарию. «Женское движение, в свою очередь, стало базовым элементом политического процесса и инициатором политических решений, определивших направление политического развития на обоих берегах Днестра»[1].

В эти тревожные годы особенно ярко проявился организаторский и патриотический потенциал женщин, самоотверженно ставших вместе с мужчинами на защиту своих семей и своей многонациональной культуры от попыток их уничтожения прорумынскими националистами.

Можно предположить, что в основе такого социального поведения женщин в чрезвычайных и опасных для существования приднестровского народа ситуациях лежат характерные для женской психики свойства – повышенная эмоциональность, импульсивность, интуитивность в реагировании на подобные испытания судьбы. Но социально-исторический анализ показывает, что и в обычных условиях гендерные свойства как женщин, так и мужчин Приднестровья отличаются достаточной гибкостью, динамичностью, приспосабливаемостью к обстоятельствам, затрагивающим витальные потребности сохранения рода. Только у женщин эти адаптационные способности проявляются нагляднее. Женские типы работниц, крестьянок, представительниц умственного труда демонстрируют всем известные характерные черты и по телосложению, и по физической силе, по стилю поведения, речи, и по степени эмоциональности. Специфика труда и быта оказывает решающее воздействие на внешний облик и менталитет людей, в особенности женщин, повышая их трудовой и социальный потенциал.

Типичны и темпоральные гендерные изменения, отражающие устойчивые тенденции в требованиях отдельных эпох к выполнению половых социальных ролей. Мониторинги, проведенные в Приднестровье Независимым центром аналитических исследований «Новый век» в 1998–

[1] Мясникова Н.В. Женское движение в процессе формирования политического дизайна левобережных районов Республики Молдова (1989–2010): Дис. … канд. полит. наук. – М., 2012. – С. 124.

2013 годах, в том числе при участии автора, свидетельствуют о заметных сдвигах в общественном сознании и социальном поведении женщин. При этом аналогичные изменения у мужчин проявляются менее заметно, большинство из них более консервативны, чем женщины. Хотя сферы, в которых сохраняется такой консерватизм, имеют гендерные особенности: у мужчин – в понимании своих социальных ролей и привлекательных для них личных качеств, а у женщин – в отношении к нравственным нормам и бытовым обычаям.

Большинство мужчин и женщин не смогли в ходе проведенных автором опросов в городах Тирасполь и Бендеры назвать какие-либо личные качества исключительно мужскими или женскими, очевидно считая, что современные люди независимо от пола могут обладать в той или иной степени и мужскими, и женскими качествами. Однако относительно привлекательных личных качеств для себя наблюдается существенная дифференциация, отражая традиционный гендерный консерватизм. Мужчины предпочитают быть (или казаться) агрессивными, сильными духом, независимыми, решительными, напористыми. Женщины часто представляют, что настоящая женщина должна быть покорной, пассивной, мягкой, сострадательной, любящей детей.

Женщины в ходе опросов проявили консерватизм в большей степени, чем мужчины, в частности приверженность к традиционным моральным, прежде всего сексуальным, нормам и резистентность к модным, но вредным для здоровья привычкам. Среди мужчин сторонников новых более «либеральных» взглядов в этом смысле оказалось в два раза больше, чем среди женщин. Средняя оценка женщинами степени допустимости вступления в гражданский брак составила 1,4 (мужчинами – 3,2), сожительства с несколькими сексуальными партнерами – 1,1 (2), сексуального опыта до брака – 2 (3,1), курения – 1,4 (2,9), употребления алкоголя – 1,9 (2,5). Однако больше половины опрошенных женщин не меньше мужчин ценят в себе такие качества личности, как

дисциплинированность, активность, ответственность, честность, надежность, способность к лидерству, коммуникабельность, жизнерадостность, т. е. те гражданские и личные качества, которые открывают равные с мужчинами возможности для участия в общественно полезной деятельности в широкой номенклатуре социальных ролей.

Анализ результатов проведенного автором в 2012 году опроса выявил также, что большинство женщин уже признают ограничительными для себя некоторые традиционные взгляды на женское поведение и считают допустимым игнорировать их в своей повседневной жизни и поступать в соответствии со сложившимися обстоятельствами и личными возможностями. Это, скорее всего, связано со способностью женщин быстрее адаптироваться к переменам и нововведениям.

Женщины Приднестровья принимают все более активное участие в разработке и реализации государственных решений, в деятельности Правительства ПМР, где они занимают более половины постов министров, в руководстве средствами массовой информации, в которых им теперь принадлежит большинство ключевых должностей. Повышается статус женщины и в повседневной жизни, в семье.

Часто это связано с тем, что муж уезжает на заработки, а женщине, оставшейся основной кормилицей в семье, необходимо хоть как-то сводить концы с концами. В других случаях налицо желание продемонстрировать собственную успешность другим, стать независимой и богатой. Специалисты, работающие в налоговых органах Приднестровья, замечают, что предприниматели-женщины больше склонны к ведению бизнеса без конфликта с законом. При анализе налоговых деклараций выясняется, что женщины в отличие от мужчин, занятых аналогичным бизнесом, декларируют доходы более честно. Это еще раз подтверждает мнение, что коррупция чаще свойственна мужским взаимоотношениям. Но женщины не уходят из своих традиционных областей самореализации – легкой

промышленности, торговли, сферы общественного питания, спорта, искусства семейной жизни[1].

Тем не менее существование патриархальных стереотипов относительно традиционной роли женщины в обществе, ее ответственности за семью и воспитание детей до сих пор нередко блокирует личную и профессиональную самореализацию женщин, их продвижение на руководящие должности. Гендерные стереотипы часто оказывают негативное влияние и на социальное поведение мужчин, ограничивая их участие в воспитании детей, в работе по дому и в других «женских» сферах[2].

Говоря о современных условиях и факторах повышения социальной значимости гендерного потенциала, необходимо подчеркнуть, что на этот процесс решающее влияние оказывает та социальная среда, в которой воспитывается и живет индивид. Сюда входит не только повседневный «жизненный мир» семьи и культурная микросреда, но и виртуальная реальность. Большинство исследователей считают, что сегодня СМИ навязывают нам стереотипы как социально значимого, так и асоциального гендерного поведения, формируют модные образы современных мужчины и женщины. Однако результаты проведенного нами исследования наглядно показывают, что у большинства жителей Приднестровья нет идеала настоящего мужчины или настоящей женщины. Если кого-то и называют в качестве идеала, то не выдающегося деятеля науки и культуры, историческую личность, а лишь близких родственников (мать, отца, сестру, бабушку, дедушку и др.).

Социологическое исследование гендерной идентификации личности выявило существенные различия между представлениями о должном гендерном облике мужчин и женщин и их реальными личностными качествами. Большинство опрошенных людей исключительно мужскими

---

[1] Mickolişina A. În: Simpozionul Internaţional al tinerilor cercetători. Ediţia a VII-a. 10–11 aprilie 2009. Chişinău: ASEM, 2009, Vol. I. – P. 88.

[2] Бодруг-Лунгу В.И. Гендерные стереотипы и изменение повседневности (опыт Молдовы) [Электронный ресурс]. – URL: http://ecsocman.hse.ru/text/19210947/ (дата обращения: 23.08.2012).

качествами считают активность, напористость, ответственность, честность, надежность, способность к лидерству, решительность, агрессивность, амбициозность, независимость и силу духа. Что касается исключительно женских качеств, то чаще всего называют мягкость, чистоплотность, нежность, скромность, терпеливость, чуткость, любовь к детям, умение сочувствовать, покорность и жизнерадостность.

В результате наших опросов обнаружилось, что мужчины в большинстве случаев приписывают себе только мужские качества, а женщины кроме традиционно женских еще и такие качества, которые, по мнению респондентов, являются мужскими или нейтральными. Однако большинство мужчин присваивают себе не весь набор традиционных мужских качеств, а женщины часто называют своими такие черты характера, как активность, надежность и способность к лидерству. Экономические трудности, рост численности незамужних женщин и повышение уровня их образования стимулируют выработку у них и мужских качеств, что ведет к размыванию гендерных различий.

По результатам своего исследования Ю. Бежан-Волк заключает, что в Молдавии происходят заметные процессы модернизации гендерных отношений. Большинство молодежи (16–29 лет) в качестве основы брака предполагает чувства любви и уважения. В глазах мужчин повысился статус современной женщины (жены, матери, бабушки). Она, по мнению респондентов, отличается умом, стремлением к бизнесу, профессиональному росту, чувством собственного достоинства, ориентацией на моральные и духовные ценности в семье[1].

Значительная часть женщин, конечно, еще не избавились полностью от доминировавших веками личностных черт пассивности, покорности, терпеливости в частной, семейной жизни, в основном традиционно закрытой для внешнего общественного влияния. Такие женщины по-прежнему мирятся

[1] Bejan-Volc Iulia. Relaţiile gender rural: un imperativ al timpului / Iulia Bejan-Volc. – Ch.: Centrul Ed.-poligr. al USM, 2004. – P. 160.

с унижением, физическим и экономическим насилием со стороны своих мужей, любовников и даже взрослых детей. Больше половины женщин подвергаются агрессии кого-либо из близких мужчин (нынешнего или бывшего мужа, жениха, любовника)[1].

Нищенский уровень жизни многих семей обостряет отношения, создает конфликтогенные ситуации, способствует увеличению миграционных потоков. По данным социологов, почти половина молодежи, оканчивающей учебные заведения, намеревается «искать счастья за рубежом»[2]. Женщин, чересчур доверчивых, ведомых романтическими чувствами или материальными потребностями, обманывают, шантажируют, физически и психически воздействуя на них, вывозят за границу, превращают в «живой товар» и используют на рынке услуг или в производстве. Местное население часто относится к таким женщинам с отвращением и глубокой неприязнью.

По данным Управления государственной службы занятости г. Тирасполя, среди зарегистрированных и признанных безработными граждан преобладают женщины, их удельный вес в общем числе безработных составляет около 70 %[3]. Для того чтобы сохранить уверенность в себе, жизнерадостность и оптимизм безработной женщине приходится прилагать чрезвычайные усилия. Немногие справляются с этой задачей, особенно когда спрос на рабочие руки и интеллект в Приднестровье крайне низок[4].

Проведенные нами исследования подтверждают гипотезу о том, что в нашей республике, как и в России, происходят существенные изменения в социальном статусе мужчин и женщин, во взаимоотношениях между ними как между социально-демографическими группами, так и на уровне семьи.

---

[1] Положение женщин в Приднестровье: Проблемы, анализ ситуации, перспективы // Исследование. Женский правовой центр. – Тирасполь: Окно в Мир, 2006. – С. 14.

[2] Бобкова Е.М. Социологические исследования по проблеме формирования нравственного и правового сознания школьников // Этико-правовое воспитание школьников / Сост. Е.М. Бобкова. – Тирасполь, 2002. – С. 7–15.

[3] Анализ состояния рынка труда // Министерства экономики Приднестровья УГСЗ МЭ. – Тирасполь, 2005.

[4] Положение женщин в Приднестровье: Проблемы, анализ ситуации, перспективы // Исследование. Женский правовой центр. – Тирасполь: Окно в Мир, 2006. – С. 63.

Женщины активно осваивают ключевые роли в политической, экономической и духовной жизни общества. Это обусловлено, с одной стороны, повышением уровня образования, чувства личного достоинства, уверенности в своих способностях к самореализации, а с другой – необходимостью выживать в условиях экономического кризиса, что сопровождается таким перераспределением гендерных ролей, которое требует активизации специфических возможностей мужской и женской части общества. Одним из вынужденных способов выживания населения Приднестровья в условиях более чем 20-летней фактически непрекращающейся экономической и политической изоляции является трудовая миграция: мужчины оказались более востребованными за рубежом в качестве рабочей силы на тяжелых видах труда, женщины – в «челночных» видах торговли и домашних услугах в странах Европы. Поскольку женщины, уезжая на заработки, оставляют своих детей, миграция среди них носит менее массовый характер, чем среди мужчин.

В условиях «замороженного» конфликта с правящей прорумынской элитой Республики Молдова приднестровские женщины проявили готовность непосредственно защищать интересы населения своего края, используя специфический гендерный потенциал – мирные акции против оружия карательных отрядов.

Исторически традиционный общественный потенциал женщины в приднестровском обществе характеризуется многогранностью ее функций вопреки сохраняющимся до сих пор элементам социального неравенства: женщина – хранительница домашнего очага и воспитательница детей, женщина – защитница рода и национальной культуры, женщина – субъект народной нравственности и традиций.

Выводы. Анализ региональных особенностей образования гендерного потенциала позволяет сделать вывод о том, что представления о социальных функциях пола достаточно динамичны и подвержены изменениям под влиянием жизненных ситуаций. В основе гендерных моделей поведения и

социального взаимодействия мужчин и женщин находятся статусно-ролевые стереотипы, укоренившиеся в сознании людей благодаря тем повседневным социальным практикам, которые получили наиболее широкое распространение в регионе. Правила социального поведения, закрепившиеся в процессе общественного дискурса, обладают значительной принудительной силой для индивида. Но у каждого индивида образуется собственный опыт выстраивания своей идентичности вплоть до ненормативной. Существенные недостатки в нравственном пространстве социальной реальности, в семейном воспитании и образовательной системе могут способствовать значительному распространению девиантного гендерного поведения – снижению человеческого потенциала в гуманизации социума и гармонизации общественных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современную эпоху глобального перехода общества от культуры модерна к постмодерну, обладающую огромными возможностями манипулирования общественным сознанием, характеризующуюся непредсказуемыми рисками и опасностями для рода человеческого, особенно обострилась проблема реализации гендерного потенциала.

В древнегреческой философии сформировалась базисная парадигма рационалистического, логоцентристского осмысления естественных, объективно существующих основ бытия человечества, имманентной ему половой дихотомии возможностей и способностей самореализации в процессе социального функционирования. Хотя философия разума акцентировала внимание на дифференциации мужского и женского начал гендерного потенциала как единства противоположностей, она закрепляла за ними различные функции: инструментальную – движение, дух, разум, с одной стороны, и экспрессивную – пассивное, чувственное, природное, с другой. При этом отмечалась необходимость для человеческого бытия двух начал, созидательный потенциал которых раскрывается через познание, понимание общей сущности мужской и женской идентичностей, их равенства по значимости позитивных качеств каждого пола и взаимного положительного влияния друг на друга в процессе облагораживания общества и семейных отношений. В философии рационализма ясно прослеживается принцип взаимной дополнительности духовных, социокультурных и нравственных сторон гендерного потенциала.

Марксизм, опираясь на данные антропологии, полностью отрицал какие-либо утверждения об интеллектуальной и духовной неполноценности женщин. Основными факторами, негативно сказывающимися на развитии и применении их способностей в процессе труда и общественной деятельности, марксистские мыслители считали экономическое неравенство и перегрузки женщин в сфере малопроизводительной домашней работы и воспитания

детей, что обусловливало их экономическую зависимость от мужчин. В связи с этим решение проблем наращивания социокультурного трудового потенциала женщин представлялось возможным посредством их вовлечения в общественное производство, освобождения семьи от домашней работы и воспитания детей путем передачи данных функций в систему общественного труда.

В дальнейшем и философы, и социологи-позитивисты (Э. Дюркгейм, Т. Парсонс) обнаружили глубокую укорененность гендерных ролей в биологических особенностях пола и объективных потребностях общественного разделения труда, обусловливающих обмен способностями к труду и взаимную зависимость. Это, в свою очередь, поставило на повестку дня решение проблемы совершенствования разделения труда и справедливой оценки вклада мужчин и женщин в развитие общества.

Специфические взгляды на гендерный социокультурный потенциал в русской социальной философии сформировали А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, Н.А. Бердяев, которые отмечали важную роль женщины в духовно-нравственном, эстетическом и экономическом развитии общества, обратное влияние прогрессирующего социума на женскую эмансипацию, сохраняя при этом приоритеты женской идентичности, индивидуальности и предназначения в мире. Выполнить данную миссию женщина способна не простым подражанием мужчине, а лишь в процессе оригинального и творческого развития женственного начала, его влияния на общество в целом.

Социально-философский анализ существующих методологических подходов в женских исследованиях гендерного потенциала обнаруживает большое разнообразие исторически сложившихся теорий, объясняющих сущность и проявления гендерного потенциала: 1) внешними факторами, сводящимися к разделению труда и классовой борьбе; 2) внутренними факторами – половыми ролями, закрепленными в моральных нормах, обычаях (стереотипах, ожиданиях) или отношениях власти;

3) интерсубъектным дискурсом, опытом повседневного социального взаимодействия, ставящего перед мужчинами и женщинами обыденные проблемы определения характера и выбора средств гендерного поведения, достижения целей межличностных отношений, удовлетворения индивидуальных интересов, их сочетания с общественными интересами. Первая концепция опирается в основном на марксистскую теорию общества, вторая – на парадигму структурного функционализма, а третья – на феноменологическую методологию.

Процесс становления гендерных исследований в России происходит в отличном от Запада социокультурном контексте. Онтологически российская гендерная система, реальный контекст «решенного женского вопроса», контракт «работающая мать», конструкция «несостоявшейся маскулинности» определяют особенности подходов в российских исследованиях, посвященных проблематике мужского/женского социального взаимодействия.

Феминистические теории находятся под сильным эпистемологическим влиянием постмодернистской литературы, претендующей на деконструкцию утвердившегося в языке социального знания, обнаружение в нем скрытых властных намерений сохранить доминирующую систему патриархального господства. Культура постмодернизма способствует формированию представлений о гендерном потенциале, основанных на самоидентичности индивида как на устойчивом ядре личности, которая стремится к самореализации своей субъектности. В современном обществе, характеризующемся все в большей степени атрибутами постмодернизма – неопределенностью будущего, открытостью, нелинейностью развития общественных структур, возрастанием роли действующих в них индивидов с их ценностно-целевыми ориентациями, локальными изменениями и случайными факторами, способствующими формированию нового постнеклассического типа интерсубъектной социальной реальности, в объем

понятия которой включаются и мужская инструментальность, и женская экспрессивность.

Для развития современного общества и личности важнейшее значение приобретает осмысление расширяющихся возможностей женской культуры и ее адекватное использование во всех сферах жизнедеятельности (от интимно-семейной до производственной, политической и научно-культурной), поскольку это может означать, во-первых, более эффективное применение человеческого потенциала, инвестированного в образование и воспитание женщин, а во-вторых, в силу исторических и социокультурных причин именно здесь имеются огромное резервы для самореализации личности в гораздо больших масштабах, чем раньше.

Под гендерным потенциалом в данном исследовании подразумеваются реальные возможности развития и применения имманентных полу способностей в социальном взаимодействии в интересах личности и общества. Гендерный потенциал образуется не просто суммой специфических качеств мужчин и женщин, он представляет собой не механическую, а органическую солидарность различных способностей, взаимно дополняющих и преобразующих друг друга как в отдельном индивиде (андрогинный тип личности), так и в социальном взаимодействии, которое многократно усиливается в процессе кооперации обеих половин рода человеческого. Реализация гендерного потенциала предполагает применение специфических систем мотивации труда, дифференциации видов занятий в приватной и публичной деятельности, подбора кадров.

Гендерный потенциал – обобщенное понятие совокупности реальных, но еще недостаточно осуществляемых возможностей женщин и мужчин в развитии своих общечеловеческих и специфических способностей для самовыражения, самоутверждения в тех сферах жизнедеятельности, которые наиболее соответствуют личным интересам, умениям, наклонностям, что одновременно создает неисчерпаемый ресурс чувства морального удовлетворения индивида, эффективности его вклада в благосостояние

общества. Существенным препятствием на пути к актуализации гендерного потенциала личности является гендерная асимметрия, выражающаяся в разделении и несправедливой оценке труда по половому признаку в семье и обществе.

Гендерный потенциал – это динамичное явление, детерминантами которого являются разрешение противоречий между его увеличением и расширением сферы приложения, между индивидуальными, специфически групповыми и общественными интересами. Под влиянием институтов семьи, образования, экономики, культуры, средств коммуникации мужчина и женщина воспитываются и социализируются в контексте существующего разделения труда, что является основой для сохранения и повышения уровня гендерного разделения труда – главного фактора социальной дифференциации полов.

Существенным аспектом гендерного воспитания в настоящее время в семье и школе становится андрогиния – умение индивида гибко управлять своими феминными и маскулинными паттернами поведения, которые укоренились в сознании в процессе социализации и социальной адаптации во взрослой жизни. Андрогинная гендерная идентичность формируется под воздействием специфического воспитания и благодаря особой позиции родителей, которые поощряют усвоение ребенком моделей поведения, характерных для обоих полов. Андрогинная гендерная идентичность вырабатывается у детей в том случае, если такое поведение моделируется на их глазах и принимается другими людьми.

Важнейшим фактором создания реальных условий для свободного выбора между публичной и приватной сферами или для сочетания разных видов жизнедеятельности становится, с одной стороны, гендерное образование и воспитание, включающие взвешенное представление индивида о смысле, социальных и личностных ценностях самореализации человека в обеих сферах, а с другой – повышение престижности домашнего труда, социально-репродуктивной функции семьи посредством

материального и морального поощрения обоих родителей за достижение успехов в воспитании детей.

Разрушение гендерных стереотипов, размытость границ дихотомии «мужское/женское» ведут к прекращению традиционной межпоколенческой трансмиссии и делегитимизации традиционных стереотипов гендерного поведения. Фактически в системе образования сложилось два альтернативных подхода: с одной стороны, многие педагоги игнорируют необходимость учета гендерных особенностей формирования социокультурного потенциала, с другой – сторонники полоролевого подхода абсолютизируют биологический фактор и ориентируют мальчиков и девочек на разные жизненные стратегии исходя из стереотипов закрепления за женщинами приватной сферы и исполнительского труда в публичной сфере, а за мужчинами – творческой и руководящей деятельности.

В образовании нужно позиционировать гендер не как борьбу с дискриминацией, а как стратегию гражданского общества по созданию гендерного потенциала. Гендерно ориентированное образование включает совокупность приемов личностно ориентированного, деятельностного и компетентностного подходов.

Гендерная ситуация в обществе, определяемая системой устоявшихся практик, общепризнанных ценностей, существующих санкций за их нарушение, в действительности является изменчивой и напрямую связанной с кризисом идентичности современного человека. Так называемые гендерные контракты также претерпевают изменения, встречающие неоднозначную реакцию в сфере обыденной жизни. Хаотизация и аномийность повседневной жизни индивида в кризисном обществе провоцируют его на нестандартное, неодобряемое сторонниками традиционных отношений поведение. У окружающих данный маргинал вызывает недоумение, сочувствие, в лучшем случае понимание того, что его нестандартное поведение является вынужденным в силу определенных обстоятельств.

Гендерный потенциал основывается на принципах гендерного равенства и справедливости, что означает равенство не только прав, но и возможностей для развития способностей человека независимо от пола. В соответствии с этими принципами каждый индивид вне зависимости от пола получает возможность свободного выбора занятий, всесторонней творческой реализации себя, личностного роста.

Таким образом, в современном обществе актуализируется не сама по себе проблема гендерного неравенства, заключающегося в асимметрии социальных статусов мужчины и женщины, а проблема неадекватности престижа и вознаграждения деятельности людей в сфере воспроизводства человека (в семье, системах образования и здравоохранения) и в сфере производства средств производства и потребления. В связи с более низкой престижностью, неадекватной социальному значению, первая сфера феминизируется, поскольку многие женщины, находящиеся на содержании мужчин, могут позволить себе работать за более низкую оплату, руководствуясь ценностями аффилиации (общения), самоутверждения (публичного признания) в общественном труде. В результате снижается уровень использования гендерного потенциала и мужчин, и женщин (инструментальности и экспрессивности) в решающей сфере общественной жизнедеятельности – в сфере воспроизводства производительной силы (воспитания образованного, нравственного и здорового поколения). Эта сфера уже давно непривлекательна не только для женщин, но и для мужчин. Быть в роли матери и отца становится непрестижно. Все острее проявляется тенденция нарастания демографического кризиса, дефицита кадров, маскулинизации женщин и феминизации мужчин.

Женственность и мужественность, сохраняя в себе некоторое ядро представлений о гендерной идентичности, в то же время подвижны в социальном времени и пространстве, т. е. ситуативны, как свидетельствует, в частности, пример Приднестровья. Сложившая ситуация, повседневные социальные практики могут потребовать от женщин выполнения

инструментальных социальных ролей, проявления агрессивности и жестокости, мужественности и бескомпромиссности, а мужчинам создать условия и мотивы быть инфантильными, изнеженными, слабовольными. В зависимости от ситуации и социальной роли такое заимствование может одобряться или осуждаться обществом как поведение соответствующее или несоответствующее гендеру. Наиболее приспособленными к успешной жизнедеятельности оказываются личности андрогинного типа, гармонично сочетающие черты мужской инструментальности и женской экспрессивности.

Перспективным направлением дальнейших исследований представляется философское осмысление региональных социальных практик гендерного аспекта человеческого развития, что явилось бы продуктивным продолжением универсального дискурса (в духе компаративистики) – анализа единства тождества и различий, диалога региональных самобытных культур женственности и мужественности, выявления их инвариантного ядра и уменьшения рисков односторонней трактовки гендерного потенциала.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Айвазова С.Г. Контракт «работающей матери»: советский вариант // Гендерный калейдоскоп / Под ред. М.М. Малышевой. – М.: Academia, 2002. – С. 291–309.

2. Аквинский Фома. Святой Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. 1. Вопросы 65–119 / Пер. А.В. Апполонова. – М., 2007. – 655 с.

3. Акматалиева Ч.О. Женщина в современном обществе (социально-философский анализ): Дис. … канд. филос. наук. – М., 1991. – 24 с.

4. Амджадин Л. Трансформационные изменения института семьи и брачных отношений в украинском обществе: гендерный анализ // Социология: тория, методы, маркетинг. – 2007. – № 3. – С. 60–75.

5. Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой и А. Усмановой. – Минск: Пропилеи, 2000. – 384 с.

6. Антонов А.И. Кризис семьи и депопуляция в России («круглый стол») // Социология исследования. – 1999. – № 11. – С. 50–57.

7. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможностях противодействия упадку семьи и депопуляции. – М.: Грааль, 2000. – 416 с.

8. Аристотель. О возникновении животных. – М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. – 251 с.

9. Ахмедшина Ф., Шнырова О., Школьников И. Основные направления феминистской теории // Введение в теорию и практику гендерных отношений. – Ташкент, 2007. – С. 47–61.

10. Бабилунга Н.В., Берил С.И., Бомешко Б.Г. и др. Феномен Приднестровья. – 2-е изд., перераб. и доп. – Тирасполь: РИО ПГУ, 2003.

11. Басистая-Прокопова Е.В. Гендерный потенциал малого предпринимательства // Предпринимательство: Журнал-книга, 2009. – № 7. – С. 7–11.

12. Баскакова М. Экономическая эффективность инвестиций в высшее образование: гендерный аспект. – М.: Гелиос АРВ, 2002. – 288 с.

13. Батлер Дж. Феминизм под любым другим именем: Интервью с Рози Брайдотти // Гендерные исследования. – 1999. – № 2. – С. 48–78.

14. Батлер Дж. Гендерное беспокойство // Антология гендерных исследований / Сост. и коммент. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. – Минск: Пропилеи, 2000. – С. 297–346.

15. Бебель А. Женщина и социализм. – М.: Госполитиздат, 1959. – 596 с.

16. Бежан-Волк Ю. Особенности сельских гендерных моделей (на материалах Республики Молдова) // Социологические исследования. – 2003. – № 8(232). – С. 126–129.

17. Белохвостова Н.В. Гендерные факторы реализации человеческого потенциала // Вестник Ассоциации вузов туризма и сервиса. – М., 2012. – № 4. – С. 73–77.

18. Белохвостова Н.В. Отраслевая структура занятости и ее анализ: Сервис в России и за рубежом. – М.: Рос. гос. ун-т туризма и сервиса, 2012. – № 1. – С. 19–28.

19. Бем С. Линзы гендера // Трансформация взглядов на проблему неравенства полов. – М.: РОССПЭН, 2004. – 336 с.

20. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности // Трактат по социологии знания. – М.: Медиум, 1995. – 323 с.

21. Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви // Русский Эрос, или Философия любви в России / Сост. В.П. Шестаков. – М.: Прогресс, 1991. – 448 с.

22. Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. Т. 1. – М.: Искусство; Лига, 1994. – 542 с.

23. Биккулова З.Р. Социальное неравенство женщины в современном российском обществе: философские аспекты: Дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2004. – 148 с.

24. Благодатских И.М. Женское политическое участие в непризнанном Приднестровье: проблемы источниковедения и историографии // Гендерное равноправие в России: Материалы Международ. научн. конф. / Под ред. Н.Л. Пушкаревой. – СПб.: Алетейя, 2008. – С.17–20.

25. Бобкова Е.М. Социологические исследования по проблеме формирования нравственного и правового сознания школьников // Этико-правовое воспитание школьников / Сост. Е.М. Бобкова. – Тирасполь, 2002. – 108 с.

26. Бовуар С. Второй пол. – М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. – Т. 1 и 2. – 832 с.

27. Богатова Л.М. Эмансипация как онтологическая трагедия пола // Философские науки. – 2008. – № 6. – С. 113–133.

28. Богатова Л.М. Фактор феминизации гендерного пространства культуры // Высшее образование в России. – 2008. – № 6. – С. 142–146.

29. Богатова Л.М. Феноменология пола: социально-философский дискурс проблемы: Дис. … д-ра филос. наук. – Казань, 2009. – 313 с.

30. Бодрийяр Ж. Соблазн. – М., 2000. – 318 с.

31. Бодруг-Лунгу В.И. Гендерные стереотипы и изменение повседневности (опыт Молдовы) [Электронный ресурс]. – URL: http://ecsocman.hse.ru/text/19210947/ (дата обращения: 23.08.2012).

32. Бомешко Б.Г. Создание, становление и защита приднестровской государственности. 1990–1992 гг. – Бендеры: Полиграфист, 2012. – 520 с.

33. Бондаревская Е.В. Теория и практика личностно-ориентированного образования. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского педагогического ун-та, 2000. – 352 с.

34. Брайсон В. Гендер и политика времени // Феминистская теория и современные дискуссии. – Киев: Центр учебной литературы, 2011. – 248 с.

35. Брайсон В. Политическая теория феминизма / Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. – М.: Идея-Пресс, 2001. – 304 с.

36. Брандт Г.А. Природа женщины как проблема // Общественные науки и современность. – 1998. – № 2. – С. 167–180.

37. Брандт Г.А. Природа женщины. – Екатеринбург: Гуманитарный ун-т. – 2000. – 180 с.

38. Бурдье П. Гегемония мужчин / Сокулер З.А. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 1: Социология. – 2002. – № 1. – С. 9–24.

39. Быченко Д.Ю. Методологические основы исследования человеческого потенциала // Известия Саратовского ун-та. Сер.: Социология. Политология. – 2011. – Т. 11, вып. 2. – С. 56–60.

40. Вейнингер О. Пол и характер. – М.: Латард, 1997. – 358 с.

41. Вовк Е. Гендерная асимметрия и женские роли в современной России // Социальная реальность. – 2006. – № 3. – С. 61–73.

42. Воронина О.А. Категории пол/гендер в философии феминизма // Философские исследования. – 1995. – № 4. – С. 80–99.

43. Воронина О.А. Философия пола // Философия: Учебник / Под ред. В.Д. Губина и др. – М.: Русское слово, 1996. – С. 388–407.

44. Воронина О.А. Проблема идентичности в феминизме постмодернити // Философия и культура. – 2011. – № 9(45). – С. 61–75.

45. Гаджиева Р.Г. Динамика гендерных стереотипов и их влияние на профессиональную самореализацию личности: Автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 2000. – 24 с.

46. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. – СПб.: Питер, 2006. – 335 с.

47. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

48. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. – СПб.: Наука, 1992. – 444 с.

49. Гендерные тетради. – СПб.: Филиал института социологии РАН, 1999. – Вып. 2. – 108 с.

50. Герцен А.И. Капризы и раздумье // Соч.: В 2-х т. Т. 1. – М.: Мысль, 1985. – 592 с.

51. Гидденс Э. Трансформация интимности. – СПБ.: Питер, 2004. – 208 с.

52. Головнева Е.В, Половцев Р.А., Сергиенко И.В. Ценностные аспекты формирования нового потенциала системы образования в современном обществе // Вестник ВЭГУ. – Уфа, 2012. – № 4(60). – С. 27–33.

53. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. – Л.: Наука, 1984. – 135 с.

54. Голод С.И. Моногамная семья: кризис или эволюция // Соц.-полит. журнал. – 1995. – № 6. – С. 74–87.

55. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. – СПб.: Петрополис, 1998. – 272 с.

56. Голод С.И. Социолого-демографический анализ состояния и эволюции семьи // Социс. – 2008. – № 1. – С. 40–49.

57. Гоффман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования: Хрестоматия. Ч. 2 / Под ред. С. Жеребкина. – Харьков: Алетейя, 2001. – С. 306–335.

58. Гурко Т.А. Социология пола и гендерных отношений // Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. – Гл. 8. – С. 173–195.

59. Гурко Т.А. Трансфомация института брака в России // Проблемы брака и супружества в условиях полиэтничного общества: теоретико-эмпирический анализ: Сб. статей Всерос. научно-практич. конф. / Под ред. Л.В. Карцева. – Казань, 2012. – С. 248–252.

60. Делез Ж. Ницше / Пер. с фр., послесл. и коммент. С.Л. Фокина. – СПб.: Аксиома, 1997. – 186 с.

61. Демиденко А.А. Инновационный потенциал гендерного образования // Философия образования. – 2009. – № 4. – С. 270–276.

62. Доклад о развитии человека. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие. – М.: Весь Мир, 2009. – 232 с.

63. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации. Россия в 2015: цели и приоритеты развития. – М.: ПРООН, 2005. – 220 с.

64. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1991. – 576 с.

65. Емельянова Л.К. Влияние семьи на воспитание подростка // Воспитание молодежи в развитом социалистическом обществе. – М., 1973. – С. 57–63.

66. Женственность [Электронный ресурс]. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 28.04.2013).

67. Женщины мира, 1995 год: тенденции и статистика // Социальная статистика и показатели. Сер. № 12. – Нью-Йорк: ООН, 1995. – 254 с.

68. Жеребкина И. Постсоветский феминизм: чем мы ангажированы, или происхождение из советских 60-х // Гендерные исследования. – 2010. – № 20–21. – С. 268–299.

69. Журженко Т.Ю. Социальное воспроизводство как проблема феминистской теории // Общественные науки и современность. – 2000. – № 4. – С. 27–41.

70. Задворнова Ю.С. Тенденции трансформации гендерных отношений в семье в исследованиях отечественных социологов // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 04(61) – С. 95–100.

71. Зверева И.А. Идентичность как философская проблема (социокультурные основания): Автореф. дис. … канд. филос. наук. – М., 2010. – 28 с.

72. Здравомыслова Е., Темкина А. Введение. Социальная конструкция гендера и гендерная система в России // Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период: Сб. статей. – СПб., 1996. – С. 5–13.

73. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Исследования женщин и гендерные исследования на Западе и в России // Женщина в обществе. – 1999. – № 6. – С. 177–185.

74. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. – 2000. – № 11. – С. 15–23.

75. Здравомыслова О.М. Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 152 с.

76. Зиммель Г. Женская культура // Избранное: В 2-х т. Т. 2. – М.: Юрист, 1996. – 607 с.

77. Зубаревич Н. Регионы России: социальная проекция экономического роста // Демоскоп Weekly, 2007. – № 273–274, 22 января – 4 февраля [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/2007/0273/tema05.php (дата обращения: 13.08.2012).

78. Исупова О.И. Материнский капитал и российские семьи [Электронный ресурс]. URL: http://demoscope.ru/weekly/2010/0443/gender03.php (дата обращения: 10.12.2012).

79. История современной зарубежной философии: Компаративистский подход. В 2-х т. Т.1. / Под ред. А.С. Колесникова – 3-е изд., расш. – СПб.: Лань, 1998. – 448 с.

80. Казнин Л.Н. Гендерное измерение пола // Вестник Нижегородского ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социология. Психология. Философия. – 2011. – № 3(1). – С. 387–392.

81. Калабихина И.Е. Почему важно развивать институты гендерного равенства в России // Научные исследования экономического факультета: Электрон. журнал. – 2011. – № 1. – С. 14–176.

82. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. – СПб.: Наука, 1999. – 471 с.

83. Кант И. Соч.: В 6-ти т. Т. 2. – М.: Мысль, 1964. – 611 с.

84. Кардапольцева В.Н. Женственность как социокультурный конструкт // Вестник РУДН. Сер.: Социология. – 2005. – № 1(8). – С. 62–76.

85. Карелова Г.Н. Женщины обновляющейся России: опыт реализации гендерного подхода. – М., 1997. – 72 с.

86. Клецина И.С. От психологии пола к гендерным исследованиям в психологии // Вопросы психологии. – 2003. – № 1. – С. 61–78.

87. Клецина И.С. «Компетентностный подход» и гендерное образование в высшей школе // Актуальные вопросы современного университетского образования: Материалы X Рос.-амер. научно-практич. конф. – СПб.: Изд-во РГПУ, 2007. – С. 105–109.

88. Клецина И.С. Трансформации гендерных отношений в российской семье // Женская история и современные гендерные роли: переосмысливая прошлое, задумываюсь о будущем: Материалы Третьей международ. научн. конф. Российской ассоциации исследователей женской истории, 1–3 ноября 2010 г. Череповец. – М.: ИЭА РАН, 2010. – Т. 1. – С. 284–291.

89. Клименкова Т.А. Философские проблемы неофеминизма 70-х годов // Вопросы философии. – 1988. – № 5. – С. 148–157.

90. Ключко О.И. Отечественный вариант гендерных исследований: проблемы методологии // Общественные науки и современность. – 2007. – № 4. – С. 172–176.

91. Козлов В.В. Образ мужчины – социально-психологический взгляд на проблему // Гендерные ценности и самоактуализация личности и малых групп в XXI веке: Материалы Международ. симпозиума, Кострома, 2004. В 2-х т. Т. 2. / Отв. ред. А.А. Журавлев, Н.П. Фетискин. – М.; Кострома: КГУ, 2004. – С. 90–94.

92. Козлова Н.Н. Гендер и вхождение в модерн // Общественные науки и современность. –1999. – № 5. – С. 164–174.

93. Козловский П. Культура постмодерна. – М.: Республика, 1997. – 240 с.

94. Коллонтай А. Революция быта // Марксистский феминизм. Коллекция текстов А.М. Коллонтай. – Тверь: Феминист Пресс – Россия, 2003. – 298 с.

95. Кон И.С. Маскулинность как история // Гендерный калейдоскоп / Под ред. М.М. Малышевой. – М.: Academia, 2002. – С. 209–229.

96. Кон И.С. Пол и гендер: Заметки о терминах // Андрология и генитальная хирургия. – 2004. – № 1–2. – С. 31–34.

97. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009. – 496 с.

98. Коннел Р. Современные подходы. Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 251–280.

99. Конституция РФ. Гимн Российской Федерации. – Новосибирск: Изд-во Сиб. ун-та, 2007. – 48 с.

100. Коноплева Н.А. Гендерные аспекты социокультурной адаптации творческой личности // Вестник ТОГУ. Сер.: Культурология и педагогика. – 2012. – № 1(24). – С. 305–312.

101. Корсини Р.А. Ауэрбах. Психологическая энциклопедия. – 2-е изд. – СПб., 2006. – 680 с.

102. Костикова А.А. Постмодернистский исход феминизма // Женщина. Гендер. Культура. – М.: МЦГИ, 1999. – С. 113.

103. Костикова А.А. Гендерная философия и феминизм: история и теория // Общество и гендер: Материалы Летней школы в Рязани, 1–12 июля 2003 г. – Рязань: Поверенный, 2003. – С. 31–42.

104. Кравец А.С. Субъективная форма бытия ценностей// Вестник ВГУ. Сер.: Философия. – 2012. – № 2. – С. 71–82.

105. Краева О.Л. Диалектика потенциала человека. – М.; Н. Новгород: НГСА, 1999. – 192 с.

106. Краева О.Л. Проблема потенциала человека в аспекте постнеклассической научной парадигмы // Вестник Нижегородского гос. ун-та. – 2002. – № 1. – С. 301–305.

107. Кризис семьи и депопуляция в России («круглый стол») // Социология исследования. – 1999. – № 11. – С. 50–57.

108. Крыкова И.В. Феминизм в пространстве современной гуманитарной культуры: Дис. ... канд. филос. наук. – Тамбов, 2009. – 188 с.

109. Курбанова Л.У., Петров В.Н. Проблемы и процессы гендерной самоидентификации чеченцев: теоретическое и эмпирическое исследование. – Краснодар, 2012. – 309 с.

110. Ладыкина Т.А. Феминизм в культуре постмодерна. – Омск: Омский юридический институт, 2004. – 91 с.

111. Лухманова. Н.А., Розанов В.В. Женщина перед великою задачею. – СПб., 1898 [Электронный ресурс]. – URL: http://dugward.ru/library/rozanov/rozanov_jenchina_pered_velikoy_zadachey.html (дата обращения: 23.11.2013).

112. Малахова Н.Б. Гендерные технологии как средство формирования гендерной идентичности в современных условиях [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mami.ru/science/autotr2009/methodical/articles/m04/m04_17.pdf (дата обращения: 23.12.2012).

113. Малышева М.М. Глобализация, гендерное неравенство и репродуктивный труд женщин // Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики / Отв. ред. и сост. канд. экон. наук Е.Б. Мезенцева. – М.: ИСЭПН РАН; Русская панорама, 2002. – С.116–136.

114. Малышева М.М. Экономическое развитие в оценке международного женского движения // Экономика и социальная политика: гендерное измерение. – М., 2002. – 288 с.

115. Манакова И.Ю. О фиктивности, подлинности и симуляции // Вестник Воронежского гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2012. – № 2(8). – С. 144–151.

116. Марговская М.Г. Роль и место гендерных стереотипов в общественном развитии (социально-философский аспект) [Электронный ресурс]. – URL: http://sibac.info/index.php/2009/07 (дата обращения: 05.08.2012).

117. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Госполитиздат, 1956. – 615 с.

118. Мартынова Т.Н. Гендерные проблемы высшего образования // Фундаментальные исследования. – 2005. – № 1 – С. 27–30.

91. Мезенцева Е.Б. Гендер и экономика: мировой опыт и экспертиза российской практики. – М.: Русская панорама, 2002. – 350 с.

119. Миллет К. Сексуальная политика (главы из книги) // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 141–155.

120. Митина О.В. Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах // Общественные науки и современность. – 1999. – № 3. – С. 179–191.

121. Мясникова Н.В. Женское движение в процессе формирования политического дизайна левобережных районов Республики Молдова (1989–2010): Дис. … канд. полит. наук. – М., 2012. – 189 с.

122. Надолинская Л.Н. Конструирование гендерного дискурса и стратегии гендерного партнерства // Вестник Таганрогского гос. пед. института. Сер.: Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С.154–158.

123. Науменко М.В. Социокультурные факторы гендерной социализации подростков в транзитивном обществе // Гуманитарные и социальные науки. Психология. – 2010. – № 6. – С. 261–272.

124. Нестеровский П.А. Бессарабские русины. – Варшава: Сатурн, 1905. –180 с.

125. Ницше Ф. Соч.: В 2-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 829 с.

126. Ожигова Л.Н. Гендерная идентичность личности и смысловые механизмы ее реализации: Автореф. дис. … д-ра психол. наук. – Краснодар, 2006. – 46 с.

127. Омельченко Е. Становление гендера: кто и что помогает нам стать собой, а также женщинами и мужчинами // Гендер для «чайников». – М.: Звенья, 2006. – С. 85–107.

128. Остапенко И.А. Гендерная идентичность и самопрезентация в Интернет-коммуникации: социально-философский анализ: Автореф. дис. … канд. филос. наук. – Краснодар: Акад. МВД России; Ростов н/Д., 2004. – 24 с.

129. Петренко Е.Л. Гендер и образ современности // Общество. Гендер. Культура: Материалы Международ. научно-практич. конф. – Омск: Омск. госуниверситет, 2001. – Ч. 1. – С. 3–7.

130. Писарев Д.И. Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова // Соч. – М.: Гослитиздат, 1955. – Т. 1. – 391 с.

131. Платон. Пир // Собр. соч.: В 4-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.

132. Позднякова Л.Р. Повышение квалификации учителя в процессе овладения личностно-ориентированной образовательной технологией: Автореф. дис. … канд. пед. наук. – Ростов н/Д., 1999. – 21 с.

133. Пол и гендер в науках о человеке и обществе / Под ред. В. Успенской. – Тверь: Феминист-Пресс, 2005. – 382 с.

134. Положение женщин в Приднестровье: проблемы, анализ ситуации, перспективы // Исследование. Женский правовой центр. – Тирасполь: Окно в Мир, 2006. – 155 с.

135. Попова Л.В. Проблема самореализации одаренных женщин // Вопросы психологии. – 1996. – № 2. – С. 31–42.

136. Порядина В.А. Основные детерминанты формирования гендерной идентичности личности [Электронный ресурс]. – URL: http://kds.eparhia.ru/www/script/2_20__2010_-_poryadina..htm (дата обращения: 10.09.2012).

137. Поспелова О.В. Идентичность и субъективность: гендерный подход: Дис. … канд. филос. наук. – Архангельск, 2003. – 255 с.

138. Потапенкова А.А. Социально-философский анализ гендерных отношений в современном обществе: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Москва, 2006. – 24 с.

139. Ревина М.А. Гендерная идентификация в управленческой деятельности: Автореф. дис. … канд. социол. наук. – М., 2001. – 27 с.

140. Риккер Ю.О. Гендерная идентичность: философско-антропологические аспекты анализа // Гендерные аспекты гуманитарных наук: Материалы II Международ. заочной научно-практич. конф., 21 ноября 2012 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/5045-2012-11-27-07-29-53 (дата обращения: 01.12.2013).

141. Римашевская Н.М. Реформирование социальной сферы в контексте гендерных отношений // Гендер как инструмент познания и преобразования общества. – М.: МЦГИ; Солтэкс, 2006. – С. 62–63.

142. Ритцер Дж. Современные социологические теории. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 688 с.

143. Руссо Ж.-Ж. Избр. соч.: В 3-х т. Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1961. – 852 с.

144. Рябов О.В. Россия-Матушка: национализм, гендер и война в России XX века. – Stuttgart, Hannover: Ibidem, 2007. – 290 с.

145. Савенкова И.В. Гендерные отношения в системе управления социальным потенциалом организации: Дис. … канд. социол. наук. – Орел, 2007. – 180 с.

146. Сериков В.В. Парадигма современного образования: ориентация на личность // Научно-педагогические школы юга России: теория и история развития [Электронный ресурс]. – URL: http://rspu.edu.ru/university/publish/schools/2/index.html (дата обращения: 14.12.2010).

147. Силласте Г. Эволюция социальных позиций женщин в меняющемся российском обществе // Социологические исследования. – 1995. – № 4. – С. 58–65.

148. Силласте Г. Эволюция духовных ценностей россиянок в новой социокультурной ситуации // Социологические исследования. – 1995. – № 10. – С. 88–95.

149. Слезкина Ю.М. Характеристика доминантных моделей маскулинности и фемининности (на примере опроса студентов, обучающихся по специальности «социальная работа» в ТГУ // Вестник ТГУ. Сер.: Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1(17). – С. 90.

150. Соловьев Вл. Смысл любви // Философия искусства и литературная критика. – М., 1991. – С. 141.

151. Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской Республики – 2012 // Государственная служба статистики Министерства экономики ПМР. – Тирасполь, 2012. – 189 с.

152. Степанов В.П. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX – нач. XX вв. – Кишинев, 2001. – 263 с.

153. Степанов В.П. Грани идентичностей: этногражданские процессы в среде национальных меньшинств Республики Молдова на примере украинского населения (1989–2009 гг.). – Кишинев: Elan Inc, 2010. – 596 с.

154. Столин В.В. Самосознание личности. – М.: МГУ, 1983. – 284 с.

155. Стрельник Е. Понятие социального потенциала в интерпретации проблемы гендерного неравенства // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2006. – № 4. – С. 147–160.

156. Суковатая В.А. Новая гендерная идентичность и феминистские политики в образовании: перспективы для высшей школы в XXI веке // История, теория, методология гендера. – № 6 [Электронный ресурс]. – URL: http://giacgender.narod.ru/n6t2.htm

157. Тартаковская И.Н. Гендерная теория как теория практик: подход Роберта Коннела // Социологический журнал. – 2007. – № 2. – С. 5–23.

158. Тартаковская И.Н. Гендерные отношения в приватной сфере: постсоветские трансформации семьи и интимности // Лабораториум. – 2010. – № 3. – С. 5–11.

159. Тартаковская И.Н. Мужчины и женщины в легитимном дискурсе // Гендерные исследования. – 2000. – № 4. – С. 246–265.

160. Темкина А.А. Феминизм: Запад и Россия // Преображение: Русский феминистский журнал. – 1995. – № 3. – С. 5–17.

161. Темкина А.А. Многоликий феминизм // Феминистская теория и практика: Восток–Запад: Материалы Международ. научно-практич. конф. / Под ред. Ю. Жуковой. – СПб.: Изд-во ПЦГП, 1997. – С. 85–86.

162. Тукачева Ю.С. Гендерный подход к развитию личности в сфере образования // Женщина в российском обществе. – 2011. – № 04(61). – С. 59–66.

163. Тулузакова М.В. Социокультурные образцы феминного и маскулинного и проблема гендерного равенства // Вестник ТГЭУ. – 2009. – № 4. – С. 105–118.

164. Ушакин С. Поле пола. – Вильнюс: ЕГУ; М.: Вариант, 2007. – 320 с.

165. Уэст К., Зиммерман Д. Создание гендера: гендерные тетради // Хрестоматия феминистских текстов. Переводы / Под. ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. – С. 193–220.

166. Феррони В.В. Социальная реальность и реальность другого // Вестник ВГУ. Сер.: Философия. – 2012. – № 2. – С. 102–114.

167. Филлипс Т.Ч. Феминизм и семья: историко-социологический анализ / Под ред. А.И. Антонова. – М.: Грааль, 2002. – 176 с. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/antonov/ (дата обращения: 01.10.2012).

168. Фихте И.Г. «Основоположения естественного права согласно принципам наукоучения… первое приложение естественного права»: Очерк семейного права. – 1972. – № 5. – С. 120–125.

169. Фрейд. З. Введение в психоанализ. Лекции 1–15. – СПб.: Алетейя, 1999. – 329 с.

170. Фридан Б. Загадка женственности. – М.: Прогресс-Литера, 1994. – 496 с.

171. Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: АСТ, 1998. – 512 с.

172. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.

173. Фуко М. История сексуальности. – Киев: Грунт, 1998. – 288 с.

174. Хукс Б. Феминистская теория: от края к центру // Антология гендерной теории. – Минск, 2000. – С. 236–254.

175. Человеческое развитие и роль женщины. На основе Доклада о развитии человека за 2003 год, ПРООН // Архитектура и строительство России. – 2003. – С. 20.

176. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности // Гос. изд. художественной литературы. – М., 1955. – 221 с.

177. Чернышевский Н.Г. Что делать?: Роман. – Минск: Беларусь, 1969. – 448 с.

178. Шапарь В.Б., Россоха В.Е., Шапарь О.В. Новейший психологический словарь / Под общ. ред. В.Б. Шапаря. – Ростов н/Д.: Феникс, 2007. – 808 с.

179. Шестаков В.П. Эрос и культура: философия любви и европейское искусство. – М.: Республика; ТЕРРА-Книжный клуб, – 1999. – 464 с.

180. Шимин Н.Д. Целостность как феномен бытия человека. – Н. Новгород, 1995. – С. 69–54.

181. Шнейдер Л.Б. Профессиональная идентичность: Монография. – М.: МОСУ, 2001. – 256 с.

182. Шопенгауэр А. Сборник произведений. – Минск: Попурри, 1998. – 464 с.

183. Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в советском обществе. Философско-социологические проблемы. – Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1991. – 231 с.

184. Штейнберг У. Круг внимания – М., 1998. – 223 с.

185. Штылёва Л.В. Сущность полоролевого подхода в образовании // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 2, № 2. – С. 260–262.

186. Шюц А. Формирование понятия и термин в общественных науках // Американская социологическая мысль / Под. ред. В.И. Добренькова. – М.: Изд-во Ун-та бизнеса и управления, 1996. – 535 с.

187. Элеанор Э. Маккоби. Два пола. Растем порознь, живем вместе [Электронный ресурс]. – URL: http://read.newlibrary.ru/read/makkobi_yeleanor/page1/dva_pola__rastem__porozn__zhivem_vmeste.html (дата обращения: 04.10.2012).

188. Эллиот П., Мендел Н. Теории феминизма // Гендерные исследования: феминистская методология в социальных науках / Под ред. И. Жеребкиной. – Харьков: ХЦГИ, 1998. – С. 15–46.

189. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. – М.: Политиздат, 1989. – 224 с.

190. Юлина Н.С. Женщина, семья и общество. Дискуссии в феминистской мысли США // Вопросы философии. – 1994. – № 9. – С. 135–137.

191. Юлина Н.С. Феминизм: женщина, семья и общество: Очерки по философии в США. XX век. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С. 266–281.

192. Юргина Л.А. Социальные функции высшего образования // Сб. науч. тр. СевКавГТУ. Сер.: Гуманитарные науки. – 2010. – № 8. – С. 151–155.

193. Юсупова М.В. Образование в гендерном измерении // Изд. Самар. науч. центра РАН. – 2010. – Т. 12, № 5. – С. 90–91.

194. Якиманская И.С. Личностно ориентированное обучение в современной школе. – М.: Сентябрь, 1996. – 96 с.

195. Bejan-Volc, Iulia Relaţiile gender rural: un imperativ al timpului / Iulia Bejan-Volc. – Ch.: Centrul Ed.-poligr. al USM, 2004. – 160 p.

196. Bittman M. ‘Parenting and employment: what time-use surveys show’, in N. Folbre and M. Bittman (eds) Family Time: The Social Organization of Childcare London and New York, NY: Routledge, 2004. – P. 152–70.

197. Brooks A. Postfeminism. Feminism, cultural theory and cultural forms. - L. and N. Y.: «Routledge», 1997. – P. 210–211.

198. CAWP (Centre for American Women and Politics), 2006 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cawp.rutgers.edu/, 10/01/07 (дата обращения: 10.09.2012).

199. Epstein C. ‘Border crossings: the constraints of time norms in transgressions of gender and professional roles’, in C. Epstein and A.Kalleberg (eds) Fighting for Time: Shifting Boundaries of Work and Social Life, New York, NY: Russell Sage Foundation, 2004. – P. 317–40.

200. Friedman Marilyn Autonomy, Gender, and Politics. – Oxford, 2003. – P. 272 [Электронный ресурс]. – URL: http://ndpr.nd.edu/news/23474-autonomy-gender-and-politics/ (дата обращения: 02.02.2013).

201. Giddens A The transformation of Intimacy. Sexuality, Love and Eroticism in Modern Societies.Stanford, CA: Stanford University Press, 1992. – P. 216.

202. Goffman E. The arrangement between sexes // Theory and society. – 1977. – № 4. – P. 301–331.

203. Havelkova, H. A Few Prefeminist Thoughts. In: Funk, N. & Mueller, M. (Eds.) Gender Politics and Post-Communism. – NY, L.: Routledge, 1993. – P. 62–74.

204. Merchant C. Death of Nature: Women, Ecology and the Scientific Revolution. – San Francisco, Harper and Row, 1980. – 290 p.

205. MickolişinaA. În: SimpozionulInternaţional al tinerilorcercetători. Ediţia a VII-a.10-11 aprilie 2009.Chişinău: ASEM, 2009, Vol. I. – P. 87–90.

206. Parsons T.The American Family: Its Relation to Personality and to the Social Structure // Parsons T., Bales R. Family, Socialization and Interaction Process. Glencoe, Ill.: FreePress, 1955. – 422 p.

207. Serene J. Khader. Adaptive Preferences and Women's Empowerment. Add to Cart. (Studies in Feminist Philosophy). 2011. – P. 40–72.

208. Setting the Moral Compass: Essays by Women Philosophers, Oxford University Press, 2004. – 384 p.

209. Smejkalova-Strickland J. Do Czech Women Need Feminism? Perspectives on Feminist Theories and Practices in Czechoslovakia // Women's Study International Forum. 1994. Vol. 17. Oxford University Press, 2004, № 2–3. – P. 277–282.

210. Sullivan, O. ‘Changing gender practices within the household: a theoretical perspective’, Gender and Society. 2004. Vol 18, № 3. – P. 207–22.

211. Racioppi L., O'Sillivan S. Organizing Women before and atfer the Fall: Women's Politics in the Soviet Union and Post-Soviet Russia // Signs. Summer 1995. Vol. 20.